LIFE FOR GOD

Внутренний путь

Иоганн Таулер

ХРИСТИАНСКАЯ МИСТИКА

Полный русский перевод

1909

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полное историческое издание: 36 проповедей, введение, первоначальное оглавление, три наставления об исповеди и примечания. Английский текст издания 1909 года и новый русский перевод.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Основа — второе издание The Inner Way (Лондон: Methuen & Co., ноябрь 1909; первое издание — 1901). Электронная транскрипция CCEL сверена в исправленных местах с недатированным печатным экземпляром Methuen с той же пагинацией; восстановлены выявленные пропуски и исторические примечания. Основную часть английского перевода выполнила не названная по имени переводчица; Артур Уолластон Хаттон отредактировал перевод и написал введение. Сохраняется исторический состав книги, включая проповедь V, которую исходное оглавление приписывает Экхарту. Новый русский перевод выполнен с исторического английского текста; богословские суждения и исторические особенности изложения сохранены. Латинские вступительные цитаты сохранены; следующие за ними английские переводы переданы по-русски.

Исторический английский текст находится в общественном достоянии в США. Новый русский перевод и подготовка данного издания — Life for God, 2026. Современные сторонние русские переводы не использованы.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Johannes Tauler · The Inner Way · historical edition and public-domain catalogue

Johannes Tauler · The Inner Way · CCEL electronic transcription

The Inner Way · Methuen, undated impression · University of Toronto historical scan

Содержание

Об издании 2
Источники 3
Содержание 4
Исторический титульный лист 7
Историческое оглавление 8
Введение 1. Задача настоящего издания 11
Введение 2. Некоторые сведения о жизни Таулера 18
Введение 3. Заметки об учении Таулера 24
Введение 4. Таулер и мистицизм 30
Введение 5. Переводы проповедей Таулера 39
Внутренний путь 42
Проповедь I. На праздник святого апостола Андрея 43
Проповедь II. На день святой Варвары или другой святой девы . . 52
Проповедь III. На Зачатие Пресвятой Девы, а также на Её Рождество 57
Проповедь IV. На праздник святого Стефана или святого Лаврентия 65
Проповедь V. На день святого Иоанна Евангелиста 79
Проповедь VI. На праздник святой девы Агнессы 85
Проповедь VII. На Сретение — праздник Пресвятой Девы 92
Проповедь VIII. На праздник святой Агаты или святых дев . . . 101
Проповедь IX. На Благовещение Пресвятой Девы 106
Проповедь X. На Рождество Иоанна Крестителя. Первая проповедь 114
Проповедь XI. На Рождество святого Иоанна Крестителя. Вторая проповедь 124

Проповедь XII. На праздник святого Тимофея или воспоминание святого Петра 135

Проповедь XIII. На праздник святого апостола Павла 141

Проповедь XIV. На Введение Пресвятой Девы или на попразднство Её Рождества 147

Проповедь XV. На праздник святой Марии Магдалины 156

Проповедь XVI. На праздник святого мученика Лаврентия . . . 168

Проповедь XVII. На Успение Пресвятой Девы 177

Проповедь XVIII. На праздник святого Августина 185

Проповедь XIX. На Рождество Пресвятой Девы 192

Проповедь XX. На Воздвижение Святого Креста. Первая проповедь 199

Проповедь XXI. На Воздвижение Святого Креста. Вторая проповедь 205

Проповедь XXII. На Воздвижение Святого Креста. Третья проповедь 213

Проповедь XXIII. На праздник святого апостола и евангелиста Матфея 221

Проповедь XXIV. На праздник святого Михаила и всех ангелов . 228

Проповедь XXV. На день Всех святых. Первая проповедь 235

Проповедь XXVI. На день Всех святых. Вторая проповедь 246

Проповедь XXVII. На день Всех святых или святой Урсулы. Третья проповедь 253

Проповедь XXVIII. На праздник святой девы Екатерины 257

Проповедь XXIX. На праздник двенадцати апостолов 263

Проповедь XXX. На праздник мучеников 269

Проповедь XXXI. На день святого мученика 277

Проповедь XXXII. На праздник святого епископа 287

Проповедь XXXIII. На праздник святого исповедника 298

Проповедь XXXIV. На праздник святой девы 303
Проповедь XXXV. На праздник освящения храма 311
Проповедь XXXVI. На праздник освящения храма 317
Наставление 1 326
Наставление 2 328
Наставление 3 330
Примечания 333

Исторический титульный лист

[1] ВНУТРЕННИЙ ПУТЬ
ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ПРОПОВЕДЕЙ
НА ПРАЗДНИКИ
ИОАННА ТАУЛЕРА
БРАТА-ПРОПОВЕДНИКА
ИЗ СТРАСБУРГА
НОВЫЙ ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ВВЕДЕНИЕМ
АРТУРА УОЛЛАСТОНА
ХАТТОНА, МАГИСТРА ИСКУССТВ
НАСТОЯТЕЛЯ СЕНТ-МЭРИ-ЛЕ-БОУ
ЧИПСАЙД
МЕТЬЮЭН И КО.
ЭССЕКС-СТРИТ, 36, W.C.
ЛОНДОН
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ — МАЙ 1901
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ — НОЯБРЬ 1909

Историческое оглавление

[1] I. Задача настоящего издания — ix

[2] II. Некоторые сведения о жизни Таулера — xvii

[3] III. Заметки об учении Таулера — xxiv

[4] IV. Таулер и мистицизм — xxx

[5] V. Переводы проповедей Таулера — xl

[6] I.† Святой Андрей. *Rabbi, ubi habitas? etc.* — 1

[7] II.* Святая Варвара. *Dilectus meus loquitur mihi, etc.* — 11

[8] III.* Зачатие Пресвятой Девы Марии. *Transite ad me, etc.* — 17

[9] IV.† Святой Стефан или святой Лаврентий. *Nisi granum frumenti, etc.* — 26

[10] V.‡ Святой Иоанн Евангелист. *Hic est discipulus ille, etc. [Эта проповедь принадлежит Экхарту.]* — 42

[11] VI.† Святая Агнесса. *Virgo cogitat, etc.* — 49

[12] VII.‡ Сретение. *Ecce ego mitto angelum meum, etc.* — 57

[13] VIII.† Святая Агата. *Regnum mundi, etc.* — 67

[14] IX.‡ Благовещение Пресвятой Девы Марии. *Ave, gratia plena, etc.* — 73

[15] X.* Рождество святого Иоанна Крестителя, I. *Johannes est nomen ejus* — 82

[16] XI.* Рождество святого Иоанна Крестителя, II. *Hic venit in testimonium, etc.* — 93

[17] XII.† Святой Тимофей или воспоминание святого Петра. *Argue, obsecra, etc.* — 106

[18] XIII.‡ Святой Павел. *Vivo autem jam non ego, etc.* — 112

[19] XIV.* Посещение Пресвятой Девы Марии. *Transite ad me omnes, etc.* — 118

[20] XV.† Святая Мария Магдалина. *Martha, Martha, sollicita es, etc.* — 127

[21] XVI.* Святой Лаврентий. *Qui mihi ministrat, etc.* — 141

[22] XVII.* Успение Пресвятой Девы Марии. *In omnibus requiem quæsivi, etc.* — 151

[23] XVIII.* Святой Августин. *Vigilate, quia nescitis, etc.* — 159

[24] XIX.* Рождество Пресвятой Девы Марии. *Transite ad me omnes, etc.* — 167

[25] XX.* Воздвижение Святого Креста, I. *Ego si exaltatus fuero, etc.* — 175

[26] XXI.* Воздвижение Святого Креста, II. *Ego si exaltatus fuero, etc.* — 181

[27] XXII.* Воздвижение Святого Креста, III. *Quasi cedrus exaltata sum, etc.* — 190

[28] XXIII.* Святой Матфей. *Sequere me* — 199

[29] XXIV.* Михайлов день. *Angeli eorum, etc.* — 207

[30] XXV.* Все святые, I. *Videns Jesus turbas, etc.* — 215

[31] XXVI.† Все святые, II. *Beati pauperes spiritu, etc.* — 227

[32] XXVII.† Все святые, III, или святая Урсула. *Beati mundo corde, etc.* — 236

[33] XXVIII.† Святая Екатерина. *Inventa una preciosa margarita, etc.* — 241

[34] XXIX.† Двенадцать апостолов. *Si diligitis me, etc.* — 247

[35] XXX.† Святые мученики. *Calicem Domini biberunt, etc.* — 254

[36] XXXI.† Святой мученик. *Beatus vir qui suffert tentationem, etc.* — 263

[37] XXXII.† Святой епископ. *In nomine meo, etc.* — 275

[38] XXXIII.† Святые исповедники. *Lucerna corporis tui, etc.* — 287

[39] XXXIV.† Святые девы. *Quinque ex eis erant fatuæ, etc.* — 293

[40] XXXV.* Освящение церкви, I. *In domu tua oportet me manere* — 301

[41] XXXVI.* Освящение церкви, II. *Domus mea domus orationis vocabitur* — 308

[42] XXXVII.* Три наставления об исповеди — 318

[43] * Напечатано в первоначальном издании 1498 года.

[44] † Впервые напечатано в базельском издании 1521 года.

[45] ‡ Впервые напечатано в кёльнском издании 1543 года.

Введение 1. Задача настоящего издания

[1] В этом томе содержатся тридцать семь проповедей Иоанна Таулера, составляющие третью часть полных изданий, вышедших во Франкфурте в 1826 году и в Праге в 1872 году под редакцией Гамбергера. Это проповеди на праздники святых *(de sanctis)*, тогда как первая и вторая части содержат проповеди на дни церковного года *(de tempore)*; общее их число — 145. Если настоящий том праздничных проповедей будет встречен благосклонно, за ним могут последовать проповеди на дни церковного года в двух или трёх томах. До сих пор по-английски появились лишь двадцать семь проповедей Таулера: они содержатся в известном, но теперь ставшем редкостью томе мисс Сусанны Уинкворт, предисловие к которому написал Чарльз Кингсли.[1] Из тридцати семи праздничных проповедей мисс Уинкворт перевела только три — под номерами 4, 12 и 31 в настоящем томе; таким образом, тридцать четыре проповеди, ныне предлагаемые читателю, впервые появляются здесь на английском языке. Проповеди на дни церковного года были переведены на французский язык г-ном Шарлем Сент-Фуа и изданы в Париже в 1855 году; однако проповеди *de sanctis* он в свой труд не включил. Их можно найти, вместе со всем остальным, что справедливо или ошибочно приписывают Таулеру, в латинском переводе — или, точнее, пересказе — картезианца Лаврентия Сурия,[2] основанном на немецком кёльнском издании 1543 года. До конца XVII столетия этот перевод переиздавался не менее двенадцати раз и был также переведён на итальянский, французский и голландский языки.

[2] До появления издания Гамбергера (Прага, 1872) общепринятым немецким изданием проповедей было вышедшее во Франкфурте в 1826 году без имени редактора. Им пользовались мисс Уинкворт и г-н Сент-Фуа; оно положено и в основу настоящего издания, поскольку к изданию Гамбергера я мог обращаться лишь в Британском музее. В анонимном введении указаны рукописные источники, на которых основывались прежние основные немецкие издания: лейпцигское 1498 года, аугсбургское 1508-го, базельское 1521-го, гальберштадтское 1523-го, кёльнское 1543-го, франкфуртское 1565-го, амстердамское 1588-го, антверпенское 1593-го и гамбургское 1621-го. Первое лейпцигское издание 1498 года было напечатано по страсбургским рукописям, которые, как утверждалось, были современны Таулеру и исправлены им самим. Поэтому восемьдесят четыре проповеди этого издания могут считаться подлинными, за исключением четырёх, принадлежность которых Экхарту известна. В базельском издании 1521 года были прибавлены сорок две проповеди; редактор Иоганн Риман говорит о них, что «они были обнаружены позднее и собраны с великой заботой и усердием. Если в отношении некоторых из них и может возникнуть сомнение, пусть это тебя не смущает: несомненно, они написаны весьма учёным человеком той эпохи и все стоят на одном основании — истинном самоотречении и приготовлении духа к Богу». Некоторые из них, вероятно, следует приписать Экхарту, Сузо или Рейсбруку. Те из них, что вошли в настоящий том, отмечены в оглавлении знаком *. О базельском издании следует заметить, что оно было выпущено в интересах Реформации; статья о Таулере в новом издании *Kirchenlexicon* (1899), по-видимому, совершенно не

учитывает эти сорок две добавленные проповеди и признаёт подлинными лишь пять из тех, что были прибавлены в кёльнском издании, о котором сейчас будет сказано. Ниже речь пойдёт о том единственном смысле, в каком Таулера можно назвать «реформатором до Реформации»; здесь же уместно отметить, что Лютер, издавший в 1517 году *Theologia Germanica*, сочинение одного из современников Таулера, годом ранее написал Спалатину похвалу проповедям Таулера, которой как свидетельству их протестантской направленности придавали, несомненно, чрезмерное значение. Одного того, что эти слова были написаны, когда Лютер ещё оставался приором в Виттенберге и разрыва с Римом ещё не произошло, должно было хватить, чтобы уберечь их от подобного ложного истолкования.[3] Наконец, в кёльнском издании 1543 года, ставшем образцом для всех последующих, редактор Пётр Новиомаг прибавил ещё двадцать пять проповедей, найденных им главным образом в библиотеке монастыря Святой Гертруды в Кёльне. Их подлинность в целом подтверждается как внутренними свидетельствами, так и тем обстоятельством, что Таулер часто проповедовал монахиням Святой Гертруды. Из праздничных проповедей настоящего тома восемнадцать находятся в первоначальном лейпцигском издании, пятнадцать входят в базельское дополнение, а четыре принадлежат к числу добавленных в кёльнском издании. Мисс Уинкворт, выбирая из всех 145 проповедей, взяла одиннадцать из первоначального издания, одиннадцать из базельского дополнения и пять из кёльнского. Из праздничных проповедей она выбрала лишь три, руководствуясь скорее назидательностью, нежели подлинностью.

[3] Однако в отношении подлинности вообще следует признать, что ни одна из 145 проповедей не может притязать на ту достоверность, какой она обладала бы, будь она записана собственной рукой Таулера и опубликована им как выражение того, что он сказал или намеревался сказать в данном случае. Он всегда произносил свои проповеди устно; рукописи же — в лучшем случае записи его слушателей. Едва ли нужно говорить, что такие записи не воспроизводят проповедей в том виде, в каком они действительно произносились; однако именно этот способ передачи объясняет и разночтения в различных изданиях, и неясность отдельных мест. Критическое издание проповедей Таулера, подготовленное сведущим человеком, несомненно, желательно. Но с точки зрения назидания было бы прискорбно, если бы в таком издании не нашлось места превосходному во всех прочих отношениях материалу лишь потому, что его авторство остаётся сомнительным.

[4] Задача издания проповедей Таулера, предпринятого мисс Уинкворт, отличалась от задачи настоящего труда. Она полюбила эти проповеди, слыша, как некоторые из них читали в немецких протестантских семьях за домашним богослужением. Её замысел состоял в том, чтобы познакомить английскую публику с прежде неизвестным ей проповедником, составив «том проповедей на воскресные и праздничные дни года, которые мог бы читать своим домашним любой глава семьи или беднякам — любой посещающий их приходской попечитель». Но, вполне справедливо желая печатать выбранные проповеди целиком, она сочла себя вынужденной опустить те, которые полностью или отчасти «слишком насыщены отсылками к римским

обрядам и установлениям, чтобы подходить простому протестантскому народу». Не могу сказать, что какая-либо из проповедей кажется мне особенно пригодной для такой цели. В них, конечно, немало мыслей, со времён Таулера сделавшихся общими местами проповеди, и других, которые вполне могли бы получить такое же признание; но для того применения, которое имела в виду мисс Уинкворт, одного перевода недостаточно. Человек, желающий с пользой излагать их другим, должен сначала усвоить их дух, а затем выразить его собственным языком. Поэтому мой замысел состоял скорее в том, чтобы представить эти проповеди Таулера в форме, способной содействовать более точной исторической оценке самого человека и его учения. Я вовсе не намеревался ни сокращать, ни приспосабливать его слова. Он был доминиканским монахом XIV века и без тени оговорок разделял все верования своего времени и своей Церкви. Особенно заметна горячность его почитания Девы Марии. Опускать её или приглушать в переводе было бы столь же неуместно, как исправлять любые другие проявления его верований и обычаев, какими бы грубыми и почти гротескными некоторые из них, несомненно, ни были.[4] Более того, чтобы повсюду сохранялось впечатление католического проповедника, обращающегося к католической общине, я даже предпринял особые усилия, приводя английский перевод библейских текстов по Дуэйской Библии. Хотя во времена Таулера её ещё не существовало, как не существовало и нашей Авторизованной версии, она является верным переводом Вульгаты, которой Таулер пользовался на кафедре, переводя её на немецкий язык для своих слушателей. Таково, по крайней мере, было моё намерение; хотя по недосмотру и в силу большей

привычки к Библии короля Иакова я, возможно, не всюду следовал ему. Здесь я хочу выразить самую искреннюю благодарность даме, пожелавшей остаться безымянной, чьему терпеливому труду принадлежит основная часть перевода проповедей. Предложения Таулера порой неясны из-за своей длины; во многих случаях переводчице удалось устранить эту неясность, разделив одно предложение на два или больше. Однако устранить неясность оригинала удалось не везде. Пример приёмов некоторых прежних переводчиков Таулера приведён в конце настоящего введения. Тем не менее предлагаемый перевод в целом окажется лёгким и доступным для чтения; он должен сделать более знакомой одну из наиболее примечательных фигур в истории христианской Церкви — человека, чьё учение показывает, насколько существенно единство, лежащее в основе духовного понимания христианского Символа веры, как бы ни расходились его истолкователи в вопросах формы.

[5] Следует сказать несколько слов в объяснение заглавия «Внутренний путь», которое носит настоящий том. Оно употреблено лишь ради удобства, по настоятельной просьбе издателей. Мне самому казалось, что названия «Праздничные проповеди Таулера» вполне достаточно, чтобы обозначить содержание книги для всех, кого она может заинтересовать. Более того, дополнительное заглавие могло бы вызвать недоумение — особенно у тех, кто знает, что все духовные сочинения, кроме проповедей, некогда приписывавшиеся Таулеру, теперь обычно признаются неподлинными. Но, по-видимому, в книжной торговле, рассматриваемой как предприятие, слово «проповеди» имеет роковое значение, и его необходимо избегать любой ценой. Под этим давлением я выбрал заглавие, которое обозначает общий характер

учения Таулера и, надеюсь, не породит ложного представления о том, чем является настоящий том.

Введение 2. Некоторые сведения о жизни Таулера

[1] Историческая критика XIX века не оставила в покое и Таулера. Когда в 1857 году мисс Уинкворт опубликовала свою «Историю и жизнь достопочтенного доктора Иоанна Таулера», никто, за исключением возражений, продиктованных религиозным чувством, не оспаривал, что именно он был тем «магистром Священного Писания», которого обратил «Друг Божий из Оберланда», как повествуется в этой своеобразной и назидательной легенде. Этот рассказ действительно печатался в каждом издании проповедей Таулера и считался достоверным документом, почти современным описанным событиям. Кетиф и Экар ещё в начале XVIII века предположили в своём труде *Scriptures Ordinis Praedicatorum*, что легенду следует рассматривать как аллегорию.[5] Эту точку зрения поддержал Вейс в уже упомянутой статье о Таулере в *Biographie universelle* (1826). Однако именно учёному доминиканцу нашего времени Г. С. Денифле предстояло указать, что применение этого рассказа к Таулеру сопряжено с серьёзными историческими затруднениями и едва согласуется с некоторыми установленными фактами.[6] Казалось бы, его критика решила вопрос. Но Прегер, протестант, посвятивший значительную часть жизни изучению немецких мистиков и избранный автором жизнеописания Таулера для «Всеобщей немецкой биографии», подробно ответил ему в третьем томе своего труда *Deutsche Mystik* (1893). Многие сочтут, что ему удалось восстановить здание, которое Денифле, как полагали, разрушил. Впрочем, критика последнего убедительно подкреплена статьёй о Таулере,

написанной фон Лоэ, также доминиканцем, для одиннадцатого тома нового издания *Kirchenlexicon* (1899). Тому, кто не посвятил этому вопросу длительного самостоятельного исследования, невозможно рассудить спорящих.

[2] Кроме того, этот спор переплетается с другим вопросом: подчинился ли Таулер папскому интердикту, под которым Страсбург и другие города, поддержавшие императора Людовика Баварского, находились долгие годы после 1329 года. Свидетельства, несомненно, склоняют к выводу, что Таулер и доминиканская обитель в Страсбурге подчинились ему. Прегер, однако, считает доказанным, что некий Мерсвин, мирянин, оставивший видное положение в городе и проводивший покаянную жизнь как один из «друзей Божиих», получал от Таулера таинства во время интердикта. Но страсбургский летописец Шпеклин, на которого Прегер ссылается в подтверждение этого утверждения, говорит также, что Таулер написал книгу — или две книги, — в которой протестовал против того, чтобы людям позволяли умирать без таинств во время интердикта и из послушания ему, и что эта книга была осуждена как еретическая. Католические защитники Таулера отвечают, что такого быть не могло, поскольку тогдашнее церковное право не запрещало подобного преподания таинств во время интердикта. Жаль, что столь прекрасная легенда стала поводом к столь острому спору.

[3] Переходя к очерку бесспорных фактов жизни Таулера, отметим, что он родился в Страсбурге около 1300 года в почтенной городской семье, жившей в доме «близ Мельничного моста». В ранней юности — по Прегеру, в пятнадцать лет — он поступил послушником в

доминиканский монастырь Страсбурга и всю жизнь оставался братом этого «ордена проповедников», известного в Англии под именем «чёрных братьев». Два года послушничества и восемь лет предварительного обучения он провёл в родном городе; затем его, как многообещающего брата, направили ещё на четыре года в кёльнский *studium generale*. Любопытно отметить, что в те ранние страсбургские годы неф собора, который мы видим и теперь, был ещё свеж и бел после резца каменщика, а величественный западный фасад только возводился. Там Таулер, должно быть, слышал проповеди своего учителя Экхарта, которого обычно считают самым умозрительным из немецких мистиков и основателем немецкой философии. Он, вероятно, вновь слышал его и в Кёльне, где Экхарт имел несчастье быть обвинённым в пантеизме, но после разбирательства инквизиции был оправдан. В Страсбурге Таулер должен был знать также мистика Иоанна Штерненгассенского и богослова Иоанна Дамбахского; там он изучал авторов, которых чаще всего цитирует: Августина, Григория, Бернарда, Гуго и Рихарда Сен-Викторских, Фому Аквинского и Альберта Великого. Логика, Священное Писание и «Сентенции» Петра Ломбардского входили в обычную программу предварительного образования. Предполагается, что, отправившись в Кёльн в возрасте двадцати пяти лет, он уже был рукоположён во священника и твёрдо усвоил то мистическое понимание религии, которое навсегда останется его отличительной чертой.

[4] В то время доминиканский орден занимал положение, подобное положению иезуитов двумя или тремя столетиями позже. Он был рассадником великих проповедников и богословов; из его среды обычно выбирали королевских духовников. В Кёльне Таулер

должен был познакомиться с несколькими наиболее учёными мужами своего ордена; вероятно, там и завершилось его образование. Из одного места в его проповедях заключали, что он отправился в Париж; однако в *Acta* этого университета нет достоверных следов его пребывания, и более вероятно, что из Кёльна он вернулся прямо в Страсбург. Нет также свидетельств, что в Кёльне он получил степень «магистра Священного Писания», равнозначную степени доктора богословия; получить её он мог только в Париже или Кёльне. Во всех рукописях, предшествующих XV веку, он назван просто «братом Иоанном Таулером». Это свидетельствует против его отождествления с безымянным «магистром Священного Писания», которого обратил мирянин — «Друг Божий». Лишь на основании этого отождествления его стали называть «доктором Иоанном Таулером».

[5] В Страсбург он, должно быть, вернулся около 1329 года, когда Иоанн XXII наложил на город интердикт. Среди городского духовенства оспаривали его действительность: городские власти оказывали сильное давление, требуя не соблюдать запрета. Даже среди монашествующих — доминиканцев и францисканцев — существовала партия, выступавшая за его несоблюдение. Генеральный капитул доминиканцев признал интердикт действительным; но, согласно Прегеру, не все немецкие обители — их было около ста — приняли это решение. Страсбургский монастырь, утверждает он, подчинился лишь в 1339 году, после чего городской совет изгнал братьев на три года. Однако ещё раньше Таулер, по-видимому, был послан в Базель. Хотя этот город стоял на стороне императора, гражданские власти не требовали от духовенства нарушать интердикт; кроме того, папа время от времени смягчал его соблюдение. Таулер провёл здесь довольно

продолжительное время и, надо полагать, произнёс по крайней мере некоторые из проповедей, вошедших в базельское издание 1521 года. Здесь же он встретил Генриха Нёрдлингенского, белого священника, прибывшего в Базель из Констанца по той же причине, по какой Таулер прибыл из Страсбурга. Это был весьма благочестивый и влиятельный человек; среди его духовных чад было немало монашествующих. Одной из них была Маргарета Эбнер, доминиканская монахиня, переживавшая *экстатические состояния*; позднее Таулер вёл с нею переписку, ныне утраченную.[7] Он возвратился в Страсбург вскоре после 1346 года; в последующие годы его проповеди привлекли там всеобщее внимание и восхищение. В 1357 году он вновь посетил Кёльн и произнёс ряд бесед перед монахинями Святой Гертруды. Некоторые из них, вероятно, стали основой проповедей, добавленных в кёльнском издании 1543 года. Четыре года спустя он умер в Страсбурге — на его надгробии стоит дата 16 июня 1361 года — и был погребён в монастыре своего ордена. Умер он, однако, за его пределами, в гостевом доме соседней женской обители, которой настоятельствовала его сестра. В одной кольмарской рукописи, где о Таулере рассказывает человек, лично его знавший, он назван «одарённым и святым другом Божиим»; но затем добавлено, что за разные проступки его на шесть лет задержали в чистилище. Один из этих проступков состоял в том, что на смертном одре он позволял сестре, «в чьём гостевом доме умер», окружать себя чрезмерными заботами. Другие приписываемые ему недостатки — раздражительность, недостаточная покорность начальствующим и чрезмерное превознесение «друзей Божиих» при суровости к остальным. Согласно уже упомянутой легенде, мирянин

— «Друг Божий», которому Таулер был обязан своим обращением, — снова находился у его смертного одра и получил от «магистра» записи об обращении, предназначенные для опубликования после его смерти, причём сам он должен был именоваться в них только «магистром», без какого-либо другого имени.

[6] Мне не удалось получить ни одного портрета Таулера, и я сомневаюсь, существует ли вообще его *достоверное изображение*. Однако я слышал об условном портрете, где он представлен в доминиканском облачении, держащим в левой руке Святую Библию с изображением *Агнца Божия* на переплёте и указывающим на неё правой рукой. На груди у него буквы I H S, а под ними T — возможно, намёк на его имя или на его проповедь Креста.

Введение 3. Заметки об учении Таулера

[1] Чтобы установить учение Таулера, необходимо обращаться только к его проповедям; но даже для них, как уже отмечалось, желательно критическое издание. Другие сочинения, некогда приписывавшиеся ему и напечатанные под его именем в латинском переводе Сурия, теперь считаются сомнительными, если не заведомо неподлинными. Это: 1. «О подражании бедной жизни Христа»; 2. «Упражнения о жизни и Страстях Спасителя нашего Иисуса Христа»; 3. «Божественные наставления», называемые также «Сердцевиной души». Все они — духовные труды высокой ценности, достойные места в любой библиотеке книг для благочестивого чтения; однако приписывать их Таулеру неправомерно. Таков, по крайней мере, нынешний приговор критиков.

[2] Итак, судя исключительно по проповедям, фон Лоэ, его последний биограф, характеризует Таулера как «одного из первых среди средневековых немецких мистиков и проповедников, соединяющего глубину мысли Экхарта с внутренней духовностью Сузо и пламенностью Бертольда Регенсбургского». Первый был мистиком, последний — практиком; Сузо сочетал оба начала, однако был скорее духовным руководителем, нежели проповедником. Таулер также соединял оба начала и, подобно Бертольду, проповедовал для своего времени. Гердер критикует его, говоря, что прочесть две его проповеди — значит прочесть их все. С таким приговором едва ли можно согласиться: его приёмы весьма разнообразны, и проповедь XI в настоящем томе, по большей части столь скучная и местами едва понятная, показалась бы критику

написанной иным автором, нежели проповедь XV, которую немецкие редакторы назвали «драгоценнейшим и глубокомысленным увещанием» и, пожалуй, лучшим образцом метода Таулера. К тому же иногда он объясняет текст, как толкователь Писания; иногда же едва касается его, и тот становится всего лишь поводом для рассуждения о предмете, которым он преисполнен. Несомненно, найдутся читатели, которым его аллегорическое толкование Писания будет неприятно. Кингсли признаёт, что оно «причудливо и произвольно»; разумеется, этим методом легко злоупотребить, особенно когда речь идёт о толковании чисел. Но он оправдан, во-первых, соответствием христианскому преданию: он встречается у святого Павла, у ранних отцов — что со всей ясностью показал Кибл в трактате LXXXIX — и в церковных службах, как хоровых, так и алтарных; следы его сохранились и в англиканской Книге общих молитв. Во-вторых, он оправдан опытом созвучных ему душ, находящих в его применении свет и утешение. Однако мистицизм Таулера, о котором подробнее будет сказано ниже, отнюдь не исчерпывался аллегорическим толкованием Писания. Для него, как для Кибла и Кингсли, книга природы была полна притч о духовных предметах. И сверх того он, очевидно, обладал — ибо не был лицемером — непосредственным постижением божественного, в котором находил больше света и уверенности, чем в одном лишь подчинении догматическому *учительству* Церкви.

[3] Что же касается его манеры, он излагает свой предмет горячо и убеждённо; пользуется простыми примерами из повседневной жизни, не теряя при этом достоинства. Когда он, как нередко бывает, умаляет «внешние дела», он вовсе не выступает против исполнения житейских

обязанностей, даже самых скромных: он лишь протестует против упования на привычную церковную практику — посты, самоумерщвление, долгие молитвы и тому подобное. Такой протест, разумеется, вполне совместим с католической ортодоксией и не менее нужен в наши дни, чем в его собственное время. Однако дошедшие до нас проповеди иногда звучат сурово и даже грозно; читателю не всегда легко примирить частое обращение «дорогие дети» с этим кажущимся отсутствием нежности и сочувствия. Но весьма вероятно, что при устном произнесении этот недостаток манеры был менее заметен, чем при чтении записей теперь.

[4] Читателю необходимо также помнить, что мистическая позиция в религии сама по себе не освобождает человека от взглядов и предубеждений его времени. Мистик принадлежит своей эпохе и своему народу; совершенно очевидно, что вероучительные положения Таулера были теми же, что и у любого другого католического верующего его времени. Его учение во всём проникнуто духовным началом, но это не исключает языка, который ныне мы сочли бы общепринятым и условным, когда речь идёт о грехопадении человека, адских муках и тому подобном. Правда, в одном месте он говорит — что мог бы сказать любой католический проповедник, — что главная мука ада состоит в сознании отлучённости от присутствия Божия. Однако он не делает следующего предположения, какое мог бы высказать духовно мыслящий учитель теперь: что все прочие описания адских мук, «червя неумирающего и огня неугасимого», — лишь образы этой единственной муки; что такой язык был и остаётся необходим, чтобы дать людям — всем, хотя и в различной мере, — почувствовать непомерную тяжесть этого страдания или наказания, какой она откроется

впоследствии. Он, впрочем, весьма щедр, признавая достаточное знание божественного за духовно настроенными язычниками. По его мнению, во «внутреннем основании»[8] Платон и Прокл постигали Святую Троицу; он полагает, что у Платона можно найти весь смысл начальных стихов Евангелия от Иоанна, хотя и в прикровенных словах. Он учит, что король, оставаясь королём, может достичь высоты «внутренней нищеты», если нет ничего, от чего он не был бы готов с радостью отказаться ради отеческой любви Бога. Он превозносит «евангельские советы», но учит также, что высшее совершенство доступно женатому сапожнику, трудящемуся ради содержания семьи. Его учение о чистилище не отличается от обычного католического, однако он рассматривает его скорее как место очищения от своеволия, нежели искупления греха. В проповеди на второе воскресенье Великого поста есть место, несколько умаляющее призывание святых. Одна добрая душа, говорит он, молилась святым; но они были настолько погружены в Бога, что не внимали ей. Тогда она смиренно обратилась прямо к Богу и тотчас была вознесена выше всякого посредничества, в любящую бездну Божества. Но, пожалуй, ближе всего к протестантской позиции он подходит в своих словах о «друзьях Божиих». Они, учит он, истинные столпы Церкви, и без них мир не мог бы устоять. В проповеди на воскресенье *Laetare* он велит слушателям «просить дорогих друзей Божиих помогать им на пути совершенства и прилепляться просто и единственно к Богу и к Его избранным друзьям». Подобное место есть и в проповеди на день Всех святых (см. с. 218–222; ср. с. 93 и 174). Однако в его учении «друзья Божии» не образуют «невидимую Церковь», как это было бы у позднейших пуритан; скорее они

составляют вторую видимую Церковь, которой иерархическая Церковь в некоторых отношениях уступает. Примерно через тридцать лет после смерти Таулера кёльнская инквизиция осудила как еретические некоторые положения Мартина Майнцского. Одно из них гласило, что эти «друзья Божии», которые были мирянами, понимали Евангелие лучше некоторых апостолов, даже лучше святого Павла; другое — что для совершенства необходимо подчиниться их учению. Но Таулер никогда не заходил так далеко.

[5] Можно добавить, что с точки зрения современного христианского понимания общества ограниченность Таулера очевидна. Правда, в своей проповеди на воскресенье Septuagesima он призывает слушателей употреблять «природные дары» для Бога. Но его понятие «природы» весьма узко. По справедливости, оно должно включать, помимо природных даров, составляющих личный характер, такие общественные добродетели, как патриотизм, любовь к обществу и семье, стремление овладеть землёй и сделать её местом благоустроенного христианского общества — осуществлением Царства Божия на земле. Но Таулер не обнаруживает никакого представления обо всём этом. О социальном возвышении человечества здесь и сейчас ему совершенно нечего сказать.

[6] Тем не менее, каковы бы ни были ограничения нашего автора, суждение Прегера о ценности проповедей Таулера должно вызвать общее согласие: «Их сила заключается в том, что Таулер умел вложить в них всё своё сердце, всю полноту своего нравственного существа. Он так всецело и совершенно проникнут любовью к Богу и Христу, возвышенная и чуждая миру ревность оратора так

счастливо соединяется с кротостью и свободой, что он незаметно овладевает волей и открывает сердце навстречу своим требованиям… Его проповеди никогда не утратят своего места среди совершеннейших образцов чистой немецкой речи, пламенной немецкой веры и немецкой духовности во всей её глубине».

Введение 4. Таулер и мистицизм

[1] Некоторым из тех, в чьи руки попадёт этот небольшой том, может быть полезно краткое объяснение того «мистицизма», который уже неоднократно упоминался и неизбежно должен упоминаться при рассмотрении значения учения Таулера. Хотя теперь этот предмет понимают гораздо лучше, чем в 1856 году, когда Роберт Вон опубликовал «Часы с мистиками» — примечательную, странно построенную книгу, интересную своими фактами, но раздражающую манерой изложения, на которую Кингсли сочувственно откликнулся во «Fraser’s Magazine»,[9] — всё ещё необходимо указывать, кем мистики не являются, пожалуй, даже больше, чем объяснять, кто они. Мистики — не мечтатели, не фанатики, не глупцы; они не составляют секты, и мистицизм не является религией. Как правило, мистиками их называют другие; сами они этого слова к себе не применяют. Но тысячи и миллионы христианских верующих были и остаются мистиками, даже не зная этого слова. В самом деле, как говорит доктор Бигг, «мистицизм присутствует во всякой религии, которая не сводится к одному формализму»; он не ограничен какой-либо одной формой христианства. Картезианский отшельник, простёршийся в созерцании на полу своей кельи, может быть мистиком, а может им и не быть; но мистиком может оказаться и помощник бакалейщика, изредка посещающий методистскую часовню. Когда кардинал Ньюмен учил, что в акте веры заключение достовернее посылок, он, возможно ненамеренно, объявлял себя мистиком. То же, полагаю, вопреки самому себе сделал Ричль, утверждая достоверность «ценностного суждения», посредством которого человек

обретает исторического Христа. Ибо мистицизм — именно такой способ постижения духовной истины: не чисто рассудочный и не чисто эмоциональный, но соединяющий в едином действии все силы человеческой души. Таким образом, мистическое отношение к истине созвучно строкам Мэтью Арнольда:

[2] «Чувства, влеченья, принципы и силы,

[3] Порыв и разум, вольность и узда —

[4] Так люди, Божью цельность расплетая,

[5] На тысячи клочков рвут жизнь свою.

[6] Напрасный труд! Глубоко и широко, незримо,

[7] Уходят корни сумрачного трона,

[8] Где сущность человека, словно царица, пребывает одна,

[9] Сосредоточенная в величавом единстве».

[10] Верно, мистицизм имеет дело с тайной; потому-то само слово обычно и вызывает недоверие. Однако тайны, с которыми он преимущественно связан, не многочисленны и не причудливы: это Бог, душа и откровение, причём последнее означает, что Один открывается другой. Сверх того христианский мистицизм видит путь к Вечному через Иисуса Христа, Который есть Дверь; нескольких мест из святого Павла и святого Иоанна достаточно, чтобы изложить всё существо дела. Отдельные мистические писатели, несомненно, заходили гораздо дальше и говорили вещи чрезмерные; но сущность всего заключается именно здесь. И, снова цитируя доктора Бигга, «Церковь никогда не сможет избавиться от

мистического духа, да и не должна пытаться это сделать, ибо он, в сущности, и есть её жизнь. Это другое имя совести, свободы, прав отдельной души, благодати и дара непосредственного доступа к Искупителю, присутствия Божественного Духа в сердце».[10]

[11] Кроме того, большинству людей теперь знакомо различие между мечтательным, непрактичным мистицизмом Востока и деятельной западной разновидностью того же образа мысли. В обоих случаях он рождает одинаковое сознание достоверности и внутреннего мира; но в одном случае это ведёт лишь к созерцанию и самонаблюдению, а в другом вдохновляет Таулера, Кромвеля или Кольриджа. Из мистицизма последнего почерпнули духовную силу движения, сохраняющие энергию и сегодня, хотя лишь немногие из затронутых ими людей знают об этом. Необходимо также различать мистицизм как способ обладания духовной истиной и мистицизм как истолкование мира и человека, иногда причудливое; и, далее, отличать это истолкование от уже упомянутого мистического толкования Писания. Последнее действительно склонно произвольно прибегать к аллегориям, хотя его фантазии почти всегда помогают дать более широкое и назидательное толкование текстам, которые утратили бы религиозное значение, если бы рассматривались только как история или предание. Несколько минут размышления прояснят, каким образом эти другие стороны предмета развиваются из первоначального мистицизма — постижения духовных вещей душою. Мистик, видящий Бога во всём и всё в Боге, распознаёт в природе больше, чем одни природные явления, а в Слове Божием — больше, чем его первоначальный буквальный смысл. Для него всякая вещь, всякое событие и всякий человек — видение из

Невидимого, голос из Неслышимого. Он живёт в мире притч, исполненных духовного значения; и, хотя действительное Присутствие для него существует повсюду, наиболее истинно и действенно он находит его там, где оно яснее всего различается верой. Для его возникновения не требуется ничего, что можно было бы счесть магическим: оно уже есть там и повсюду. Так же и при истолковании Книги, содержащей, при любых примесях, наиболее полную запись того, что было открыто человеку как необходимое для спасения его души, он видит больше, чем тот, кто изучает одну букву. В отношениях Бога с человеком от начала до конца он усматривает гармонию, предполагающую предызображение последнего в первом, целого в части. Поэтому он может найти духовно ценное истолкование даже в мыслях добрых людей, представлявших себе — возможно, неточно в отношении фактов — первоначальное дело Бога при сотворении мира и человека. В таком широком понимании мистицизм ныне «носится в воздухе» и начинает признаваться силой, ведущей к единству христиан, несколько расходящихся в догматах и ещё больше — в способах их внешнего выражения. К счастью, его внутренний и сдержанный характер всегда будет мешать низвести его, как это возможно и действительно бывает с внешней религией, до простого отличительного знака или лозунга церковной партии.[11]

[12] По словам профессора Ройса, ничего не знать о мистицизме — значит ничего не знать о значительной части человеческой природы. Ибо мистицизм есть философия опыта; мистики — единственные последовательные эмпирики во всей истории философии, а область опыта и есть та область, где решается вопрос об

истине. Полная история мистицизма охватила бы огромную часть всемирной истории, и не только истории мысли: по крайней мере на Западе мистики неоднократно воздвигали подмостки, на которых разыгрывались великие драмы. В этом смысле — но только в этом — Таулер и «друзья Божии» были «предшественниками Реформации», подобно тому как пуритане были предшественниками современной Революции. Вполне возможно показать, что Таулер был правоверным католическим монахом и что его послушание Церкви всегда было безупречным. И всё же его мистическое учение о внутреннем и внешнем, о букве и духе неудержимо вело к ниспровержению католицизма в той мере, в какой он в ту эпоху сводился к одному формализму и подчинению внешнему правилу. То же учение у святого Павла решительно покончило с иудейским Законом. И снова в наши дни, когда видны признаки его возрождения, оно либо разрушит, либо вновь одушевит современный католицизм — римский или англиканский, — который без мистического духа неизбежно выродится в один византинизм, религию легковерия и обрядовой привычки.

[13] Первоначальная родина мистицизма находилась на Востоке, но ещё до христианской эры он перешёл в Европу либо возник там независимо. Во всяком случае, именно так формулирует эту альтернативу профессор Ройс. Однако независимое происхождение его на Западе, в мистическом учении Иисуса Христа, узнаваемом нами в языке святого Павла и святого Иоанна, несомненно, следует признать бесспорным — кроме тех, кто полагает, будто Пророк из Назарета усвоил мистические доктрины на дальнем Востоке, возможно прожив там какое-то время. Но в настоящее время этому нет решительно

никаких свидетельств, которые можно было бы назвать историческими. Согласно профессору Сету, мистицизм — это образ мысли или чувства, по самой своей природе не поддающийся точному определению, при котором полагаются на духовное созерцание или озарение, считаемое превосходящим обычные способности человеческого разумения. В этом смысле Платон, которого Экхарт причудливо называет «великим священником» — *der grosse Pfaffe*, — был мистиком. Это стремление человеческой души, успешное по её собственному суждению, постичь Божественную сущность, или последнюю реальность вещей, и вкусить блаженство действительного общения с Высочайшим. Таким образом, мистическое богословие есть знание Бога и божественного, выводимое не из наблюдения или рассуждения, но из сознательного духовного опыта; и, будучи основанным на нём, для обладающего им человека оно обладает неопровержимой достоверностью.

[14] От Платона и от аристотелевского описания внутренней жизни Бога греческий мистицизм, как поток, отличный от мистицизма Нового Завета — то есть святого Павла и писаний, приписываемых святому Иоанну, — перешёл к Плотину. Так, через Филона и неоплатоников, он стал составной частью христианского богословия; главным его провозвестником в ранней Церкви был писатель, известный как Псевдо-Дионисий. Проследить, насколько это вообще возможно, преемство этого учения от эпохи неоплатоников до XIV века заняло бы много времени. Достаточно сказать, что во времена Таулера существовало по меньшей мере четыре латинских перевода сочинений Дионисия; вероятнее всего, он был знаком с переводом Скота Эриугены. Дионисия комментировали также величайшие схоласты, а попутно

даже святой Фома Аквинский, стремившийся воздать справедливость мистикам, не подвергая опасности правоверие. Экхарт, чьим учеником в некотором смысле был Таулер, воспитывался в школе святого Фомы, но постепенно освободился от схоластического ига; его обычно считают духовным предком Канта и Гегеля. Более того, иными путями и по более прямой линии преемства мистицизм и сегодня глубоко влияет на множество людей, которым неизвестно даже его название. Любимые книги для благочестивого чтения во всех церквах и многие из самых распространённых наших гимнов по существу мистичны. Выше мистицизм был определён как философский эмпиризм, но он представляет собой нечто большее и несравненно большее, чем простая чувствительность. Вновь процитирую профессора Ройса: «Это мировоззрение людей, чьё благочестие завоёвано после долгой борьбы, чьи мысли были препарированы чрезвычайно острым внутренним скептицизмом, чья безраздельная преданность отвлечённой идее выросла из огромного опыта мучительных жизненных осложнений… Он был закваской верований, предвестником духовной свободы, недоступным убежищем наиболее благородных еретиков; через поэзию — вдохновителем бесчисленных молодых людей, не знающих метафизики; через книги благочестия — учителем отчаявшихся; утешителем тех, кто устал от конечности. Он прямо или косвенно определил более половины специального богословия Церкви».

[15] С этим красноречивым отрывком, написанным совсем недавно, можно сопоставить сетование Кингсли 1856 года о том, что мистицизм как форма мысли и чувства в Англии тогда почти исчез. Англиканские богословы, говорил он, относились к нему с полным неодобрением,

всегда употребляли это слово как упрёк и истолковывали мистические выражения Книги общих молитв, встречающиеся главным образом в коллектах, согласно философии Локка, не зная, что эти молитвы в действительности созданы мистиками-платониками. Между тем, указывал он, именно мистицизм Кольриджа, «хайгейтского факира», породил и Оксфордское движение, и эмерсоновское свободомыслие; а Карлейль, «единственный современный мистик, обладающий подлинным гением», оказывал больше практического влияния и вливал больше деятельной жизни в умы тысяч мужчин и женщин, чем все остальные учителя Англии вместе взятые. Если бы он упомянул также Вордсворта, Теннисона, Браунинга и Рёскина, то ещё яснее показал бы, сколь огромна сила мистицизма нашего времени. Имена же Нила и Кибла, Фейбера и Ньюмена свидетельствуют о том же могучем влиянии среди тех, кто был священнослужителем по своему призванию.

[16] Этого, пожалуй, достаточно, если вообще требовалось расположить тех, кто впервые читает проповеди Таулера, к сочувствию ему, а не к подозрению из-за его славы мистика. Нет нужды следовать за ним там, где он становится изощрённым или чрезмерным; но никто не может сомневаться в благотворном влиянии его в целом широкого и духовного учения. Ричль, ревностно защищая своё новое рациональное лютеранство, суров к мистикам; однако даже он признаёт заслугу Таулера в насаждении внутренней религии в противоположность чисто обрядовой и в смягчении огромного средневекового различия между духовенством и мирянами. Во времена Таулера была великая нужда в возрождении религии сердца — а когда такой нужды нет? Но требовалось также, чтобы установленные религиозные формы

сохранялись в неприкосновенности и уважались: ведь не существовало иной общественной связи, столь же способной объединять людей. В этом и заключалась тайна влияния Таулера. Он умел наполнять старые мехи новым вином из древнего виноградника, не разрывая их. Новейшая историческая критика, возможно, разрушила часть романтического ореола его имени. Но если, как теперь представляется — и Гарнак, и Ричль в этом согласны с Денифле, — он не был «реформатором до Реформации» и не пережил необычайного обращения посреди своей успешной проповеднической деятельности, он всё же остаётся и всегда останется выдающейся и почтенной фигурой средневековой Церкви, во всяком случае исправителем практических злоупотреблений и пророком праведности в дни столь же развращённые, сколь и бурные.

Введение 5. Переводы проповедей Таулера

[1] То, что редакторы и переводчики Таулера по необходимости в некоторой мере становились и его истолкователями, удобно показать на следующем отрывке из его первой проповеди на четвёртое воскресенье после Пасхи, на слова *Espedit vobis ut ego vadam* и далее. Я привожу этот отрывок сначала в архаическом немецком языке первоначального издания 1498 года; затем в латинском переводе Сурия 1548 года; далее в осовремененном немецком языке издания Гамбергера 1872 года; затем во французском переводе Сент-Фуа 1855 года; наконец, в английском переводе архидиакона Хэра из примечаний к его книге «Миссия Утешителя», воспроизведённом в томе мисс Уинкворт 1857 года.

[2] *В издании 1498 года; проповедь XX, лист 60.*

[3] «Дети, вам не следует расспрашивать о великих и высоких науках; но войдите просто внутрь, в ваше основание, и научитесь познавать самих себя — в духе и в природе. И не расспрашивайте о сокровенности Бога, о Его истечениях и втечениях, о нечто в ничто и об искре души в её бытийности. Ведь Христос Иисус сказал: вам не дано знать сокровенного Божия. Потому мы должны держаться истинной, цельной, простой веры в единого Бога в Троичности Лиц — не многообразно, но просто и чисто».

[4] *Из латинского перевода Сурия (1548).*

[5] «И вы, возлюбленные, не стремитесь к познанию тонких и возвышенных искусств и наук; но, просто входя в самое

внутреннее ваше основание, научитесь там познавать самих себя. Не заботьтесь особенно о познании тайн Бога, Его втечений и истечений, о бытии и небытии и о том, что есть искра души в её существовании. Не вам поручено знать сокровенные тайны Божии. Нет ничего полезнее, чем хранить истинную, цельную и простую веру в единого Бога в Троице Лиц — не многообразно, но просто и чисто».

[6] *Из издания Гамбергера, «переложенного на современный письменный язык» (1872).*

[7] «Дети, вам не следует расспрашивать о высоких и великих науках. Войдите просто внутрь, в ваше основание, и научитесь познавать самих себя в духе и в природе. И не расспрашивайте о сокровенности Бога, о Его истечении и втечении, о нечто в ничто и об искре души в её бытийности — сущности души в её бытии. Ибо Христос сказал: “Вам нет нужды знать сокровенные тайны Божии”. Поэтому мы должны держаться истинной, цельной, простой веры в единого Бога в Троичности Лиц — не многообразно, то есть не со сбивающей с толку изощрённостью, но просто».

[8] *Из французского перевода Сент-Фуа (1855).*

[9] «Дело не в том, дети мои, чтобы принимать важный вид. Просто войдите в ваше основание; научитесь познавать себя такими, каковы вы есть, и духовно, и природно. Не стремитесь узнавать тайны Бога, такие как прилив и отлив бытия к небытию, сущность души. Ибо Христос сказал, что вам нет нужды знать тайны Бога. Будем иметь простую, истинную и цельную веру в единого Бога в трёх Лицах, в Бога совершенно простого, свободного от всякой множественности».

[10] *Из «Миссии Утешителя» архидиакона Хэра, по изданию Уинкворт (1857).*

[11] «Дети, не ищите великой учёности. Просто войдите в ваше собственное внутреннее начало и научитесь знать, что вы сами представляете собой духовно и природно. Не погружайтесь в сокровенные тайны Бога, вопрошая об истечении и возвращении Нечто в Ничто или о сущности искры души; ибо Христос сказал: “Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти”. Поэтому будем хранить истинную, цельную, простую веру в единого Бога в Троице Лиц, и притом не как во множественное, но как в единое и простое».

Внутренний путь

[1] ВНУТРЕННИЙ ПУТЬ

Проповедь I. На праздник святого апостола Андрея

[1] О Христе, нашем Учителе, и о благах, которым Он в немногих словах научит нас и которые приведут нас к высшему совершенству. Затем — о том, где Его обитель, как и где найти Его, зовущего и приглашающего всех нас прийти и увидеть; всё это ясно показано ниже.

[2] *Rabbi (quod est interpretatum Magister) ubi habitas? dixit eis: Venite et videte.*

[3] *Равви, — что значит: Учитель, — где живёшь? Он говорит им: пойдите и увидите.* [33]

[4] В Евангелии от Иоанна мы читаем, что Иоанн Креститель стоял с двумя своими учениками, одним из которых был Андрей, брат Симона Петра; и, увидев проходящего Иисуса, сказал: «Вот Агнец Божий». Оба ученика услышали это и последовали за Иисусом. Тогда Иисус обернулся и, увидев, что они идут следом, сказал им: «Чего вы ищете?» Они сказали Ему: «Равви, — что значит: Учитель, — где живёшь?» Он говорит им: «Пойдите и увидите».

[5] Эти слова научают нас трём вещам. Во-первых, преизбыточествующей премудрости Христа, заключённой в словах Учителя; во-вторых, обители Его неисследимого Существа, твердыне всех существ, ибо они сказали: «Где живёшь?»; в-третьих, утешению, дарованному нам Божиим приглашением искать Его в духе, в месте покоя Его Божества, и учиться у самого Источника премудрости, то есть в школе Святой Троицы. Так говорит Он об этом: «Приди, душа, пребывай со Мною и во Мне;

смотри, чтобы научиться. Я открою тебе глубины Моего Божественного Сердца, чтобы ты познала и увидела всё, что служит твоему вечному благу».

6 Теперь прежде всего послушай Учителя. О Учитель, научи ради меня этих дочерей, чтобы ни одна из них не осталась среди пяти неразумных дев. И Он ответил: дочь, *научись от Меня* быть *кроткой и смиренной сердцем*, как говорил Он и святому Андрею и прочим ученикам. Если же ты снова подумаешь: это учение слишком тяжело для меня, ибо леность, заботы, гнев, малодушие и тому подобное противятся мне и теснят моё сердце, так что я утрачиваю всякую кротость духа, — Христос, наш Учитель, отвечает: «Какая тебе польза, человек, если в своём служении ты *приобретёшь весь мир, а душе своей повредишь?*» Ибо отсюда придут к тебе многие скорби, смятение ума, теснота и горечь сердца, раздражение во всяком добром деле, духовная леность, от которой душа теряет всю кротость нрава. Так бывает, что преизбыточествующий Дух Христов не может излить в душу радость или утешение: Его нежность не терпит горечи твоей души, ибо Он слаще мёда. Поэтому, кто не желает иметь ничего общего с обманчивым человеческим утешением, тот должен принять сладость этого Духа. Итак, дорогое дитя, начни мужественно, последуй этому Учителю, повергнись пред Ним в глубоком смирении и скажи в сердце своём: «Господи, я — наименьшее из всех созданных Тобою существ»; собери себя в кротости духа. Тогда ты узнаешь, что «Бог» — короткое слово, смысл которого беспределен. Усердно упражняйся в этом, не уставай; тогда постигнешь то, что прежде было от тебя сокрыто.

[7] В иное время душу влечёт обитель Божественной природы нашего Учителя. Знай же: ответа на этот вопрос ищут все творения; потому они и стремятся сами к этой природе, чтобы постичь природу Бога, ибо все действия природы — лишь поиски обители Божией и вопрошание о ней. Если бы это было не так, небеса и стихии не могли бы более существовать. Дорогое дитя, о чём спрашиваешь ты вне себя и зачем ищешь Бога в чужих землях смертных вещей? Там ты не можешь истинно найти Его: все они отрицают, что они — Бог, и указывают тебе прочь от себя. «Мы — не Бог», — говорят они. Но Августин пишет: «Поднимись выше нас, к вечному, ибо там Бог».

[8] Заметь теперь, что Бога можно найти многими путями, на которых душа получает наставление. Прежде всего душа находит Бога, своего Творца, на высотах покаяния и сокрушения. Поэтому прежде всего она должна приложить все силы, чтобы покорить собственную свободную волю, готовая ради Бога научиться отказываться от всего — и великого и малого, нести тяжёлое покаяние и наказывать себя за возвращение к той воле, от которой она отреклась. Чем больше душа упражняется в этих делах, тем больше она находит Бога в себе и себя в Боге. Об этом говорится в Книге любви, ибо Возлюбленный говорит: «Взойду я на гору мирровую и буду говорить с возлюбленной моей». Гора горькой мирры — это высота возвышенного духа, который обращает в горечь желание всякого личного удовлетворения и обманчивых услаждений во всём, что не согласно с Божией волей. Тогда Бог говорит душе в духе: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, чиста и непорочна, и пятна нет на тебе». Но живущий по собственной воле, для собственного удовольствия, не может так найти Бога: во всех своих делах он найдёт Его своим противником. Такой

человек портит всё, за что берётся; ибо дела плоти мало помогут, если прежде не покорены воля и сердечные привязанности. Один псалом, произнесённый тем, кто покорил свою волю, стоит многих псалмов: то есть малейшее дело такого человека угоднее Богу, чем величайшее дело человека, следующего собственным путём.

9 В другое время человек находит Бога в пустыне, в горящем кусте, как нашёл Его Моисей. Куст в пустыне означает такой душевный строй, такой дух, который, удалившись и отрешившись от всех творений, распускает листья или цветы на высотах вечного Божества. Как Божественное Существо заключает в Себе три Лица, так и этот дух своими тремя силами объемлет Бога, подобно тому как куст объял пламя своими цветущими ветвями; и это совершается благодатью. Благодаря этому распусканию листьев душа непрестанно, день за днём возрастает в свете и богоподобных добродетелях, пока ангельским зрением не узрит Бога на Сионе. Итак, заметь: в какой мере ты нашёл Бога, в той же мере найдёшь в себе и Божественное воспитание и добродетели — сегодня больше, чем вчера. Но желающий так найти Бога здесь должен отбросить все плотские желания и вместе с Моисеем подчиниться самообузданию и свету разума, ибо *плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия.* Думаю, дорогие дети, почти все ваши ежедневные проступки происходят оттого, что словом или делом вы следуете внезапным побуждениям, вторгающимся в сердце извне, прежде чем в нём успеет воссиять свет самообуздания.

10 В-третьих, Бога можно найти на горе, в облаке: ибо союз, или Завет, Божественного света и заповеди был

начертан на камне перстом Божиим. Гора подобна человеку возвышенного духа и широкого сердца, который не находит удовольствия ни в одном своём деле и не может обрести в них покоя, если, подобно святому Павлу, не получает для всех своих дел ясного подтверждения Божией воли; так что воля души совершает даже человеческие действия не по собственному произволу, но установленным Божественной волей образом — божественно. Так душа своими делами освящает тело, и, когда действует тело, действует также душа; с другой стороны, действия Божественной воли и действия души становятся одним, и душа может сказать: *уже не я живу, но живёт во мне Христос;* я действую, но уже не я, а сила Божественного Существа действует во мне. Это совершается в облаке, в вечном сиянии Божественного света, ибо свет всех творений по сравнению с Божественным светом — словно ночь.

11 Затем Бога можно найти в пещере вместе с пророком Илиёй. Мы читаем, что пророк пришёл в пустыню и душа его желала смерти, ибо дух его утомился от смятения этого мира. Когда он спал, явился ангел, положил у его изголовья лепёшку, испечённую на углях, и кувшин воды и повелел ему встать и поесть, потому что ему предстоял ещё долгий путь. *И шёл он, подкрепившись тою пищею, сорок дней и сорок ночей,* пока не достиг места, где нашёл Бога.

12 Тогда пронёсся сильный ветер, раздиравший скалы и камни, но не в ветре был Бог. Ибо Бог показывает, что дух, возмущаемый бурными ветрами, подобен тем ветрам, которые Даниил видел борющимися на море этого мира, то есть в мирском сердце: в неумеренном страхе, надежде, радости и презрении. Всё это помрачает свет

духа, с которым человек должен искать Бога. Бурный ветер означает также беспокойное сердце человека, который во всём, в словах и делах, так недобр и нетерпелив к своим братьям-христианам, что способен стереть камни в прах; то есть из-за него великодушные люди нередко лишаются душевного мира. Дорогие дети, с Божией помощью берегитесь такой неистовости. Наблюдайте за собой; усмиряйте свою неумерщвлённую природу, чтобы она не прорывалась с яростью диких, неукрощённых зверей. Поистине страшно видеть таким человека, одарённого разумом, которому Бог по благости Своей дал столько света и в чью природу вложил такое мужество, что он может укрощать даже диких зверей, если пожелает употребить свою волю и последовать побуждениям собственной нравственной цельности. Увы, порой мы бываем свирепее медведей и львов и постыдны пред Богом, нашим Творцом: живём вопреки данной Им природе, словно свет Его лица никогда не сиял над нами. Истинно говорю вам: мы дадим Богу отчёт за всё, что разрушили такими бурями. Может быть, мы губим себя, как часто бывает с гневливыми, или ближнего, который от этого не только теряет покой, но и гневается, и встречает препятствие во многом добром; и в этом виноваты мы. А когда говорим, что нам жаль, но такова наша природа и мы вынуждены поступать так, то ложно оправдываемся и никак не учимся умирать для себя. Поистине, если бы мы обращались к Богу с искренней, горячей молитвой и смиренной покорностью, эти немощи нашей природы не одолевали бы нас и не обязывали, не принуждали бы, как мы говорим, к таким проступкам.

13 Затем явился огонь, но не в огне был Бог. Огонь никогда не может сказать: «Довольно»; он изображает сердце человека, который никогда не довольствуется ни

своим имуществом, ни дарами Божиими, но постоянно горит стремлением без меры умножать то, что не божественно и не чисто, желая получать утешение или иные временные блага и находить в них любовь и удовольствие. Всё это — знак, что Духа Божия там нет. Я имею в виду и всех тех, кто пренебрегает дарами Божиими и умаляет их, словно Бог никогда не сделал им ничего доброго, и говорит: «Зачем Бог создал меня, если я так пуст и бесплоден во всём добром?» Они не замечают, что Бог удержал их от многих падений и оградил от множества грехов, в которые они впали бы, если бы Он не бодрствовал над ними столь заботливо и не призвал их из мира к духовной жизни, где они могли бы стать столпами всего христианства, если бы только жили сообразно своему званию.

14 Говорю тебе, дорогое дитя: такая неблагодарность вполне могла бы иссушить источники любви, Божественной благодати. Поэтому вечной любовью Божией умоляю вас: не поддавайтесь с лёгкостью желанию таких вещей, как я с сердечной искренностью учил всех вас, и Бог знает это. Если же какой-либо иной дух учит вас иначе, то перед Богом это подвергает опасности ваше спасение, как говорит святой Павел галатам: «Кто благовествует вам не то, что мы благовествовали вам, хотя бы то был Ангел с неба, да будет анафема».

15 И явился *тихий, нежный голос,* подобный ласковому майскому ветерку, и *в этом голосе пришёл Бог:* так говорит Писание. Это означает человека, который ходит с Богом, пребывая в вечных словах Божиих, чьи мысли и речи святы сообразно Слову Божию и чей жаждущий дух беседует с Богом. Тогда приходит Бог, ибо на таких

духовных солнечных лучах от Бога нисходит в душу неизменный блаженный свет. Недостойны этого блаженства те, кого чуждые речения человека — или даже Ангела, как говорит святой Павел, — уводят от добрых стремлений, полученных ими от Бога. Об этом тоскует душа в Песни песней, когда говорит Богу, чтобы северный ветер удалился и ушёл, подразумевая всё входящее в дух от плоти, откуда происходит всякое зло. Так говорит и пророк Иеремия: он видел, как в кипящем котле все распускающиеся духовные дары Божии выкипали и увядали, когда котёл был обращён к северному ветру. Тогда дух его смутился в нём и уже не мог удержать внутреннего вкушения северного ветра. Поэтому, когда душа жаждет Бога, она говорит: *приди, южный ветер,* — ибо он сладостен, — *повей на сад мой, и польются ароматы его,* то есть да приобретут мои дела благоухание Божие.

[16] В-четвёртых, Бог обретается выше Ангелов, ибо душа должна возвыситься над всеми Ангелами, хотя по природе она ниже их, если хочет найти Бога. Поэтому она находит Его в Отце: чтобы найти Его, душа должна так приносить все свои дела, свободные от всякого своекорыстия, как вечное Слово вечно возносит Себя к Богу. Так нашёл Его воспаривший боговидец Иоанн Евангелист, сказавший: «В начале было Слово». Тогда Андрей и бывшие с ним любящие души с горячим желанием спрашивают: «Учитель, где Ты живёшь?» Иоанн отвечает: «В начале было Слово»; ибо в словах мы не найдём Бога, если не вознесём свои души в Начало. Поэтому нам должно пройти сквозь всё, что ниже Бога и не есть Бог, и снова усердно искать Начало, от которого мы получили бытие: лишь в Нём наша обитель и будущее место покоя нашего вечного блаженства. Это совершается через быстрое

отвращение от тварного и искреннее обращение к созерцанию Божественного Существа и единению с Ним. Как сказал Он тем двум ученикам: «Пойдите и увидите», словно говоря: придите, то есть отвернитесь от вещей, которые чрезмерно тревожат и поглощают вас, препятствуя вашему вечному миру; ибо вы должны опустошить себя от всех действий, постижений и плотских желаний. И смотрите, чтобы прийти к познанию, что Господь Бог свободен и обнажён от всего, дабы ваши духи были направлены к этому чистому и святому Существу. Ибо душа, желающая войти в сокровенное Присутствие, непременно должна быть свободна и обнажена от всего. Поэтому человек должен совлечь с себя всё, что осознаёт. Дионисий сказал Тимофею: «О дорогой друг, мы не должны более слушать внешними ушами сладкие и любящие слова нашего дорогого учителя Павла, но должны идти к Богу, опустошив себя от всего». Это возможно лишь тогда, когда наши глаза ослеплены, а сокровенные желания вознесены ввысь, чтобы мы научились познавать Его сокрытое Единство. Да поможет всем нам Бог в этом. Аминь.

Проповедь II. На день святой Варвары или другой святой девы

[1] О некоторых путях, которыми человек может несомненно достичь единения с Богом и пребывать в непрестанном общении с Ним. Как он может иметь мир с миром, злым врагом и собственной плотью.

[2] *Dilectus meus loquitur mibi, surge, propera, amica mea.*

[3] «Возлюбленный мой говорит мне: встань, поспеши, возлюбленная моя». [34]

[4] Так говорила Невеста в Книге любви. Итак, желающий быть другом Господа и знать, является ли он Его невестой, должен обратить внимание на следующие признаки и посмотреть, есть ли они у него. Если они у него есть, то он, несомненно, избранная невеста.

[5] Первый признак: он должен иметь мир с нашим Господом, чтобы никакое сотворённое существо не могло нарушить его внутреннего мира. Так говорит пророк: «Он даст вам истинный мир на этом месте».[12] Невеста нашего Господа должна вести себя так, чтобы в смиренном доверии охотно отрекаться от всего, сохраняя в себе Божественный мир неповреждённым и отказываясь от всего в Нём и через Него. Спросишь ли ты теперь, с кем тебе иметь мир? С миром, с врагом и с собственной плотью. Но как? С миром — не обращая внимания на то, что мир делает с тобой: принимает ли тебя или оставляет; этого ты можешь достичь терпением.

[6] Во-вторых, ты должен иметь мир с врагом; но человеку едва ли когда-нибудь удаётся достичь этого. Враг непрестанно борется с ним и всегда вмешивается во все

его дела и поступки, чтобы ему помешать. Ничем человек не может столь полно *угасить раскалённые стрелы врага,* как горячей и благоговейной молитвой: она жжёт и гонит его прочь, принуждает его бежать вместе со всеми его похотями. Поэтому, когда человек замечает пущенные в него огненные стрелы, готовые лишить его духовного мира, пусть тотчас со всей силой прибегнет к тайной молитве, не обращая внимания на препятствия; так он избавится от всех помех, а для врага не может случиться ничего мучительнее. Так читаем мы о святом Варфоломее: когда он молился, диавол возопил: «О, ты жжёшь меня своими молитвами и связал меня огненными узами».

[7] В-третьих, ты должен иметь мир с самим собой. Но как? Во всём подчиняй тело духу, чтобы во всём властвовать над ним и чтобы оно не препятствовало тебе ни в каком деле, которого требует от тебя Бог. Так поступали святые: они властвовали над собственным телом и так хорошо обучили его, что, чего желал дух, то тело тотчас устремлялось исполнить, словно говоря: «Вот я пред тобою». Мы читаем, что так было у смиренного Франциска. Человек должен делать четыре вещи, чтобы приобрести такую власть над собственным телом. Во-первых, лишай тело всего, что ему приятно: в еде, питье, сне и бодрствовании, — и всякого удобства. Когда увидишь, что оно готово восстать, обуздай его ещё более строгим наказанием. Во-вторых, откажись от всякой жажды мира и его утешений, от всех мирских вещей и забот. Пусть мёртвые погребают своих мертвецов; ты следуй за Богом. Если умрёт твой друг или выпадут тебе радость, горе, почёт, богатство, что бы ни было твоим уделом и что бы ни пришло к тебе, переноси всё терпеливо в Боге. Один святой сказал: «С кем ты

радуешься и с кем скорбишь, с тем будешь и судим». Святой Павел говорит: *«Почитайте себя мёртвыми для мира».* Мёртвому нет дела до того, хвалят его или порицают, дают ему блага или отнимают. Мёртвого или умирающего не заботят золото и драгоценности, почести, друзья, радость или утешение. Поступай, как один из древних отцов, живший в лесу. Родной брат пришёл к нему и сказал: «Дорогой брат, я в большой беде: моя повозка, нагруженная товаром, упала в воду; помоги мне вытащить её». Он кричал, плакал и настойчиво умолял его. Старец ответил: «Иди и проси помощи у того брата, который ещё живёт в миру. Зачем ты пришёл ко мне?» Тогда этот человек, бывший купцом, сказал: «Тот брат умер уже целый год назад». Старец же сказал: «А я мёртв уже двадцать лет». Так он отпустил его и больше об этом не заботился.

[8] В-третьих, твой ум должен всегда быть устремлён к Богу. Ты должен всегда находиться в Божием присутствии. Поистине, если желаешь обладать Творцом всех творений, ты должен отказаться от всех творений: иначе быть не может; лишь по мере того, как душа твоя опустошается и обнажается, чем меньше в ней тварного, тем больше Бога: таков обмен. Святой Августин говорит: «Чрезмерно жаден человек, который не довольствуется Богом; ибо чего можешь ты желать, чего не нашёл бы в Нём? Помни: всё, чего может пожелать такое сердце, в Нём обретается тысячекратно. Желаешь ли любви, верности, истины, утешения или Его постоянного присутствия? Всё, всё без меры обретается в Нём. Желаешь красоты? Он прекраснее всех; желаешь богатства? Он богаче всех; желаешь могущества? Он могущественнее всех. Всё, чего может пожелать твоё сердце, ты найдёшь в Нём тысячекратно, ибо в одном Боге

можешь обрести наилучшие блага». Поэтому изгони все творения со всеми их утешениями. Скажи: «Уйди: ты не Тот, Кого я ищу, Кого желаю, Кого люблю». Будь то почёт, богатство, радость или дружба, скажи: «Уйди, беги от меня, оставь меня, дай мне быть, я не внимаю тебе».

[9] Отчего Бог так чужд тебе и отчего ты так часто лишаешься Его любящего присутствия или оно удерживается от тебя? Причина одна: твой ум не опустошён и не обнажён; ты заботишься о тварном и через это повреждаешься. Святой Бернард говорит: созерцание — не что иное, как прилепление к Богу и забвение всего земного. Святой Августин говорит: «Созерцать может тот, кто свободен от всех земных мыслей и помышляет о Божием». И ещё говорит: «О благой Иисус, моя душа неизреченно жаждет Твоей любви. Молю Тебя: да буду я восхищён созерцанием, Крестом и святейшей сладостью Твоего Человечества. Да смогу я противостоять суете и искушениям мира и стремиться быть восхищенным на небо, чтобы постичь тайну Таинств Божиих. Да возрасту я настолько в духовном, чтобы быть словно восхищенным к созерцанию Твоей Божественной и Святой Троицы, чтобы во всех своих делах признавать Твою Божественную волю и соединяться с Тобою. И хотя порой я спускаюсь на первую или вторую ступень, да не будет мне трудно подняться вновь; чтобы, видя земное или слыша о нём, я не внимал ему, но умер для него и жил для Тебя одного». Ты должен знать одно: если бы ты только освободился от образов тварного, то мог бы непрестанно иметь Бога, ибо Он не мог бы отказать тебе ни на небе, ни на земле. Он должен был бы прийти к тебе. Если бы даже Он поклялся, Ему пришлось бы изменить Своё слово и прийти к тебе, всецело наполнив твою душу, если бы Он нашёл её

пустой. Ибо что бы ты ни делал, пока тварное царствует в тебе, тебе приходится обходиться без Бога и оставаться в суете. Если удержишь от Него хоть малейшую часть себя, Он непременно отнимет у тебя многое из того, что Он есть, — неизмеримо большую долю.

10 Жила однажды прекрасная, светлокожая женщина, родившая ребёнка, чёрного, как мавр. Мейстеру Альберту рассказали об этой великой беде. Он нашёл изображение мавра, которое видела женщина, и сказал ей: «Женщина, я нашёл отца вашего ребёнка». И сравнил этот случай с наседкой, которую посадили на виду у ястреба-перепелятника: все её птенцы приобрели облик перепелятников. Так все рождённые по Божественному подобию божественны, а все рождённые по плоти — плотские.

11 В-четвёртых, ты должен покорить свои природные чувства и всегда владеть ими: видеть и всё же не видеть, никогда не поднимать глаз, не внимать ушами и не открывать рта без должной причины. Руки, ноги и все члены тела никогда не должны действовать по собственному произволу. Ты должен тщательно охранять их и крепко содержать под стражей, чтобы ничто не являлось им, не было ими услышано или увидено, если оно не божественно. Ибо святой Августин говорит: «Мы должны умереть и всё же не умереть; мы должны силой обуздывать свою природу и свои чувства». Тогда Бог будет властвовать над нами, и, несомненно, мы также будем властвовать над собой. Аминь.

Проповедь III. На Зачатие Пресвятой Девы, а также на Её Рождество

[1] Как преуспевающим людям научиться распознавать свои немощи и тайные дурные склонности; как умереть для них и освободиться от них, будь то услаждение чувственными или умственными предметами, силами души или чем-либо иным. Как образы прежних привычек должны быть изгнаны образом жизни Иисуса Христа, чтобы люди могли постигнуть со всеми святыми высоту, глубину, широту и долготу Божию.

[2] *Transite ad me, omnes qui concupiscitis me.*

[3] «Придите ко мне, все желающие меня, и насыщайтесь плодами моими. Ибо дух мой слаще мёда и сотов». [35]

[4] Дорогие дети, в прошлой проповеди об этих словах, сказанных о Деве Марии вечной Премудростью, я говорил вам, что они относятся к нашей Владычице, чьи достоинство и честь человек никак не может выразить словами, ибо их ценность превосходит всякое познание. Я описал дела и пути, необходимые человеку, который, восстав, желает вступить на путь истины; затем — что нужно ему во время преуспеяния; и затем — как совершенный человек может достичь цели и каков будет его конец.

[5] Я говорил вам, что человек прежде всего должен отложить все вопиющие грехи: гордость, нечистоту, любостяжание, гнев, все дурные порождения мира и все неразумные желания; а прежде всего — всё принадлежащее плоти, касается ли это одушевлённых

или неодушевлённых вещей. Словом, человек, который не обращается мужественно к Богу всем сердцем и всем умом, который не любит Бога из глубины сердца и не намерен прежде всего служить Ему и в час смерти быть обретённым в Нём, никогда не придёт к Богу, даже если, как говорит святой Павел, совершит столько добрых дел, сколько все ныне живущие люди, будет столь мудр, что заговорит ангельским языком, отдаст тело своё на сожжение и раздаст всё своё имущество нищим. Но как обратились к Богу всей любовью и всем умом те, кто добровольно отдаёт сердце сотворённым существам, зная, что тем самым занимает места, где должен обитать Бог, и сознательно лишает Его этих мест? Богу не нужны дела, когда Он лишён сердца и любви. Какая Ему польза от мякины, если пшеница досталась другому?

[6] Когда эти грубые грехи будут отсечены в преуспевающем человеке усердием, подобным острой стали, о котором я уже говорил, он станет острым, как нож, отточенный великой праведностью Божией, не оставляющей без наказания ни слова, ни дела, какими бы малыми они ни были. Он должен помнить о сокровенных и страшных судах Божиих: никто не знает, что будет с ним; никто не знает, пребывает ли он под гневом Божиим или под Его благоволением. Итак, начав с отсечения всех злых пороков, человек должен затем обратить внимание на то, что осталось в глубине сердца, а именно — на склонность к ним, возникшую от старых привычек. Эти старые привычки находят себе оправдания и стараются выглядеть добродетелями, хотя они лишь подделки; при этом гордость, которую человек самодовольно считает побеждённой, скрывается в его сердце. Например, остаётся забота об одежде и тому подобном, и это называют опрятностью; или находят удовольствие в

чувственном — еде и питье — и называют это необходимостью. А некоторые люди столь гневливы и раздражительны, жаждут донести на каждого и осудить его, так подозрительны и нетерпеливы — и всё это называют справедливостью; чистую же леность называют болезнью.

7 Дети, если вы упорствуете в чём-либо подобном и хвалитесь своей добротой, собственным суждением, своими высокими и мудрыми делами и путями, то, когда придёт конец, придёт диавол и уведёт с собой тех, кто самодовольно воображает, будто у них всё хорошо. Особенно так будет с теми, кто прячет гордость под видом смирения и, будучи мудр в собственных глазах, по праву должен стоять под знаменем Люцифера: чем выше они ставят себя, тем глубже падут в бездну.

8 Дети, наблюдайте за собой. Речь идёт не о мелочах. Если бы вас на сутки заперли в жаркой комнате, вы сочли бы это очень тяжким; я уже не говорю о жгучем зное на многие годы или, быть может, на всю вечность. Поэтому беседуйте с самими собой, ибо *Царствие Божие внутри вас.* Посмотрите, с кем вы общаетесь, с кем охотно остаётесь; исследуйте причины и склонность ко всем дурным привычкам. Если человек уступает какому-либо пороку год или два, этот порок пускает в его сердце такие глубокие корни, что он едва может преодолеть его всеми своими силами. Поэтому молодые должны тщательно беречь себя, чтобы в них не укоренились дурные склонности. Все немощи следует искоренять в самом начале, когда это гораздо легче, чем впоследствии. Есть четыре вещи, которых человеку следует особенно остерегаться: четыре силы, столь пагубные и злые, что они подобны зазубренным зубам.

9 Первая — любовь к видимым вещам; в ней заключена сила желания. Едва ли можно вообразить или описать вред, который люди причиняют себе этим. Люди, желающие быть добрыми, начинают то одно, то другое, занимаются то этим, то тем и так поглощены посевом семян, что не держатся всей полноты истины. Они не заглядывают в собственные сердца: те закрыты для них, словно нечто неизвестное за тысячу миль; внешние и видимые вещи для них важнее. Так они продолжают уклоняться от самих себя и уже не знают, где находятся.

10 Вторая сила — гнев. Им пользуются неумеренно, хотя внешне его никогда не следует проявлять, кроме как против того, что неугодно Богу. Сам по себе он — благородная сила, но во многих людях даёт весьма злые ростки. Они внезапно с яростью набрасываются на что угодно и с ложной праведностью желают порицать это, судить обо всех делах и путях; так они обманывают и себя, и других своей неистовостью, необузданным и горьким гневом, громкими, резкими, недобрыми и сердитыми словами.

11 Третье зло находится в силе света разума, на которую многие полагаются себе во вред. Они доверяют собственному разуму и хвалятся им, сравнивая себя со всемудрой, живой и сущей Истиной; ибо тот, кто говорит, что обладает ею, ею не обладает. Так многие обманывают себя и воображают, будто обладают всем, потому что видят это в своём воображении, тогда как всё это отстоит на сотни миль; и так они упускают благородное сокровище — глубокое смирение, принимая подделку и перед собой, и перед другими людьми.

12 Четвёртое зло — тайное услаждение собственными дарованиями. Оно господствует во многих: их обманывает

его добрый вид, и удовольствие влечёт их сильнее, чем Божественная любовь; они принимают удовольствие за Бога, и то, что они воображают Богом, есть лишь удовольствие. Поэтому, если бы исчезло их удовольствие, исчезло бы и их усердие. Внимательно наблюдайте за собой: ко многому, что кажется исходящим из Божественной любви, примешивается столько постороннего, что наслаждение, вкус и обстоятельства возбуждают нас сильнее, чем мы полагаем. Иногда это происходит от новых чувств, склонности, страха ада или желания блаженства; а это естественное человеческое желание. Знайте, дети: кто не ищет Бога от сердца, для тех Бог не будет ни целью, ни наградой. Всё, о чём вы слышали, надо усердно отсекать словно острым ножом, который должен быть отточен суровыми судами Божиими и Его неизменной праведностью, ничего не оставляющей без внимания.

13 Когда эти внешние немощи отсечены, под склонностью ко греху всё ещё остаётся образ прежних привычек; его необходимо изгнать образом Иисуса Христа. Как один гвоздь выбивают другим, так человек должен благоговейно и крепко запечатлеть этот Образ в глубине своего сердца, чтобы все неровности в нём были уничтожены и угашены. Если Бог дал минералам и травам великую силу изгонять болезни, то какой силой, по-вашему, Сын Божий изгоняет все болезни души, если не Своими святыми Страданиями, Смертью и священным Образом? Но поскольку человек сам по себе ничего не может, он должен через молитву упражняться в святых страданиях; тайно повергаться к ногам Небесного Отца и умолять Его ради возлюбленного Сына и всех Его страданий помочь ему, ибо без Него он не может ни за что взяться и ни в чём преуспеть. Он должен приучать

себя никогда не позволять священным Страданиям и Образу своего Господа покидать сердце и не допускать туда никакого чуждого образа. Для этого он должен возносить сердце и ум к высотам славы Божества и взирать на неё со святым страхом и жаждущим желанием. Когда он представит Богу своё тёмное и жалкое неведение, он поймёт слова Иова: *«Дух прошёл предо мною»*.[13] Это водительство Духа производит великое волнение в сердце человека. Чем яснее, истиннее и отчётливее это водительство, тем сильнее, живее, истиннее и явственнее будут дело, сила и обращение человека, и тем яснее он распознает место своего пребывания. Тогда Господь приходит мгновенным взором, озаряет сердце человека и становится Господом всякого его дела. Когда человек сознаёт присутствие Господа, он должен оставить своё дело и поклониться Ему; все его силы должны умолкнуть, и должен наступить покой. Иначе человеческие дела, в том числе добрые, станут лишь помехой: ему следует только предать себя Богу. Но когда человек снова оставлен самому себе и уже не сознаёт в себе Божиего действия каким-либо ясно различимым образом, он должен вновь усердно трудиться и упражняться в святости. Так человек будет то действовать, то покоиться, смотря по тому, как Бог движет и призывает его; каждый должен делать то, что представляется ему лучшим, — трудиться или покоиться, — чтобы быть привлечённым к Богу. Но тот, кто не может пребывать в одном только покое, должен пользоваться священными образами и подвигом, чтобы *укорениться и утвердиться в святой любви и постигнуть со всеми святыми высоту и долготу, глубину и широту.*

[14] Понять всё это невозможно; но возможно прилепиться к этому любовью и чистым намерением. Ум должен

подняться над всеми видимыми вещами и над всем низшим, чувственным и осознать, что Бог, Который может всё, не пожелал создать существо столь благородное, чтобы природным разумением оно могло достичь познания самой сущности Божиего Бытия. Ибо глубину Божественной бездны нельзя постичь разумом, но её можно постичь глубоким смирением. Поэтому наша Владычица, не обращая внимания на все великие блага, излитые на неё Богом, говорила лишь о своём смирении, за которое все роды назовут её блаженной, потому что Бог призрел только на неё.

[15] Под широтой Божией следует разуметь всеобщую любовь, которую Он проявляет во всех местах, во всех землях и во всех добрых делах и путях. Нет ничего столь обширного и всеобъемлющего, как Бог, и ничего столь близкого к сокровенному сердцу человека; кто станет искать Его там, тот найдёт Его. Так каждый день мы обретаем Его в Пресвятом Таинстве, во всех друзьях Божиих и во всех творениях. Эту широту нужно искать искренним, горячим умом, то есть умом, свободным от всех других вещей и не тревожимым ими, который тайно предал себя со всеми своими силами Божиему присутствию. Такому человеку будут даны свобода духа и сверхъестественная благодать; ум его вознесётся над всеми образами и видами, и он воспарит над всеми сотворёнными вещами. Святой Григорий говорит об этом так: «Если мы хотим прийти к познанию невидимого, то должны смотреть за пределы всего видимого».

[16] Долгота — это вечность, где нет ни «прежде», ни «после», но где всё пребывает в покое и неизменности и где всё существует в постоянном, неизменном созерцании Того, в Ком всё существует. Эту долготу человек должен

искать постоянным, неизменным и смиренным духом: оставаясь неизменным в Боге, отрекаясь от всякой любви, всякой скорби и всех творений, чтобы обрести удовлетворение в Боге, покоиться в мире и всё предоставить Богу. Так исполнится благородное слово: *«Придите»,* ибо человек преодолеет всё и исполнится Божественным Рождением этой прекрасной, благородной Девы, которой все люди должны воздавать великую честь. Как бы высоко они ни были вознесены, им следует посвящать время и труды её почитанию и служению ей. Да последуем и мы за нею, чтобы с Божией помощью также прийти к этому Рождению. Аминь.

Проповедь IV. На праздник святого Стефана или святого Лаврентия

1 О трёх ступенях тех, кто здесь учится умирать для себя по природе и по духу, чтобы, подобно пшеничному зерну, принести много плода: о начинающих, преуспевающих и совершенных.

2 *Nisi granum frumenti cadens in terram mortuum fuerit, ipsum solum manet.*

3 «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». [36]

4 Под Пшеницей мы разумеем Господа нашего Иисуса Христа, Который Своей смертью принёс много плода для всех людей, если они готовы не только царствовать с Ним, но также и прежде всего желают следовать Ему в умирающей жизни. Ибо умирающей можно назвать жизнь человека, который ради любви к Богу отказывается удовлетворять чувства, искать естественного удовольствия и следовать собственной воле; и для скольких похотей он умирает, столько смертей приносит Богу и столько плодов жизни получает взамен. Ведь в какой мере человек умирает для себя и выходит за пределы себя, в той же мере входит в него Бог, Который есть наша Жизнь.

5 Заметьте же, дорогие дети: путь человека, умирающего таким образом, можно разделить на три ступени. Вступившие на низшую ступень совершают дела самоотречения из страха ада и в надежде на небо, с

некоторой примесью любви к Богу, побуждающей их избегать наиболее явных грехов. Но любовь к Богу редко действует в них сильно, если её не возбудит размышление об аде или небе; ибо вследствие слепого себялюбия эти люди ужасно боятся смерти и вовсе не спешат приняться за умерщвление своей необузданной природы, которая от этого уклоняется. В них мало веры, оттого и возникает робкая немощь, заставляющая их непрестанно бояться за собственную безопасность. Итак, подобно тому как прежде они искали и любили себя во всевозможных плотских удовольствиях и мирской суете и из себялюбия избегали телесной боли и неудобств, так и теперь действует тот же побудительный мотив: он заставляет их избегать греха из страха наказания, чтобы спастись от ада и получить небесную награду. Ещё неопытные в любви к Богу, они обычно мало вкушают сладости в любви к Нему, кроме тех случаев, когда надеются получить от Его любви какое-либо наслаждение, например избежать ада и попасть на небо. Если порой они размышляют о Страданиях нашего Господа и с сильным волнением плачут над ними, то потому, что думают, как Он согласился столько претерпеть ради них и искупить их Своей горькой смертью. Но поскольку их любовь мала, они гораздо склоннее останавливаться на телесных страданиях, перенесённых Им в человеческой природе, нежели размышлять, как Своею смертью Он явил высшее совершенство всех добродетелей — смирения, любви, терпения — и тем столь велико прославил Своего Небесного Отца. Такие люди вступают на путь и начинают умирать, всё ещё слишком сильно любя себя; поэтому они пока не могут истинно увидеть, что значит предать себя Богу и сохранять дух покорности. Хотя Бог всё совершает к лучшему, они никак этому не верят, и это постоянно

становится для них камнем преткновения. Потому они часто спрашивают и удивляются, зачем Господь избрал столь великие страдания и почему ведёт к Себе Своих друзей и последователей таким скорбным путём. Когда они находятся в начале умирающей жизни и лишь наполовину склоняются к истинному совершенству, ещё не понимая, в чём оно состоит, они часто мучают себя бдениями, постом и суровым образом жизни; ибо всё, что внешне болезненно для плоти, кажется им великим и чрезвычайно ценным в глазах Бога. Поэтому, когда они ревностно возлагают на себя все возможные лишения, им кажется, что они достигли вершины совершенства; они судят всех прочих людей, даже гораздо более совершенных, чем они сами, и низко ставят всех, кто не совершает внешних подвигов, называя их приземлёнными и невежественными в духовном. Тех же, кто чувствует иначе, они считают совершенно уклонившимися от духовного пути и желают, чтобы все люди были такими, как они; какие бы способы избегать греха они ни применяли прежде и ни применяли теперь по своей немощи, они желают и даже требуют, чтобы все остальные соблюдали их. Если же кто не делает этого, они судят его, ропщут на него и говорят, что он ни во что ставит благочестие.

[6] Пока они таким образом заставляют себя и всё своё словно служить собственным интересам и в этом себялюбии неправильно считают себя своей собственностью, они отсекают себя от Господа и от всеобщей любви. Им следовало бы непрестанно питать любовь ко всем людям — и добрым и злым, — но они остаются поглощены частными, обособленными привязанностями, навлекая на себя много беспокойства и оставаясь добычей своего привычного греха: постоянно

искать себя и заниматься собой. И они весьма скупы на духовные блага для своих братьев-христиан: все молитвы и благочестивые упражнения посвящают себе, а если помолятся или сделают что-либо доброе для других, то считают это великим делом и воображают, что оказали им великую услугу. Словом, как мало они заглядывают внутрь и как мало просвещены в самопознании, так мало возрастают и в любви к Богу и ближнему. Они настолько опутаны неупорядоченными привязанностями, что сердцем живут в одиночестве, не соединяя по-настоящему свою душу ни с кем должной, всецелой любовью. Ибо им недостаёт любви Божией, которая должна соединять их с Богом и со всем человечеством; и хотя они, по видимости, соблюдают установления Бога и Святой Церкви, закона Любви не соблюдают. Всё они делают скорее по принуждению и из страха, чем из сердечной любви; и, будучи внутренне неверны Богу, не смеют довериться Ему, ибо обнаруживаемое в себе несовершенство повреждает их любовь к Богу. Поэтому вся их жизнь полна забот, трудов и низменного мучения: с одной стороны они видят вечную жизнь и боятся её утратить, с другой — ад и боятся попасть туда. Все молитвы и благочестивые упражнения не могут прогнать страх ада, пока они не умрут для себя. Ибо чем больше они любят себя и заботятся о собственном благополучии, тем сильнее растёт в них страх ада; настолько, что, когда Бог не помогает им преуспевать так, как они хотят, они жалуются, плачут и вздыхают из-за каждой самой малой трудности, например искушения тщеславием, рассеянных мыслей и тому подобного. Они долго рассказывают о пустяках и говорят о своих великих трудностях и страданиях так, словно с ними жестоко обошлись; ибо свои дела, хотя они малы, считают великими заслугами и

полагают, что Всемогущий Бог обязан воздать им за них великими почестями и благами. Но Господь скажет им — как впоследствии и говорит, просветив их благодатью, — что бедный простак любит свою деревянную палку или другую ничтожную безделицу так же сильно, как богатый и мудрый человек любит свой меч или иную великую и драгоценную вещь.

[7] Все такие люди стоят на низших ступенях умерщвлённой жизни; если они не умрут для себя более полно и не узнают на опыте больше о том, что такое умерщвлённая жизнь, следует опасаться, что они отпадут и от того малого, чего достигли, и погрузятся в бездны безумия и нечестия, от чего да сохранит нас всех Бог! Но прежде чем человек приходит к такому падению, Бог даёт ему великое духовное услаждение; оно так радует его, что он охотно переносит всякую суровость и покаянные подвиги, а затем полагает, что достиг совершенства, начинает судить ближних и хочет всех людей перекроить по собственному образцу — столь высоко он ставит себя в своём воображении.

[8] Тогда Бог по милости Своей приходит научить человека тому, что он есть, и показать, в какое заблуждение он впал; Он попускает Врагу представить ему сладость греха и дать вкусить её. Вкусив, человек ощущает склонность к одному греху за другим и не может избавиться от этих склонностей. Тогда он хочет бежать от греха, чтобы избежать ада, и начинает делать внешние добрые дела; однако совершать их как одну только повинность и причинять себе боль — ужасный труд. Так он вступает в мучительную борьбу с собой и не знает, куда обратиться, смутно понимая, что сбился с пути. Тогда Бог по милости Своей должен прийти и поднять его, а он должен усердно

взывать к Богу о помощи; главным предметом его размышлений должны стать Жизнь и Дела, а особенно Страдания Господа нашего Иисуса Христа.

9 Вторая ступень, на которой умирает пшеничное зерно, наступает, когда человеку приходится переносить оскорбления, презрение и подобные смерти; пока длится дарованная ему благодать, он охотно продолжал бы страдать, ибо сознание незаслуженной обиды лишь оживляет все его силы и возводит их к более высокой деятельности. Но когда он лишается этого благодатного ощущения Божественного присутствия, то, ещё весьма далёкий от совершенства, не может вынести духовного оскудения и по немощи становится добычей недоверия Богу, воображая, что Бог оставил его и не желает помогать ему достичь совершенства. Он часто мечется между сотней решений о том, что делать или не делать; если же Господь явит ему какую-либо милость, ему кажется, что между его душой и Богом всё благополучно, он чувствует себя столь богатым, словно уже никогда не сможет обеднеть, и надеется наслаждаться присутствием и вкушением Бога — хотя ещё совершенно не испытан, — как будто Всемогущий есть его собственный, особенный Друг. Он готов верить, что Господь, так сказать, находится в его распоряжении, утешит его в несчастье и обогатит всеми добродетелями. Но милостивый Господь видит, что такой человек легко положится на свои мнимые силы и тем тяжко падёт; видит также, что лучший и зрелый плод теряется, потому что человек ещё не достиг того совершенства, к которому Господь желает его привести. Поэтому в должное время Он отнимает у него всё, что открыл ему, ибо тот слишком занимался собой, размышлял о собственном совершенстве, мудрости, святости и добродетелях. Так через нищету Он

приводит его к недовольству собой и смиренному признанию, что в нём нет ни мудрости, ни достоинства. Тогда человек начинает размышлять, как справедливо Всемогущий Бог удержал Свою руку от дарования ощутимых знаков милости, потому что человек воображал, будто он что-то значит; теперь же ясно видит, что он ничто. Прежде он заботился о своём добром имени и мирском почёте и защищал их, как муж защищает законную жену, а злословящих о нём считал врагами общего блага. Прежде он желал и жаждал славы святости, как луг — небесной росы. Ему казалось, что человеческие похвалы исходят всецело из истинной доброты и сердечного сочувствия, по Божиему устроению; и он настолько удалился от самопознания, что не видел собственной нездоровости с головы до ног. Он воображал, будто действительно таков, каким видят его люди, и не знал ничего противного этому.

[10] Здесь следует заметить: желающий исцелить себя от подобных тяжких заблуждений и покорить такую неумерщвлённую природу должен рассмотреть в себе три вещи. Во-первых, насколько он старался ради добра радостно переносить все обрушившиеся на него укоры, клевету и позор, терпеливо выдерживая их в сердце без внешних жалоб. Во-вторых, насколько во время укоров, позора и скорби он хвалил и прославлял Бога и ближних и всячески проявлял доброту к ближнему, несмотря на всё противодействие себе. В-третьих, пусть исследует, любил ли он радостным и готовым сердцем людей или творения, которые так преследовали его, и искренне ли молился за них. Если он обнаружит, что этого не делал и не желает делать, но ожесточён и полон горечи в своём горе, то может верно знать и должен быть уверен: в нём есть нечто ложное, опора на человеческую похвалу и

собственную духовную гордость, и он ещё не умер. Он ещё не достиг второй ступени умирающей жизни.

11 Но благой Господь, подобно нежной матери, исполненной любви, или мудрому врачу, желающему сильнодействующими средствами возвратить больному совершенное здоровье, попускает человеку многократно падать, чтобы тот научился познавать себя. Так он впадает в плотские, недуховные искушения, каких никогда не испытывал в прежние дни, когда считал себя весьма добрым и духовным. Из милости Бог лишает его всякого разумения, омрачает весь свет, в котором он прежде ходил, и так окружает его терниями мучающейся совести, что тот думает только об одном: он отвержен от света Божиего лица. Он тяжко стонет и часто со многими слезами восклицает: «О Боже мой, зачем Ты отверг меня и почему я так скорблю во все дни моего странствования?»

12 Когда он находит себя таким, от темени до подошвы ног, непохожим на Бога и несогласным с Ним, его наполняет сознание собственной недостойности и недовольство собой, так что он едва может выносить самого себя. Тогда, вспоминая места Святого Писания, он думает о себе много горестного и проливает множество слёз от сознания своей греховности, пока тяжесть Божией руки не прижмёт его к земле и он не воскликнет с пророком: «Грехов моих больше, чем песка морского; они объяли меня, так что я не могу поднять глаз, ибо я возбудил против себя гнев Божий и совершил много зла пред Ним». Так и многое подобное говорит он. Порой же не может даже плакать и сетовать, и тогда ещё сильнее терзается скорбями и нападениями: с одной стороны, он чувствует горячее желание смиренно повергнуться и

умереть для себя, с другой — сознаёт в себе великую гордость и надменность; до того он озлобляется против себя, что, если бы это не было бесчестием для Бога, охотно лишил бы себя жизни. Думаю, вся эта борьба сильно истощает умственные и природные силы, ибо она столь чрезмерна, что человек предпочёл бы быть преданным смерти, нежели переносить её. И всё же одна благодать остаётся ему: он считает неважным всё, что бы на него ни излилось, лишь бы не оскорбить Бога сознательно. Через некоторое время возвращается благодать слёз, и он взывает к Богу: «Восстань, Господи, почему Ты спишь?» — и спрашивает, зачем Он запечатал источники Своей милости; призывает святых Ангелов и блаженных духов сжалиться над ним. Спрашивает небеса, почему они стали медью, и землю — почему она стала железом, и даже камни умоляет сострадать его бедам. Восклицает: «Неужели я стал подобен иссохшей горе Гелвуе, которую Давид проклял, чтобы ни дождь, ни роса не падали на неё? И как одно моё нечестие могло одолеть невидимого Бога и принудить Его затворить милости — Его, Кому свойственно миловать и помогать?»

[13] На второй ступени умирающей жизни Бог проводит душу через эти упражнения и действия Своей руки, словно попеременно через огонь и воду, пока проявления самодовольства не будут изгнаны из всех сокровенных уголков духа. Тогда человек столь глубоко стыдится себя и столь решительно отвергает себя, что уже никогда не может приписать себе никакого величия, но вполне сознаёт всю свою немощь, в которой находится теперь и находился всегда. Что бы он ни делал или ни желал сделать, какое бы доброе слово ни было о нём сказано, он не ставит этого себе в заслугу, ибо о себе умеет сказать лишь, что исполнен всяческой немощи. Тогда он достиг

конца этой ступени; а достигший этой точки недалёк от порога великих милостей, через который войдёт в брачный чертог Христов. Когда же наступит день его смерти, Жених введёт его туда с великим ликованием.

[14] Трудно умирать. Мы знаем, что маленькие деревья не пускают корней глубоко в землю и потому не могут долго устоять; так и все смиренные сердца укореняются глубоко не в земле, а на небе. Но большие деревья, высоко выросшие и предназначенные долго оставаться на земле, глубоко пускают корни и широко распространяют их в почве. Так и люди, великие на земле в прежние времена или ныне: им необходимо через многие борения и смерти умереть для себя, прежде чем всё самодовольство их сердца будет сокрушено и они смогут надёжно и прочно навеки укорениться в смирении. Однако порой Святой Дух находит и более лёгкие пути, чем описанные нами, чтобы привести такие души к Себе.

[15] Третья ступень, на которой умирает пшеничное зерно, принадлежит лишь совершенным, которые с неослабным усердием и непрестанным желанием всегда стремятся приблизиться к совершенству. Их состояние — смешение радости и скорби, бросающее их то вверх, то вниз; ибо Святой Дух испытывает и просеивает их, готовя к совершенству двумя видами печали и двумя видами радости и блаженства, постоянно находящимися у них перед глазами. Первая печаль — внутренняя боль и подавляющая сердечная скорбь от сознания неизреченного оскорбления, наносимого Святой Троице всеми творениями, особенно дурными христианами, живущими в смертном грехе. Вторая печаль состоит в сочувствии и сопереживании всей скорби и боли, претерпенной Человеческой природой Христа.

[16] Первая из двух радостей заключена в этом умирании: это ясное созерцание и совершенное вкушение, к которому силой Святого Духа они возносятся во Христе, чтобы наслаждаться Им и торжествовать всеми радостями, какие надеются и верят после этой жизни узреть в совершенной полноте. Второе торжество состоит в том, что они исполняются всеми радостями, которыми обладала Человеческая природа Христа. Этой радости такой человек надеется приобщиться как член Христов; и даже если не может постичь Бездны Божией, он радуется ей, ибо видит, что преизлияния Божией милости неизреченны, и чувствует: для него благо — быть побеждённым в попытке постичь Божие могущество и в умирании для себя склониться пред Богом.

[17] Этого состояния человек не может достичь, если не соединит свою волю с Богом, всецело отрекаясь от себя, совершенно отвергая себя и всякую себялюбивую любовь к себе; всякое услаждение исполнением собственной воли должно быть побеждено и угашено излиянием Святого Духа в его сердце в любви Божией. Тогда кажется, словно Сам Святой Дух стал волей и любовью человека, а сам он — ничто и ничего не желает для себя. Да, даже Царствия Небесного он должен желать ради Бога и Божией славы, потому что Христос приобрёл его для удовлетворения его нужд и желает даровать ему как одному из Своих сынов. На этой ступени человек любит всё в должном порядке: прежде всего Бога, затем блаженную Человеческую природу Христа, после неё — блаженную Матерь Христову и святых всех чинов, каждого сообразно степени, которой Бог даровал ему достичь. Когда его привязанности так упорядочены, он занимает последнее место на брачном пире Жениха. И когда приходит Жених, пригласивший его на пир, Он говорит ему: «Друг,

пересядь выше». Тогда человеку даруется новая жизнь и он озаряется новым светом, в котором ясно постигает и видит, что только он сам — причина собственного зла и что по правде не может возложить вину ни на природу, ни на мир, ни на диавола. Напротив, он исповедует, что Бог назначил ему все эти упражнения и нападения по Своей великой любви, чтобы, преодолевая их, он прославлял Бога и заслужил высший венец. Далее он постигает и видит, что один Бог поддерживал его и укреплял его шаги, так что в нём больше нет склонности ко греху, и устранял повод ко греху, чтобы он не пал. Более того, что ещё хуже, он вынужден признать: нередко он был недоволен тем, что не мог извлечь из своих грехов больше наслаждения. Так всё его существо поглощается скорбью и раскаянием, потому что он всё ещё обременён безмерной немощью.

[18] Но он испытывает услаждение и радость, видя, что благость Божия столь же велика, как его нужды; поэтому его жизнь справедливо можно назвать умирающей жизнью из-за этих скорбей и радостей, соответствующих и подобных Жизни Господа нашего Иисуса Христа, которая от начала до конца всегда состояла из смешения скорби и радости. Скорбь — потому что Он оставил небесный престол и сошёл в этот мир; радость — потому что не был отделён от славы и чести Отца. Скорбь — потому что Он был Сыном Человеческим; радость — потому что тем не менее был и оставался Сыном Божиим. Скорбь — потому что принял на Себя служение раба; радость — потому что всё же был великим Господом. Скорбь — потому что по человеческой природе был смертен и умер на Кресте; радость — потому что по Божеству был бессмертен. Скорбь в Его рождении — потому что Он однажды родился от Матери; радость —

потому что от века и до века Он Единородный от Сердца Божия. Скорбь — потому что во времени Он подчинился времени; радость — потому что прежде всякого времени Он был вечен и пребудет таковым вовеки. Скорбь — потому что Слово родилось во плоти и обитало в нас; радость — потому что Слово было в начале у Бога и Само Слово было Бог. Скорбь — потому что Ему надлежало, подобно любому грешному человеку, креститься от святого Иоанна Крестителя в Иордане; радость — потому что голос Небесного Отца сказал о Нём: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение». Скорбь — потому что, подобно другим грешникам, Он был искушаем Врагом; радость — потому что Ангелы пришли и служили Ему. Скорбь — потому что Он часто терпел голод и жажду; радость — потому что Сам Он — Господь людей и Ангелов. Скорбь — потому что Он часто утомлялся от трудов; радость — потому что Он — покой всех любящих сердец и блаженных духов. Скорбь — потому что Его святая жизнь и страдания должны были остаться тщетными для стольких людей; радость — потому что ими Он спасёт Своих друзей. Скорбь — потому что Ему пришлось просить воды у язычницы возле колодца; радость — потому что той же женщине Он дал пить живую воду, так что она больше никогда не возжаждет. Скорбь — потому что Он плавал по морю в лодках; радость — потому что Он ходил по волнам, не замочив ног. Скорбь — потому что Он плакал с Марфой и Марией о Лазаре; радость — потому что воскресил их брата Лазаря из мёртвых. Скорбь — потому что Он был пригвождён гвоздями ко Кресту; радость — потому что обещал рай распятому рядом разбойнику. Скорбь — потому что Он жаждал, вися на Кресте; радость — потому что тем избавил Своих избранных от вечной жажды.

Скорбь, когда Он сказал: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?»; радость — потому что этими словами Он хотел утешить все скорбящие сердца. Скорбь — потому что Его душа отделилась от тела, и Он умер и был погребён; радость — потому что на третий день Он воскрес из мёртвых с прославленным телом.

[19] Так вся Его жизнь, от Яслей до Креста, была тканью, сотканной из скорби и радости. Эту жизнь Он оставил священным завещанием Своим последователям нынешнего времени, обратившимся к Его умирающей жизни, чтобы они вспоминали Его, когда пьют Его чашу, и ходили, как ходил Он. Да поможет нам Бог так поступать! Аминь.

Проповедь V. На день святого Иоанна Евангелиста

[1] Как людям должно принимать всё, что Бог даёт и устраивает для тех, кто истинно ищет Его во всём, как исходящее из Его руки и служащее ко благу. Как охотно Бог даёт великие дары, когда в смирении духа мы мало ставим себя; и как всё есть ничто без Бога.

[2] *Hic est discipulus ille, quem diligebat Jesus.*

[3] «Это тот ученик, которого любил Иисус». [37]

[4] Дорогие дети, хотя Бог нелицеприятен и любит всё, что создал, всё же у Него есть друзья — те, кто полнее всего сознаёт Его благоволение и всеми силами обращается к Нему, — особенно дорогие Ему. И не Его вина, что не все люди обращаются к Нему по собственной свободной воле. Он всегда готов принять нас и даёт солнцу Своей благодати светить над добрыми и злыми.

[5] Святой Иоанн с юности особенно сознавал благодать Божию и всегда был горячо любимым учеником Господа благодаря девственной чистоте, совершенной любви, проницательному зрению и всем прочим добродетелям. Поэтому, если мы желаем быть дорогими учениками Бога, то прежде всего должны последовать святому Иоанну: всецело умереть для себя, предать Богу себя и все свои привязанности, всё принимать из Его руки; мы должны отказать себе во всяком удовольствии любить сотворённые вещи отдельно от Бога. Люди, так отрекающиеся от себя и всецело покоряющиеся Богу, искренне желают всего, что Он даёт им, ибо это есть и представляется им наилучшим. Так же верно, как жив

Бог, ты можешь быть уверен: это непременно наилучшее и никакой иной путь не может быть лучше нынешнего, хотя другой и мог бы казаться лучше; но для тебя он не был бы столь благ, потому что Бог избрал этот путь, а не иной, и потому он должен быть наилучшим. Это может быть болезнь, нищета, голод или жажда; что бы Бог ни назначал или ни оставлял неназначенным, это всё равно наилучшее для тебя. Это может быть благоговение или усердие; или тебе не дано ни того ни другого, если только причиной не стало твоё собственное нерадение. Лишь решись во всём искать Божией чести — во всём, что имеешь и чего не имеешь, — тогда всё, что Он пошлёт тебе, послужит ко благу.

6 Но, возможно, ты скажешь: «Как узнать, воля ли это Божия?» Знай: если бы это не было Божией волей, оно не могло бы случиться. Ни дней болезни, ни чего-либо иного у тебя не бывает иначе как по воле Божией. Если же ты знаешь, что это Божия воля, ты должен находить в ней столько удовольствия и радости, чтобы не замечать боли как боли, хотя бы она была чрезвычайной. Неправильно было бы тебе ощущать боль или страдание, ибо ты должен принимать их от Бога как наилучшее для тебя. Самая Его жизнь состоит в желании лишь наилучшего; поэтому и я должен желать этого, и ничто не должно нравиться мне больше. Если бы был человек, которому я особенно желал угодить, и я точно знал бы, что в сером одеянии понравлюсь ему больше, чем в любом другом, как бы хорошо оно ни было, то серое одеяние показалось бы мне желаннее любого другого, сколь бы хорошим оно ни было. О, наблюдайте за собой, смотрите, какова ваша любовь! Если бы вы истинно любили Бога, ничто не радовало бы вас больше, чем делать наиболее угодное Ему и желать, чтобы Его воля вполне совершалась в нас. Какими бы

суровыми ни казались боль и неудобство, если ты не находишь в них такой же великой радости, как в удобстве и удовольствии, с тобой не всё благополучно.

7 Есть одна вещь, которую я постоянно повторяю и которая истинна: каждый день мы взываем и говорим в молитве Господней: «Господи, да будет воля Твоя!» — но затем сердимся и не настолько довольны Его волей, чтобы всё совершаемое Им казалось нам наилучшим. Те, кто принимает её как наилучшее, пребывают в совершенном мире во всём. Вы же порой говорите: «О, если бы только было иначе, было бы лучше» или: «Если бы это не произошло так, всё могло бы случиться лучше». Пока ты так думаешь, никогда не достигнешь мира: ты должен принимать всё как самое лучшее.

8 Заметь: Бог — Податель всех даров, и всё наилучшее и высочайшее есть Его истинные и наиболее свойственные Ему дары. Ничего Бог не даёт с такой готовностью, как великие дары, ибо давать великое свойственно Его природе. Поэтому чем вещи лучше, тем их больше: благороднейшие творения, Ангелы, особенно мудры, не имеют телесной природы, и числом их больше, чем всех остальных сотворённых существ. Великое поистине есть великие дары; именно это я лучше всего могу сделать своим и более всего желать.

9 Я говорю также о том, что действительно может быть выражено словом и должно совершенно свободно исходить изнутри; оно не должно приходить в сердце извне: изнутри должно выходить то, что действительно обитает в сокровенной глубине сердца. Там всё присутствует для тебя, всё живёт, движется и существует в Том, Кто есть Святой и Всевластный Бог. Почему же ты не находишь этого? Потому что ты там не дома. Чем

благороднее вещь, тем больше она общая. Природную чувствительность я разделяю с животными, жизнь — с деревьями, а бытие, которое значит для меня ещё больше, — со всеми творениями. Небо превосходит всё находящееся около него, поэтому оно и благороднее. Чем вещи благороднее, тем больше они общие. Любовь благородна, потому что всеобща. Кажется трудным исполнить повеление Господа и любить ближнего, как самого себя. Простые люди говорят: «Мы должны любить их так, как любим Бога, ибо себя мы любим слишком сильно». Но нет, должно быть иначе. Мы должны любить их очень сильно, именно как самих себя, и это нетрудно; ибо, если бы вы только увидели это, данная заповедь — скорее награда, чем повеление. Повеление кажется тяжёлым, награда же желанна. Кто любит Бога так, как должно Его любить, и так, как он неизбежно должен любить Его, хочет того или нет, и как любят Его все творения, тот должен любить ближнего, как самого себя. Он должен радоваться радостям ближнего, как собственным, столь же желать его чести, как собственной, и относиться к чужому так, словно тот ему дорог. Тогда этот человек будет всегда радостен, всегда полезен и всегда досточтим. Ему будет казаться, что он на небе, и радости у него будет гораздо больше, чем если бы он радовался только собственному благу.

[10] Знай же наверняка: если собственная честь важнее для тебя и дороже чести другого, ты поступаешь неправедно. Знай: если ищешь чего-либо своего, ты ищешь не одного Бога и никогда Его не найдёшь. Ты поступаешь так, словно сделал из Бога свечу, чтобы что-то отыскать, а найдя, выбрасываешь свечу. Поэтому, когда ты так поступаешь, всё, что ты ищешь вместе с Богом, что бы это ни было, — ничто: выгода, награда, усердие или что

угодно. Ты ищешь ничто и потому найдёшь ничто. Нет другой причины, почему ты ничего не находишь, кроме той, что ищешь ничто. Все творения — совершенное ничто. Не имеющее бытия есть ничто. А творения не имеют бытия, потому что имеют его в Боге; если бы Бог на мгновение отвернулся, они перестали бы существовать. Желающий иметь с Богом весь мир имел бы не больше, чем если бы обладал одним Богом. Все творения без Бога имеют не больше, чем человек, у которого без Него есть одна лепта или совсем ничего: ни больше ни меньше.

11 Прошу вас, послушайте истинное изречение. Человек мог бы дать тысячу марок на строительство церквей и монастырей, и это был бы великий дар; но тот, кто ни во что не ставит тысячу марок, сделал больше и дал больше. Когда Бог создал все творения, они были столь низки и ничтожны, что Он не мог жить и действовать в них. Тогда Он создал человеческую душу, подобную и созвучную Себе, чтобы дать ей Самого Себя; ибо всё прочее, что Он давал человеку, тот ни во что ставил. Бог должен дать мне Себя как моё собственное, таким, каков Он в Себе; иначе я ничего не имею и ни о чём не забочусь. Желающий принять Бога в полной мере должен всецело отдать себя Богу; должен выйти из себя. Он получит от Бога то же: всё, что Бог имеет, станет его собственным, как им владеет Сам Бог и как Он дал это нашей Владычице и всем пребывающим на небе. Так вышедшие из себя и отдавшие себя также все одинаково получат всё во всём — и никак не меньше.

12 Знай: сами по себе мы ничего не имеем, ибо этот и все остальные дары — свыше. Поэтому желающий получить свыше непременно должен поставить себя внизу, в

истинном смирении. И знай наверняка: если он что-нибудь оставит вне этого, так что не всё окажется внизу, то ничего не будет иметь и ничего не получит. Полагаешься ли ты на себя, на что-либо или на кого-либо другого? Ты не внизу и ничего не получишь. Но если ты поставил себя внизу, то получишь всё в полноте. Природа Бога — давать; Он живёт и действует, чтобы давать нам, когда мы смиренны. Если мы не смиренны, а всё же хотим получить, мы совершаем над Ним насилие и, так сказать, убиваем Его; хотя, быть может, и не желаем этого, но делаем это, насколько от нас зависит. Чтобы истинно отдать Ему всё, позаботься о том, чтобы в глубоком смирении повергнуться к ногам Бога и ниже всех сотворённых существ; чтобы возвысить Бога в своём сердце и исповедать Его. Господь Бог наш послал в мир Своего Единородного Сына. В полноту времён Бог послал Сына ради наших душ, чтобы мы исполнились Им. Когда душа свободна от места и времени, Отец посылает в эту душу Сына, чтобы Он родился в ней. Ничто не может препятствовать Богу в нас или нам в Боге, если сердцем мы не держимся за время и место, не прилепляемся к ним и не возвышаем себя над временем и местом в Вечности, которая есть Сам Бог. Аминь.

Проповедь VI. На праздник святой девы Агнессы

[1] Как приобрести и сохранить внешнюю чистоту тела и внутреннее целомудрие ума. В особенности — как хранить чистоту ума вопреки внешним нападениям человеческой любви и воображения; и о том, что ни один человек, сколь бы духовен он ни был, пока пребывает здесь в теле, не может быть уверен, будто его немощная природа совершенно умерщвлена и он уже никогда не будет искушаем нечистотой. О трёх сетях, расставленных для духовных людей, в которые они могут попасть и от которых должны беречься, как бы совершенны ни были.

[2] *Virgo cogitat, quae Domini sunt, ut sit sancta et corpore et spiritu.*

[3] «Девица заботится о Господнем, чтобы быть святой и телом и духом». [38]

[4] Девица, говорит святой Павел, думает и размышляет о Господнем, чтобы быть святой телом и душой. Девицам нужны четыре вещи, чтобы быть чистыми телом и чистыми духом. К телесной чистоте относятся незапятнанность плоти и умеренность во всём необходимом для тела: в еде и питье, во сне и бодрствовании. Девица должна воздерживаться от разговоров, быть скромной во всех поступках, избегать распущенного общества и увеселений, быть смиренной и простой в повседневной жизни, трудолюбивой в добром и подобающем деле, в покаянных подвигах и тому подобном, ибо всё это способствует внешнему целомудрию. Кто иным путём стремится усовершенствовать или сохранить своё целомудрие, тот

обнаружит, что обманулся, ибо видимое должно быть преодолено видимым; иначе нечистота плоти одолеет чистоту духа. Ясно, что пытающийся укротить плоть плотью немного достигнет. Но не будем больше говорить об этом, а скажем немного о целомудрии духа: как его можно утратить и как сохранить. Это полезный предмет, который всем духовно настроенным людям следует обдумать и помнить.

5 Чистота духа состоит в незапятнанной, чистой и смиренной совести, ибо смиренная совесть есть чистый ум и чистое сердце. Чистый ум приобретается упражнением в Священном Писании. Из него исходят святые размышления, наполняющие человеческое сердце, и тем скорее оно освобождается от всех суетных и злых помыслов. Будь уверен и нисколько не сомневайся: человек, посвятивший себя усердному изучению Священного Писания, будет сохранён и ограждён от грубейших искушений нечистотой. На это указывает святой Иероним: «Полюбите исследовать Писание, и тогда не будете заботиться о похотях плоти и услаждаться ими». Чистое же сердце приобретается изгнанием всякого желания тварного, особенно человека; ибо доброе и святое сердце так легко огорчается и смущается неумеренной любовью к человеку, что часто требуется долгое время, чтобы изгнать любовь, вошедшую в одно мгновение. Поэтому, если человек не избегает причин, питающих плоть, он не может продвинуться дальше и непременно получит рану, которая причинит ему скорбь. Здесь человек ранимее всего из-за своей природной близорукости, настолько глубоко укоренённой в неумеренном желании, что она займёт его на все дни жизни; хотя многие, не сознавая этого, смелы и радостны, словно победили во всех сражениях и всё преодолели.

[6] Дорогие дети, хотя бы вы победили в тысяче битв и одержали верх, не полагайтесь на это: пока тело и душа соединены, никому на земле не обеспечена свобода. То, чего не случается за сто лет, часто приходит в одно мгновение; так многие добрые и чистые люди были искушены и совращены столь неожиданно, что едва понимали, как это произошло. Не то чтобы такие люди непременно осквернялись внешними делами или впадали в открытые плотские грехи, хотя иногда случается и это; но их преследует очарование злого желания, опасной, преходящей и плотской любви, которая помрачает их разумение, суждение и прежнее усердие. Они низвергаются в ад мучения и презрения и чувствуют угрызения совести. Так человеку кажется, что он идёт к вратам ада и внешней тьмы, подобно тому, кого собираются убить и кто от великого страха и ужаса смерти теряет чувства и разум. Это происходит от недостатка бдительности; но порой устраивается и Богом, чтобы человек утвердился в истинном смирении, научился познавать собственную немощь и мог сочувствовать другим людям в их немощах. Особенно это относится к тем, кто подвергает себя скорбям, чтобы преодолеть и умертвить внутреннего, рассуждающего и праведного человека, ибо жаждет достичь совершенной нищеты духа. Им более всех людей необходимо беречь себя в присутствии тех, кто на них не похож. Ибо Искуситель, никогда не отдыхающий, не забывает своей хитрости, когда находит удобный случай. Если такие люди усердно стараются вполне уничтожить внутреннего человека и ходить во всей простоте сердца, они будут прилагать силы к преодолению всех внутренних смятений, чтобы во всём без жалоб и сопротивления подчиняться Богу, когда и как Ему угодно. Они не

должны добиваться своего в Его деле, но желать исполнения Его воли, не выбирая ничего со своей стороны. Смотрите: этим путём человек достигает такой простоты сердца и такого мира — внешне, внутренне и в самой своей природе, — что едва замечает в себе какое-либо сопротивление. Он не сознаёт ни стыда, ни бремени виновной совести; образно говоря, кажется, будто он вернулся к первоначальному неведению и невинности и уподобился малому ребёнку, без стыда следующему велениям природы. Но так же и ребёнок мог бы естественно идти своим путём и расти по природе, не заботясь и не стараясь укротить необузданные страсти. Тогда его страсти становились бы всё сильнее, а с ростом разумения и желания возрастал бы и грех. Подобное может случиться и с чистым, духовно настроенным человеком, как бы детски невинен он ни был, если он долго жил в уединении и, казалось, так победил внешнюю, низшую природу, что почти никогда не сознавал искушения ни во сне, ни наяву; а если бы возник случай или его побуждали к этому, он не находил бы в том удовольствия и воображал бы, что легко выдержит все нападения и искушения. Да, ему даже казалось бы, что в подобных вещах для него не больше притягательности или удовольствия, чем для мёртвого: в зрении, слухе, речи и во всём прочем, что возможно. Смотрите: природа кажется совсем мёртвой, но никому — ни мужчинам, ни женщинам — не следует на это полагаться, какими бы уверенными в себе и довольными своим состоянием они ни были. Как бы совершенен и свят ни был человек в действительности, каким бы мёртвым ни казался для всего этого, если он не станет бежать от искушений, его сердце непременно будет ранено чувственными

желаниями, взволновано и искушаемо дружеской любовью, более сильной к одному, чем к другому.

7 Заметьте же, дорогие дети, как это происходит и как постепенно человек попадает в такие сети. Сперва он любит людей за их благодатность, благочестие и духовность; этого вполне достаточно сердцу, всё кажется духовным и принимается с великой благодарностью Богу и этим людям. Если человек не продолжает стараться отгонять эти чувства, вкрадывается желание внешне проявить к этим людям немного доброты из чистого дружелюбия. Он выказывает им внимание приятными словами и жестами, смехом и поклонами, прикасаясь к их одежде, беря за руку или обнимая, склоняя перед ними голову и многими подобными способами. Всё это признаки естественной человеческой любви, показывающие, что сердце ранено неупорядоченной любовью. Если человек не станет её избегать, он может быть ранен ещё глубже; дело может дойти до того, что духовное удовольствие обратится в плотское, и человек, запутавшийся в этой сети диавола и плотских желаний, не сможет легко выйти из неё без великого вреда и опасности греха в сердце. Да, дело может дойти до того, что он будет заигрывать с таким удовольствием, пока наконец не согласится на него; а это было бы грехом к смерти. И если даже тогда он не осознает этого, то может впасть в тяжкий духовный грех, вовсе не сопротивляясь.

8 Видите, дорогие дети: так добрый человек может впасть во всевозможные грехи, если не воспротивится искушению сразу. Даже достигнув высшего и совершеннейшего состояния добродетели, если он не бежит от этих грехов, он может подвергнуться из-за них великой опасности, большей, чем когда-либо прежде.

Никогда ещё избегать их не было для него столь необходимо, как теперь; ибо никто не свободен от этих искушений и побуждений, пока в теле есть дыхание. Как бы свят он ни был, ему возможно впасть в грех и подвергнуть опасности своё спасение, если он не бодрствует над собой.

[9] Как указывают нам все учители, для духовных людей расставлены три сети, в которые они могут попасть. Первая — святость человека. Вторая — когда люди принадлежат одной семье и связаны рождением и природой либо родственны, как братья, сёстры и так далее. Третья сеть — собственная святость и долгая привычка к добродетели, из-за которых человек не избегает повода ко греху. Эта плотская привязанность иногда возникает между людьми разного пола, мужчиной и женщиной. Они влюбляются друг в друга и вместе ищут развлечений и рассеяния, расспрашивая друг друга о самочувствии, положении и месте в жизни. Вы увидите: в конце концов это непременно принесёт беду, окончится дурно и вызовет скорбь и тяжесть сердца. Особенно так бывает, когда подобную дружбу заводят люди неравного положения. Никто с доброй совестью не может терпеть этого, ибо отсюда возникают презрение, подозрение, раздражение и разрушение внутреннего духовного мира. Поэтому все, кого необходимость или должность обязывает говорить с людьми иного положения, должны делать это как можно меньше и уходить как можно скорее. Это будет полезно и их собственной совести, и подчинённым или равным им, которые благодаря этому будут меньше раздражены или искушаемы. Итак, желающий уберечься в таком случае или от других грехов должен, как говорит Бонавентура, садиться и говорить открыто, словно желая, чтобы все видели, как он

обращается с такими людьми и что он не более желает вступать с ними в неподобающие отношения, чем с кем-либо другим. Не должен он также настолько привязывать сердце к другому человеку, чтобы тот всецело поглощал его. Никогда не следует внешне быть чрезмерно дружелюбным с кем-либо, особенно с людьми другого пола, ни в добром, ни в духовном общении; но следует вести себя с ними серьёзно и тотчас поспешить прочь, обменявшись лишь краткими словами.

[10] Теперь вы видите, дорогие дети: если даже добрый и благочестивый человек может таким образом впасть в нецеломудрие по названным мною причинам, что будет с теми, кто ни мыслью, ни волей, ни делом не отрывает себя от всех подобных искушений и не готов умереть для всякой избыточности, удовольствия, изнеженности, привередливости, необузданного веселья и всех прочих явных причин греха? О, если даже добрый человек так искушается нечистотой, что будет с человеком медлительным, своевольным, привередливым, ленивым и праздным, тупым и мёртвым ко всему духовному? Не станет ли он упиваться этим и развращаться? Это известно лишь Господу Богу, испытывающему внутренности и сердца. Да помилует Бог нас, бедных грешников, и сохранит от этих мучительных сетей нецеломудрия, чтобы мы оказались пред Ним чистыми и незапятнанными телом и душой, чистыми совестью, свободными от всех суетных помыслов и злых желаний, покоящимися не в творении, а только в Боге и любящими Его одного превыше всего. Да поможет нам Бог в этом. Аминь.

Проповедь VII. На Сретение — праздник Пресвятой Девы

[1] Как мы можем ночью и днём приносить себя Богу в святом подвиге: в молитве, размышлении, созерцании Бога, благодарении и хвале, следуя тем самым примеру блаженной Матери Божией.

[2] *Ecce ego mitto angelum meum ante faciem meam.*

[3] «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь пред лицом Моим. И внезапно придёт в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел Завета, Которого вы желаете». [39]

[4] Сегодня мы вспоминаем, как Господь, Которому принадлежит всё время и Которым дан Закон, подчинился времени и закону и принёс Себя за нас в храме Своего Небесного Отца. Ему не требовалось освящение, как всякому другому первородному сыну, ибо все святые времена и праздники, места и храмы освящаются Им. Не нуждалась и Его блаженная Матерь в очищении, как прочие женщины: она была ограждена от всякого греха и действием Святого Духа зачала и родила Сына Божия, оставаясь всегда Девой и украшенной всякой чистотой. Её чистота была гораздо выше чистоты всех Ангелов, ибо вне Бога невозможно представить большей чистоты. И всё же она также подчинилась строгому закону и руками священника принесла Небесному Отцу своё дорогое Дитя, а себя, не Сына, — как живую жертву и во славу Божию ради спасения всех людей.

[5] Этим мы научаемся во всякое время сдерживать себя и погружаться в глубокое смирение, как те, кто ничего не

имеет и ничего не может сам по себе, кроме зла; и во внутренних храмах наших душ приносить себя, собственную волю и всё, чем обладаем и что мы есть, в полной преданности Богу во всякое время, с Сыном в Отце, как вечную жертву хвалы. Всё, что имеет Отец, Он даёт Сыну; столь дорог Сын, что Отец любит только Сына, а тех, кого находит соединёнными с Сыном, любит в Сыне. Поэтому мы должны напрячь все силы души и принести их Отцу в Сыне, чтобы Он возлюбил их в Сыне, по совершенному образцу Марии, Пресвятой Девы и Матери Божией. Сегодня я расскажу вам кое-что о ней: как мы можем подражать её святой жизни, ибо она была исполнена благодати и добродетели и была зеркалом и точным отражением всякой святости.

6 Эта кроткая Дева провела всю жизнь в такой совершенной любви к Богу, во внутреннем храме своего сердца, что никогда не любила никакого творения помимо Бога. Ни один образ не приходил ей на ум, становясь между нею и её любовью к Богу. Её любовь к Богу была нераздельна, и все творения она любила в Нём. Всеми своими силами она беседовала с собой в глубинах сердца, где был сокрыт Божественный Образ; там, в самом внутреннем храме души, она обитала, обращала все силы внутрь и молилась там единому Богу в духе и истине. Она исповедовала, что не может достойно восхвалить Бога, и потому желала, чтобы Он Сам восхвалял и величал Себя в ней. Из самой глубины сердца она была столь сообразна Богу, что, если бы кто мог заглянуть в него, увидел бы Бога во всей Его славе и действительно увидел бы происхождение Сына и Святого Духа; ибо её сердце никогда не отворачивалось от Бога.

[7] Рассказать ли вам теперь что-нибудь о молитвенных упражнениях этой Святой Девы? Но они столь божественны и сверхчеловечны, столь высоки и неисследимы, что превосходят разумение людей и Ангелов. О меньших же её молитвенных делах знайте: она всегда вставала в полночь и с таким восхищенным благоговением возносила сердце к Небесному Отцу, что оно проходило сквозь небо и покоилось лишь в Сердце Отца; так она стояла, погружённая в молитву, до рассвета. О, как блажен тот, кого она приобщает своим кротким молитвам и за кого с особой материнской любовью ходатайствует перед Сыном!

[8] Знайте: она сознавала, что Бог возлюбил и одарил её превыше всех творений. Поэтому, встав в полночь, она смиренно преклоняла колени и благодарила Бога за богатые щедроты, излитые на неё. Затем в молитве приносила Богу себя и всё, что имела, отдаваясь Его кроткому хранению, чтобы Он начал и совершил Свою волю в ней и во всём, что ей принадлежало. В-третьих, она молилась за всех членов Святой Церкви, чтобы всё в ней было устроено наилучшим образом, со всякой подобающей Богу честью; и за всех грешников, чтобы они истинно обратились ко спасению. Затем в своей молитве она обращалась ко всем бедным душам в чистилище, которых особенно любила, и умоляла Бога освободить их. В-четвёртых, она беседовала с Богом, как дитя с отцом или возлюбленная с любимым; и тогда часто очами веры видела Божественное Существо без покрова, во всей Его славе и красоте, а Бог говорил с нею как со Своей дорогой и избранной невестой. В-пятых, она начинала славить Бога в молитве столь живой хвалой, словно та исходила из божественного цветущего сада, возделанного Богом. Её хвала была слаще, чище и угоднее Богу, чем хвала

утренних звёзд и сынов Божиих, когда Он создал небо и землю. В-шестых, в молитве она погружалась в собственное ничтожество и исповедовала, что не может ни поклониться великому Богу, ни восхвалить Его достойно; она желала от Него, чтобы Он был возвеличен в ней. Тогда она позволяла всем своим силам опуститься в самые низкие глубины, откуда только и принимает вечный Бог молитву и хвалу, которые любит более всего.

9 Знайте также: когда она так молилась, то отводила ум от всего внешнего, от всех форм и образов и оставалась так, всецело собранная умом. Затем размышляла о величии и славе Господа, с Которым желала беседовать, хотя в собственных глазах была недостойным творением. После этого повергала себя к ногам славного Бога и молилась в глубоком смирении, искренней и горячей любви и желании, с сердечным доверием к беспредельной Божией любви, чтобы Он услышал её не по её воле, но по Своей. Она продолжала молитву от полуночи до рассвета, а с рассвета до первого часа посвящала себя святым размышлениям лучше, чем когда-либо делало какое-либо творение. Прежде всего размышляла о величии и всемогуществе великого Бога, Которого исповедовала превыше всех Ангелов; затем в глубоком смирении погружалась в собственную малость. Во-вторых, размышляла о таинственных и неисследимых судах Божиих и о Его мудрости, сокрытой от всех творений. В-третьих, о бездонной благости Бога в Его вечной любви — любящем источнике всего доброго и благодатного. В-четвёртых, размышляла о преизбыточествующей сладости Бога, от Которого получила столько сладости; ибо, если бы Святой Дух не осенил её, её божественное сердце должно было бы разорваться от любви. В-пятых, со слезами на глазах размышляла о смирении своего

Дитяти, Который уничижил Себя и прошёл путь уничижения столь полно, что смириться ещё более было Ему невозможно.

10 В-шестых, она размышляла о страданиях своего Дитяти, об их величии и многообразии; делала это с великим состраданием, ибо такое размышление словно меч пронзало её девственное сердце и душу. Поэтому и награда её была мученической, как у всякого другого мученика. Затем она размышляла о страданиях Дитяти, желая подражать Ему: вспоминала, как во всякое время её Дитя терпело презрение и страдало, и потому всю свою жизнь посвящала страданию и перенесению притеснений. Она так всецело покорилась, что никогда не молилась Богу о сокращении или облегчении страданий. Всю жизнь она провела в страдании и до конца несла его с добровольной покорностью, готовая страдать даже всю вечность, если бы такова была Божия воля. Потом вновь размышляла о страданиях своего Дитяти: как Он переносил их с великим терпением, без ропота, радуясь духом по Своей пламенной любви и жажде нас. Так и она несла своё страдание без ропота, с пламенной любовью и радостью.

11 В первый час она шла в Храм, со склонёнными глазами становилась в углу и оставалась там до полудня. Умом простираясь в вечность, она размышляла о заповедях и речах Господа; тогда её душа возносилась, словно в божественном видении, выше всякого познания, и дух её преображался превыше всех сил. Её память излучала чистый свет и оставалась в единстве духа выше всех плотских внушений. Ум её был пронизан ясностью, так что она с рассуждением понимала и различала все добродетели, пути, подвиги и тайны Писания. Её воля

пламенела горячим огнём в безмолвной любви, проходя за пределы всех сотворённых вещей. В этом возвышенном состоянии она пребывала выше всякой мудрости и всякого суждения. Здесь она в безмолвии принимала излияние Божественной любви, дух её погружался в невещественный Источник без какого-либо действия собственной силы. Здесь, превыше всего, она покоилась в Боге и, окружённая неизмеримой Любовью, теряла себя во мраке Божества. Без всякого посредства она соединялась с Богом и становилась одним духом с Ним, превыше всех сотворённых даров, благодатей и светов, в одном-единственном свете, непрестанно обновлявшемся в глубинах её сердца, в высочайшем возвышении духа. В этом она имела некоторое представление о будущем блаженстве и любила Бога вечной, несотворённой любовью. Все сотворённые дары, добродетели, дела и подвиги, всё принадлежащее творению, должны были здесь оставаться снаружи, ибо здесь она преображалась Божественным сиянием превыше всякого чувства и воображения. Она видела вечные светы и зрелища, как они созерцаются в вечности, с неизреченной, божественной радостью и услаждением. Знайте: если бы все наслаждения и радости мира были слиты воедино, они оказались бы одной горечью в сравнении с малейшей Божественной радостью из тех, которые когда-либо получала Матерь Божия.

[12] Знайте же: блаженная Дева обладала одной благодатью превыше всех остальных людей. На какую бы высоту она ни была восхищена и приведена в исступление, созерцая Бога в свете Божием, она тем не менее видела всё остальное и заботилась об этом. Поэтому могла устроять и внешнюю жизнь в спокойном и святом поведении, не нарушая внутренней: её высшие силы непосредственно

общались со своим Источником и были соединены с Ним, так что низшие повиновались высшим, как силы Адама в раю. Эта благодать была у неё потому, что она никогда не наследовала первородного греха: её Дитя сохранило её от него, и ни на одно мгновение она не была чадом гнева или нечистым сосудом под властью диавола, как остальное человечество. Вечная Премудрость предупредила это и не допустила такого осквернения избранного Храма. Поэтому во время внутреннего созерцания и погружения в Бога она могла внешними ушами усердно, благоговейно и с глубоким сердечным смирением слушать богослужение; это не затрудняло её, но было для неё в то время приятнее и желаннее всего. Когда же около полудня она возвращалась домой, Ангелы часто питали её.

13 После полудня, если день не был праздничным, она до вечерни трудилась своими благословенными руками, делая всё, как бы мало оно ни было, с особым намерением прославить Бога. Если же день был праздничным, то, восхвалив Бога, она шла слушать Слово Божие и внимала ему с великим смирением, как бы просто оно ни было произнесено и хотя сама понимала его лучше. Она усердно запечатлевала его в своём чистом сердце, искренне желая испытать и малейшее, и величайшее. Когда Слово Божие не проповедовалось, она сама говорила или слушала других, говоривших о Боге и о Божественной жизни, либо читала Писание до вечерни. Затем пела псалмы и совершала молитвы до повечерия.

14 Когда наступала ночь, она беседовала с собой в святом размышлении, размышляя о совершенной Жизни своего Дитяти и Господа и об этом сладостном учении; её сердце наполнялось радостной, вечной сладостью. После этого

на коленях благодарила Бога за то, что Он столь милостиво призрел на неё в этот и во всякий день; затем в кротости и благодарности блаженная Дева Мария ложилась отдыхать. Сонмы Ангелов окружали её святое ложе, чтобы никакие злые духи не тревожили её; поэтому у неё не было ни суетных грёз, ни злых сновидений, ни какого-либо иного видения, кроме даруемого Самим Богом, ибо Святая Троица всегда была её защитой и щитом. Блаженная Дева никогда не ложилась, не посвятив прежде всем сердцем свой сон славе Божией; и, так соединившись с Богом, она склоняла благословенную голову на грудь Небесного Отца и покоилась в мире. В полночь она вновь начинала проводить день, как прежде, во всей святости и добродетели.

[15] Эта часть её святой жизни представлена словно в зеркале, чтобы мы поставили её перед собой как пример и, следуя ему, также оставались верны Богу и, по мере сил, всецело приносили себя во внутренних храмах наших душ. Но, чтобы быть способными к этому, мы должны непрестанно призывать Бога, прося Его Божественной благодати и помощи, а также Его дорогую Матерь, которой должны хотя бы раз в день воздавать особое почитание и служение. Тогда она, со своей стороны, верно поможет нам в нужде, особенно в последнем испытании, ибо она — Матерь милосердия и не может отвергнуть ни одного грешника, желающего её помощи. Поэтому святой Бернард говорит: «О твоём милосердии, блаженная Дева, может молчать лишь тот, кто призвал тебя в своей скорби и был тобою оставлен. Мы, недостойные твои слуги, радуемся с тобою о прочих твоих добродетелях, но об этой добродетели радуемся ради себя. Мы хвалим твоё девство, дивимся твоему смирению, но ещё охотнее обнимаем твоё милосердие; чем чаще

думаем о нём, тем чаще к нему прибегаем. Ты поддерживаешь нас и не оставляешь несчастного грешника, пока не увидишь, что страшный Судия умилостивлен». Да будем так чтить эту блаженную Деву и её Дитя и следовать им, чтобы обрести с ними удел в вечности. Да поможет нам Бог в этом. Аминь.

Проповедь VIII. На праздник святой Агаты или святых дев

[1] О том, что необходимо истинной деве, чтобы быть угодной Богу, ради Которого она презрела царство мира; о том, что можно воспеть о всякой святой деве.

[2] *Regnum mundi, et omnem ornatum saecus contempsi, propter*

[3] amorem Domini mei, Jesu Christi. [40]

[4] «Царство этого мира и все мирские украшения я презрела ради любви к моему Учителю Иисусу Христу».

[5] Эти слова Святая Церковь поёт от лица всякой духовной невесты Христовой, отдавшей себя Ему, чтобы всегда верно исполнять Его волю и служить Ему. Заметьте же, дорогие дети, какими качествами должна обладать такая невеста и дева Божия, желающая быть угодной и благоугодной Богу, чтобы наконец Он обручил её Себе навеки: тогда её душа будет столь всецело соединена с Ним, что во всю вечность уже никогда не разлучится с Ним, ни Он с нею.

[6] Первое качество: дева не может угодить Богу, если не презирает царство этого мира и всю его пышность. Она должна усердно беречься гордости, тщеславия, желания внешне нравиться людям — своим видом, украшением одежд или какими-либо преходящими вещами. Всё это она должна оставить ради Бога; не только относящееся к телу, но и к уму: духовный мир и все его украшения, состоящие в гордости, тщеславии, благовидной внешности и духовных словах, исходящих из мирского сердца; в чрезмерной сердечной радости о духовных

дарах или добродетелях, в довольстве собственной добротой. Всё это происходит с девами Христовыми столь разнообразными путями, что нелегко рассказать, как Враг осмеливается обманывать эти чистые сердца.

7 Второе качество: она должна усердно остерегаться мирских обычаев и поведения, всех вредных привычек — внешних и внутренних. Она не должна быть гордой сердцем или надменной в обращении с другими людьми; не должна хвалиться или высоко ставить себя за мудрость и благоразумие, не должна стараться защищать себя, когда её презирают или притесняют. Но скромными и кроткими словами и поведением, во всяком смирении она должна стремиться признавать и исправлять свои недостатки.

8 Третье качество: недостаточно знать, что ей предстоит страдать; она должна также всецело покориться всему, что досаждает ей и приносит скорбь. Она должна терпеливо помогать труду в Божием винограднике, в чистой глубине смиренного сердца, где обитает один Бог; ибо Бог обитает лишь в сердце девы, которая из глубины сердца смиренно поставляет себя ниже Бога и всех людей, а если нужно — даже до смерти. Этим полным самоумалением человек может обрести и получить от Бога всё необходимое и даже больше: Бог выходит ему навстречу со всей Своей благодатью и возвышает его всеми почестями, которыми почтил Своих святых.

9 Четвёртое качество. Доброй деве необходимо в этой жизни быть наказуемой, презираемой, отвергаемой, терпеть дурное обращение и укоры, как хананеянка претерпела от Христа. Так Он и ныне поступает со всеми Своими избранными, особенно дорогими Ему, на которых желает излить особую благодать. Внутренне Он будет

строго вразумлять их и сурово обращаться с ними; внешне также устроит, чтобы каждый попирал их, чтобы люди злословили о них и чтобы перед собственными глазами они были подвергнуты презрению посредством злонамеренной лжи. Тогда дева Христова всецело презрит себя, подавит себя в истинном смирении и возрадуется этому ради Бога, считая себя недостойной всех этих страданий и благодаря Бога за то, что Он так особенно одарил её как Свою.

10 Пятое качество. Такой деве подобает не только быть презираемой здесь людьми, но и самой презирать себя, терпеливо переносить всё происходящее с нею, скрывая это в сердце и никому не жалуясь. Мы часто видим дев, готовых на словах уничижать себя перед людьми, говоря: «Все мы грешницы», — которые, однако, очень обиделись бы, если бы это сказал о них кто-нибудь другой; так мы обнаруживаем, что всё это гордость. Деву, не смиренную сердцем, можно узнать, когда с ней случается что-либо неприятное, хотя бы одно слово: она тотчас негодует, обижается на сказанное и немедленно начинает оправдываться. Она не терпит, чтобы кто-нибудь сказал нечто оскорбляющее её честь или способное навлечь на неё презрение; и всё же хочет считаться смиренной. Нет, дорогое дитя: всё презрение и осмеяние, которые человек готов излить на себя, не имеют истинного основания в смирении. Но когда его презирает и осмеивает другой, равный ему, а тем более стоящий ниже, это ранит его до глубины души; тогда человек узнаёт, насколько мало в нём истинного смирения и терпения.

11 Шестое качество. Добрая дева никогда не растрачивает время из-за нерадения или беспечности; сердце её исполнено желания и благоговения, и она размышляет о

Страданиях своего возлюбленного Господа Иисуса и Его Пяти Ранах. Она не знает ничего лучшего, что могла бы делать, ибо ничто не может быть полезнее ей, чем проводить время в размышлении о Жизни и Страданиях Господа, ради Которого она оставила всё. Всем добрым девам свойственно всю жизнь проводить в труде, внешнем и внутреннем, во славу Божию, молиться о спасении всех людей и приносить себя за немощи простого народа, злых и добрых. Если же дева Христова оставлена самой себе, если отнята у неё вся любовь и преданность Богу, но она, столь обнажённая, бедная и несчастная, всё же служит Богу, тогда Бог прославляется ею и находит в ней особую отраду.

12 Седьмое качество. Во всех своих занятиях она должна взирать на Бога и думать лишь о Нём, быть безразличной ко всему внешнему, делать должное так, словно ничего не делает, а на все действительные скорби смотреть так, словно они её не касаются. Такая раба Господня желает терпеть стыд и осмеяние от всех людей во славу Божию и не желает ни власти, ни чести. Она не может освободить себя ни от чего, ибо ею руководит Святой Дух. Порой такие люди вынуждены занимать место выше других, но тогда делают это с великой учтивостью и великим смирением, исполняя сказанное Христом: «Больший из вас да будет как служащий».

13 Восьмое качество. Эта дева Христова должна бороться со всеми земными, преходящими вещами, почестями и желаниями. Как только эти желания начнут ослабевать в её сердце, на неё нападёт духовная гордость, то есть самодовольство и желание временных почестей, которое по-настоящему может изгнать лишь Бог. Ибо, как бы свят ни был человек, ему придётся бороться до конца, прежде

всего с духовной гордостью. Хотя в этих истинно смиренных девах ни гордость, ни любостяжание, ни ненависть не находят пристанища, всё же временами они сильно искушаются праздностью, влечением к пище и нечистыми мыслями, которые возникают из их природы и являются ещё не преодолёнными искушениями плоти; и такое искушение весьма полезно им. Ибо эти любящие Бога заботятся лишь о страдании, стыде и всём болезненном, внешнем и внутреннем, ради любви Христовой, и ищут только созерцания Бога и внутреннего услаждения, находя в этом больше радости и удовлетворения, чем во всех вечных утешениях, какие могли бы дать им все сотворённые вещи. Поэтому никакое искушение не может повредить им; никакой толчок ко греху, исходящий из низших побуждений, не поколеблет их, ибо их воля и желание состоят в том, чтобы всегда иметь что-либо для страдания и в истинном смирении оказаться благоугодными Богу, Который их любит. Да поможет нам Бог так сохранить это состояние девства. Аминь.

Проповедь IX. На Благовещение Пресвятой Девы

[1] Как мы должны общаться с Богом и предавать себя Ему, чтобы зачать Бога и носить Его в нашем духе, душе и теле по примеру блаженной Матери Божией.

[2] *Ave, gratia plena, Dominus tecum, Benedicta tu in mulieribus.*

[3] «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». [41]

[4] Этот праздник исполнен великого достоинства и являет вечную пламенную любовь, по которой Бог богов и Господь господствующих, Сын Божий, сжалился над нами, бедными грешными и проклятыми головнями ада. Пребывая в Божественной славе, Он, как говорит святой Павел, «не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной».[14] Никто не может достаточно сказать об этой любви, достаточно восхвалить Бога или возблагодарить Его за неё; ибо превосходит разумение людей и Ангелов то, что наш Господь, наш Бог и Верховный Судия стал нашим Отцом, Братом и Супругом. Он принял на Себя нашу вину и осуждение, искупил нас Своей горькой Смертью, сделал чадами вечной жизни и возвратил нам первоначальную славу. Да, и более того: мы стали подобны Ангелам, теперь обладаем большей праведностью и более близким родством с Богом, чем Архангелы.

5 О благость Божия! Кто может так противиться этой великой любви, чтобы не любить и не славить Тебя всеми своими силами? Дело нашего искупления делает Тебя дороже нам всего. Это дело не имеет подобного: безграничное смирение, незаслуженная благодать, дар без воздаяния. Оно требует нашей любви, кротко привлекает нашу волю и крепко и праведно соединяет с Тобою наши желания. Но что можем мы дать Тебе, дорогой Господи Иисусе, в ответ на всю великую благость, явленную нам? Хотя я погубил душу, которую Ты дал мне при сотворении, Ты возвратил её мне через искупление; так что я вдвойне обязан Тебе и должен вновь всецело отдать её Тебе. Но чем могу воздать Тебе, дорогой Господи Иисусе, за то, что Ты отдал Свою Душу за мою? Даже если бы я мог тысячу раз вновь отдать Тебе свою душу, разве стал бы я тем сколько-нибудь более подобен моему Господу, отдавшему Себя за меня даже до смерти?

6 Дорогие дети, мы никогда не сможем воздать за эту великую любовь; но должны сделать всё, что в наших силах, и со своей стороны возвратить Ему всё, что мы есть, всё, что имеем, и всё, что можем сделать, подобно Его дорогой Матери, блаженной Деве, которая исполнила это с величайшей верностью и совершенством. Я расскажу вам об этом образно, чтобы и вы могли стать матерями нашего Господа в духе и предать себя Богу, чтобы Он был зачат и родился в ваших душах.

7 Узнайте же, как была приготовлена блаженная Дева к зачатию Сына Божия, хотя её святость не может быть вполне постигнута даже ангельским разумением. Согласно значению букв её имени, Мария, она была вознесена тремя высшими силами души к Богу, стала одним духом с Богом и была научаема Им: ибо предала

себя как пригодное орудие Его дорогой воле в горячей любви к Его славе. Она была нищей духом и всегда пребывала в Боге с глубоким смирением и самоумалением; у неё не было ни собственных желаний, ни воли, и она была столь недеятельна, словно не была сотворена. Так Богу открылся вход в её дух, душу и тело. Она была чиста духом, ибо никогда с услаждением не прилеплялась к дарам Божиим и не пользовалась ими для собственного удовольствия. Она была чиста душой, ибо никогда не услаждалась никаким творением, но душа её была украшена всеми добродетелями. Она была чиста сердцем и телом, ибо никогда не была побуждаема ко греху и тем была подобна светлым, сияющим Ангелам. Хотя она была прекраснейшей из женщин, никто не мог смотреть на неё со злыми желаниями благодаря её ангельской чистоте. Она была пламенна духом, ибо её сладостное восхищение и жажда так подвигали Божество, что пламенная любовь Святой Троицы била ключом и изливалась на неё. Она была пламенна душой, ибо все силы её души всегда возносились в хвале Богу. Она была пламенна сердцем, ибо её сердце было открыто Господу и горячими желаниями проникало в непостижимые глубины Божества: там она находила то, что любила более всего. Своей внутренней сладостью она была благоугодна Всемогущему, любовью прилепляясь к вечной Благости, чтобы Он наполнил её всем и дал ей власть над всем Своим; ибо жила она не для себя, а для Него одного, Который есть Жизнь всего живущего. От начала до конца всё, что она делала, совершалось в Боге и было исполнено чистого и богоподобного намерения; ибо она во всякое время была соединена с Богом и ни на миг не отворачивалась от Его присутствия. Поэтому образ никакого творения никогда не находился в ней и не имел

к ней доступа: вместе с Ангелами она просто видела всё в Боге и во всякое время находила одного Бога в глубинах и самом существе своей души, в сокровеннейших частях духа. Поэтому она не устремлялась всеми своими силами вовне в поисках величия и многообразия, но всегда просто пребывала вне себя в Боге, а Бог — в ней. Совершеннейшим образом и всеми силами она размышляла об Источнике, из Которого произошла. Нищая, чистая, пламенная и божественная, она была более подобна небесному творению, чем земному; духом она была Небом Божиим, душой — Раем Божиим, телом — Дворцом Божиим; и была исполнена Божественного сияния, так что не нуждалась в посреднике перед Богом.

[8] Далее знайте: Бог пожелал быть зачатым и рождённым этой Святой Девой трояко — в её духе, душе и теле. Одно лишь телесное рождение не сделало бы её столь блаженной, как говорит святой Августин и как подразумевает Сам Господь в Евангелии, отвечая: «Блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его».[15] Поэтому прежде всего она зачала и родила Бога в своём духе: чистотой была благоугодна Богу, смирением приготовила Ему место, любовью понудила Его, так что Он вселился в глубины её духа, в покой, совершенную свободу и безмолвие. Бог соединился с её духом, изрёк ей Своё сокровенное Слово и родил Своего Единственного Сына в её духе с неизреченной любовью и радостью. Это вечное Рождение в Марии и ночная тьма в её духе, где разумение помрачается. Там, где восходит несотворённый свет, никакой сотворённый свет пребывать не может, ибо ночь обращается в день, то есть сотворённый свет души преображается в Свет Вечности. Так Мария предала свой дух несотворённому Бытию Божества, а её душа погрузилась в глубокое смирение.

[9] Тем самым она привлекла в свою душу сладостный поток и свет вечной Премудрости; Отец родил в её душе Своего Единственного Сына и заново образовал её в Себе. Отец потребовал от неё согласия на то, чтобы Его Единственный Сын принял в ней человеческую природу и действием Святого Духа родился от неё телесно. В истинном смирении она устрашилась и со страхом ответила Ему в духе: «Я недостойна; я охотно стала бы служанкой такой матери». Но Бог пожелал, чтобы Матерью стала она сама; тогда она погрузилась в совершенное самоуничижение, и ей было открыто, что она избрана для этого: Бог требует от неё именно этого, а не чего-либо иного. Тогда Святая Троица озарила её сверхъестественным светом и прозрачной ясностью, и лучом или стрелой Божественной любви она была пронзена в самой сокровенной глубине, так что смиренно и с любовью согласилась стать Матерью Божией.

[10] В то же мгновение Ангел Гавриил предстал перед нею и нашёл её вознесённой духом. Он благоговейно приветствовал её, говоря: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою».[16] Она смутилась столь высоким приветствием по своему глубокому смирению, а также потому, что была всецело погружена в Бога. Когда же произнесла: «Се, раба Господня»,[17] Святой Дух взял чистейшую кровь её девственного сердца, воспламенённого могучим огнём любви, создал из неё чистое и совершенное малое Тело со всеми его членами и чистую и святую Душу и соединил их вместе. Всё это Лицо Сына Божия, Который есть вечное Слово и Сияние Славы Отца, приняло на Себя и соединило с Собой в единстве Лиц, из истинной любви и милосердия ради нашего спасения. Так «Слово стало плотью и обитало с нами».

11 Это третье рождение, совершившееся в девственном теле Марии без ущерба для её девственной чистоты. Так она стала Дочерью Отца, Матерью Сына, Невестой Святого Духа, Царицей Небесной, Владычицей мира и всех творений, Матерью всех людей, желающих её помощи, Храмом Божиим, в котором Бог пребывал, как Жених в Своём чертоге, в великом блаженстве. Ибо тело Девы было словно сад, полный благоухающих трав, всяческих добродетелей и благодатных даров. Этими добродетелями она сделала так, что Небо Святой Троицы источает мёд для нас, бедных грешников. Она родила Солнце Праведности, изгнала проклятие Евы и сокрушила голову злого змия. Эта вторая Ева вместе со своим Дитятей восстановила всё, что первая Ева утратила и разрушила, и, сверх того, принесла ещё больше благодати и богатства. Она — та благородная Звезда, взошедшая от Иакова, о которой пророчествует одна из книг Моисея и свет которой должен озарить весь мир. «Поэтому, — говорит Бернард, — во всякой нужде устремляй глаза к этой Звезде, призывай Марию — и не отчаешься; следуй Марии — и не собьёшься с пути. Она поддержит тебя силой своего Дитяти, чтобы ты не упал; защитит, чтобы ты не пал духом; приведёт к своему Дитяти, чтобы ты мог победить». Поистине, у неё есть эта сила, ибо Всемогущий Бог — её Дитя; поистине, она желает этого, ибо милосердна. Кто может сомневаться, что сын почтит мать или что та, в ком обитал Сам Бог, преисполнена любви?

12 Итак, кто желает всё глубже беседовать с собой, находить себя в своём Источнике, в Боге, и сознавать Бога в сердце — сообразном Богу, склоняющемся к Нему и прилепляющемся к Нему, как луч к солнцу, — тот должен подражать образу и светлому зеркалу нашей Владычицы и поступать, как она, внешне и внутренне. Тогда он

сознает в себе её великую помощь и в духе, и в природе. Прежде всего ему следует отвернуться от всего преходящего, собрать силы ума, войти в общение с собой и перейти из себя в Бога, присутствующего внутри него, в самой сокровенной части духа, где находятся три высшие силы души; там он должен соединиться с Богом и стать одним духом с Ним, и там Бог будет действовать в нём. Его память станет плодоносной, разумение преобразится, воля воспламенится и упоится Божественной любовью. Сам Бог станет Пищей его духа, Жизнью души, Хранителем и Стражем тела. Поэтому во всякое время нам следует входить в общение с образом, или глубиной, нашей души, где три её силы едины с Богом, чтобы соединиться с Богом, будучи нищими духом, душой и телом, пламенными и общающимися с Богом всеми силами, чтобы начинать и завершать все дела с чистым намерением прославить Бога; ибо так прежде было написано о блаженной Матери Божией. Так мы должны оставаться пустыми, обнажёнными и мёртвыми для всего окружающего, чтобы все силы нашей души пребывали на назначенном им месте, а воля, желания и намерения во всём повиновались Богу и чтобы Бог действовал с нами по Своей дорогой воле. Тогда Бог вознесёт человека в нём самом выше всех сил в пустыню Божества, его дух глубоко погрузится в Божественное Единение, и всё его существо пропитается Божественным Бытием; так Божественное Рождение без помех и препятствий совершится в нашем духе, в наших душах, а духовно также и в телах — через дары, которые прорываются и изливаются из души и духа в тело.

[13] Чтобы ныне и впоследствии получать благословения через предстательство дорогой Матери Божией, призовём её со святым Бернардом, который говорит: «Через тебя

должны мы обрести вход к твоему Сыну, о блаженная обретшая благодать, носительница жизни, матерь святости, чтобы через тебя принял нас Тот, Кто через тебя был нам дан. Твоя чистота должна снять пред Ним вину нашей нечистоты; твоё смирение, столь угодное Богу, должно испросить прощение нашему тщеславию; твоя преизбыточествующая любовь должна покрыть множество наших грехов. Твоё досточтимое плодоношение приобретает для нас плод твоих заслуг. О избранная Владычица, наша посредница и заступница, вверь нас твоему Сыну, ходатайствуй за нас перед твоим Сыном. Позаботься, о блаженная, по благодати, которую ты обрела, по избранию, которого удостоилась, и по милосердию, которое носила, чтобы Тот, Кто через тебя снизошёл принять на Себя наши болезни и бедствия, также Своим ходатайством удостоил нас участия в Своей славе и блаженстве», — Иисус Христос, Который с Отцом и Святым Духом благословен вовеки. Аминь.

Проповедь X. На Рождество Иоанна Крестителя. Первая проповедь

[1] О духовном рождении Божественной благодати в человеке из основания смирения и признания собственной немощи. Как человек может всё более и более достигать рождения, столь исполненного благодати.

[2] *Johannes est nomen ejus.*

[3] «Иоанн имя ему». [42]

[4] Сегодня мы читаем о рождении святого Иоанна Крестителя и празднуем его. Рождение никакого другого святого не празднуется таким образом, но только рождение этого святого Крестителя Божьего. Имя Иоанн означает человека, пребывающего в состоянии благодати. Это всегда должно предшествовать рождению благодати.

[5] Вчера я говорил о двух видах скорби. Первый заключён в нашей природе и происходит от первого падения человека; второй — скорбь слепоты. Человек с самого начала склонен ко греху; эта склонность укоренена в его природе. Такая скорбь всегда должна быть человеку отвратительна, и ему надлежит всеми силами отвращаться от неё, потому что она ненавистна Богу. Второй вид скорби происходит от первого: это боль и бедствие. Когда такая скорбь постигает человека, он должен принимать её охотно и с благоволением, чтобы в ней следовать примеру нашего Господа, Который на протяжении всей Своей жизни непрестанно переносил великие и тяжкие страдания.

[6] Бог часто попускает людям испытывать скорбь немощи, чтобы в своём падении они лучше познавали себя и учились любить этот путь слепоты в себе и охотно на нём оставаться. Дети, хорошо было бы им решиться оставаться на этом пути. Человек всегда должен учиться уничижать себя на этом блаженнейшем пути слепоты, в болезни, в неделании и небытии. О, если бы кто упражнялся на этом пути и понимал его, подвизаясь лишь в непрестанном презрении к собственному бессилию, — в таком человеке воистину родилась бы благодать Божья! От себя человек ничего не имеет; всё исходит только от Бога, без всякого посредства; всё, великое и малое, приходит от Него, а не от самого человека; ибо человек портит всё доброе, и внешне, и внутренне; и если есть что-нибудь доброе, оно не его. Человек никогда не должен этого забывать; он должен всматриваться в собственное ничтожество и видеть, как склонен ко всякому злу, когда природе предоставляют идти своим путём. Ему надлежит весьма прилежно учиться познавать себя: на каком основании он стоит, каковы его суждения, любовь, усердие; не выросли ли, пожалуй, в его сердце дурные сорняки. Сердце должно быть чистым, открывающим себя только Богу, и не иметь иных помыслов, кроме помыслов о Нём. Также ты должен со всех сторон исследовать своё внешнее поведение, слова и дела, привычки и положение, одежду и своих спутников. Где бы ты ни обнаружил, что в твоей жизни что-либо разладилось, ты должен со скорбью оплакать это перед Богом, признать свою вину и вознести вздох к Богу; и тем самым зло тотчас осуждается. Это внутреннее стенание из глубины сердца весьма полезно и благо. Апостолы испытывали его не из-за своих грехов, а из-за всего зла, ещё остававшегося в человеке; и они непрестанно упражнялись в нём вследствие

многообразных путей, которыми приходили к Богу. Поэтому, когда человеку открываются проблеск и вкус единения (с Богом), в нём рождается внутреннее стенание, выходящее наружу через его внешние чувства. Это воистину жертвенник, стоящий снаружи, перед Святым святых, где Богу приносят козлов и волов. Так и человек приносит свою плоть и кровь Иисусу Христу. Созерцая собственную немощь, человек должен смиряться, повергаться к ногам Божьим, чтобы Бог помиловал его. Он должен надеяться, что Бог оставит его вину; и так из основания смирения рождается Иоанн, то есть благодать: ибо чем ниже мы нисходим, тем выше будем. Святой Бернард говорит: «Все внешние подвиги ни в какое сравнение не идут с теми, которые человек совершает в долине уничижения». В этой долине растут кротость, доброта, спокойствие и терпение; и это воистину верный путь. Кто не ходит этим путём, непременно собьётся с дороги. И сколько бы он ни совершал внешних подвигов, они по существу ничем ему не помогут: ими он гораздо более прогневает Бога, нежели умилостивит Его.

[7] Теперь продолжим Евангелие. Вот часть его. Захария был первосвященником. Он и жена его были бесплодны, и это было для него великим бесчестием. Захария вошёл во Святое святых, а народ оставался снаружи и стоял, пока он совершал священническое служение. Тогда ангел Гавриил стал у жертвенника и возвестил ему, что у него родится дитя, которое должно быть названо Иоанном, что означает: ему дана благодать. Захария не вполне поверил этому, и потому он онемел, пока всё не исполнилось.

[8] Слово «Захария» означает «мышление о Боге», или «памятование о Боге». Этот благочестивый человек, то

есть человек духовный, должен быть священником и входить во Святое святых, тогда как народ остаётся снаружи. Заметьте же, какова его природа, в чём его служение и чей он священник. Служение священника состоит в том, чтобы приносить Единородного Сына Божьего Его Небесному Отцу за народ. Боюсь, и это весьма вероятно, что не все священники совершенны; и если бы некоторые священники представляли христианство в собственном лице, то они скорее препятствовали бы другим и вводили их в заблуждение, чем помогали бы им, и скорее гневили бы Бога, чем умилостивляли Его. Но они исполняют своё священное служение от лица и вместо Святой Католической Церкви; поэтому они совершают его таинственным образом, и в таком виде оно может совершаться только мужчинами. Они, и никто иной, как священнослужители, могут освящать и благословлять священное Тело нашего Господа, поскольку они священники во всём, что относится к их служению, то есть к жертве. В духовном смысле это может делать женщина так же, как мужчина. Если женщина делает это таким образом, она входит во Святое святых, а простой народ остаётся снаружи. Она должна войти одна, собрать свои мысли и беседовать с собственным сердцем; всё относящееся к чувствам она должна оставить снаружи и принести Небесному Отцу Жертву Любви, то есть Его возлюбленного Сына со всеми Его словами, делами, страданиями и святой жизнью, чтобы получить всё желаемое и всё, к чему направлено её намерение. Она должна делать это с глубокой преданностью, включая в своё приношение всех людей: всех бедных грешников, добрых людей и тех, кто заключён в огне чистилища; ибо через это она обретёт великую силу.

[9] Альберт Великий пишет, что обычай первосвященника был таков: «Он входил во Святое святых и брал с собою кровь рыжей телицы и горящий огонь. Войдя, он наносил кровь на все золотые сосуды, складывал в кучу лучшие травы и зажигал их; и от них поднималось, словно туман, сладкое благоухание; тогда приходил Бог и говорил с ним».

[10] Этот первосвященник — внутренний человек, который так входит в сокровеннейшую глубину своей души, неся с собою священную Кровь Господа нашего Иисуса Христа, огонь благоговения и любви и все золотые сосуды, отмеченные этой Кровью, то есть всех получивших благодать Божью, всех, кому ещё предстоит её получить, и бедные души, которые ещё ожидают в чистилище. Все получат утешение и будут вознесены этим священническим служением. Дети, вы не знаете, как это сладостно. Через него и сам человек вознесётся к самому сердцу Отца и к Его отеческой воле; и в Нём будет делать всё угодное Ему во времени и в вечности.

[11] Некоторые говорят: «Если мы будем так внутренне беседовать со своим сердцем, то упустим образ страданий нашего Господа». Нет, дети, вы должны всматриваться в собственные сердца, где только и может истинно родиться благодать; и там жизнь и страдания нашего Господа озарят вас и воссияют вам в сладостной любви и простоте, в едином видении. Вам покажется, будто всё стоит перед вами, но не в своей многосторонности, как если бы я одним взглядом увидел всех вас, а так, словно каждый стоит передо мною отдельно. Это видение будет тебе полезнее, чем если бы ты пять месяцев пребывал в размышлениях, стараясь понять. Во время этого священного священнического служения, когда человек

вошёл один и стоит в молчании, собрав все свои силы, Гавриил, ангел Божий, стоит у жертвенника, где должно совершиться Божественное и святое служение. Гавриил означает Божественную силу, которая будет дана этому священнику, чтобы он мог всё совершить в нашем Господе. Священник складывает травы в кучу и зажигает её; от неё поднимается дым, в котором Бог говорит с ним. Эта куча означает собрание святых добродетелей, таких как смирение, кротость и многие другие подобные им добродетели; ибо жизнь человека, который не имеет добродетелей и не стремится приобрести их ни на низшей, ни на средней, ни на высшей ступени, вся ложна и ничего не стоит. В этом собрании пламенем любви зажигается огонь; поднимаются туман и мрак, в которых твой дух будет восхищен, быть может, на время, потребное для половины молитвы «Радуйся, Мария», и ты лишишься чувств и рассудка. В этом мраке Бог воистину заговорит с тобою, как написано: *Когда всё объяло глубокое молчание,* и так далее. Ибо когда над всем царило молчание и тёмная ночь прошла свой путь, эти слова были посланы свыше с царственного престола. Здесь было произнесено тайное слово, и уши уловили его звук. Здесь было предсказано рождение того, кому предстояло стать великим и чьему рождению должны были радоваться многие. Он должен был родиться от Елизаветы; это означает, что последует Божественное исполнение, ибо так было пророчески возвещено, что совершится это радостное рождение. Но всё это происходило в низших силах души. И вот являются мудрые в собственных глазах, чьи пустые, обнажённые, невозделанные сердца освещены лишь светом природы: у них нет ничего, кроме света природы и того, что к нему относится; он для них словно Бог, а между тем это всего

лишь их природа. Однако в нём больше услады, чем во всех чувственных удовольствиях; и когда они сами действуют так и обладают этими свойствами, то становятся худшими и наиболее вредоносными из людей. Их можно узнать по следующим признакам. Они не ходят путями добродетели и подвижничества, свойственного святой жизни. Они не заботятся об искоренении порока, ибо любят собственную ложную нищету, никогда не испытанную истинной любовью ни изнутри, ни извне, и уже давно расстались даже с её подобием. Тогда приходит дьявол и приманивает их ложной сладостью и ложным светом; так он вводит их в заблуждение, чтобы они погибли навеки. Он увлекает их к тому, к чему находит их наиболее склонными по природе: к нечистоте, любостяжанию или гордости; и они говорят о своих внутренних переживаниях и о свете, который дьявол держит перед ними, словно всё это от Бога, и не позволяют отделить себя от того, что сделали своим. Так, ища того, к чему склонны по природе, они впадают в нечестивое своеволие. Этих людей надо избегать ещё больше, чем врага, ибо, насколько может судить человек, своим внешним видом они так похожи на праведников, что различить их трудно. Но праведники отличаются от них тем, что идут путями добродетели: смирения, страха, покорности и кротости. Они исполнены страха и не смеют позволять себе никакой вольности. Они никогда не полагаются на себя, пребывают во многих недоумениях и затруднениях и жаждут помощи Божьей. Те же, кто считает себя свободным, дерзки, своевольны, сварливы и нетерпеливы; и всякий, кто приблизится к ним, скоро обнаружит, что они исполнены затруднений, горечи, гневных слов и гордости и не терпят ни презрения, ни умаления. О, сколько изумления и плача вызовет то, что

теперь кажется таким прекрасным, в ином мире, где они не смогут повернуться ни в одну, ни в другую сторону, где должны будут гореть вечно! Со всей верностью советую вам беречься этого.

[12] О дорогие дети, обратите взор внутрь, где поистине должно совершиться это рождение, которое вызовет великую радость во всём христианском мире. Теперь вам уже не нужно тревожиться, правы вы или ошибаетесь. Различие ясно поставлено перед вами; рассмотрите лишь, избрали ли вы прямой или кривой путь, вступили ли на него на низшей, средней или высшей ступени. Когда совершается это рождение, радость сердца так велика, что никто не может её выразить. Да сохранит Бог всех, чтобы никто не был введён в заблуждение, увлечён в сторону или отвлечён от пути. Господь наш говорит в Книге любви: «Заклинаю вас сернами и полевыми ланями: не будите возлюбленной Моей, доколе ей не будет угодно».[18] Также им не следует расспрашивать неразумных учителей, способных так сбить с пути, что некоторые могут поддаться искушению, отойти и не возвращаться сорок или пятьдесят лет. Эти люди должны внимать себе, ибо радость эта так велика, что бьёт через край, словно вино, бродящее в бочке. Лучше, чтобы она вырвалась наружу, чем чтобы природа оказалась слишком слаба и кровь хлынула из носа и рта. Но это ещё весьма далеко от высшей ступени и всё ещё остаётся внизу, в чувствах.

[13] Но ангел сказал, что имеющий родиться не должен «пить вина и сикера»; это означает, что человек, в котором должно совершиться это рождение, будет ведом верхним путём, на высшей ступени, ибо ему надлежит быть добрым, лучшим и самым лучшим. Такие люди не

должны пить ничего опьяняющего, подобно тем, о ком мы уже говорили, — опьяневшим от удовольствия, изливаемого для них действительно или в воображении, посредством созерцания или вкушения; напротив, они поставлены на узкий путь и ведомы по нему, а путь этот также тёмен и уныл. Там они испытывают невыносимое угнетение, из которого не могут выйти; куда ни повернутся, всюду находят бездонное бедствие, и всё пустынно, темно и уныло. Они должны принять это и на всех своих путях уповать на Господа, пока Ему угодно; наконец Господь как будто вовсе не знает об их боли и муке; всё кажется нестерпимой нуждой и великой тоской, но они всё же покоряются. Это полное очищение, которому соответствует высшая награда; другим людям соответствуют иные награды.

[14] Святой Фома говорит об этом: «Великие внешние дела, какими бы великими они ни были, поскольку они дела, имеют собственную награду. Но когда дух из глубины сердца обращает свой взор внутрь, к Духу Божьему, где человек, опустошённый и обнажённый от всяких дел, ищет одного Бога, превыше всех мыслей, дел и рассудка, это поистине полное обращение, которое всегда получит соответствующую награду, и Бог будет с ним». Иное обращение может происходить обычным внешним образом, когда человек обращается к Богу, всецело и совершенно помышляя о Нём и ни о чём другом, кроме Бога ради Него Самого и в Нём Самом. Но первое обращение происходит во внутреннем, неопределённом, неведомом присутствии, в невещественном вхождении тварного духа в нетварный Дух Божий. Если бы человек смог хотя бы раз в жизни так обратиться к Богу, это было бы ему во благо. Тем людям, чей Бог столь могуществен и был столь верен им во всех их скорбях, Бог ответит Самим

Собою. Он так таинственно привлекает их к Себе и к Своему блаженству; их дух столь любовно влечётся и одновременно столь наполняется и пронизывается Божеством, что они теряют всё своё многообразие в единстве Божества. Это те, кому Бог делает их труд здесь, на земле, усладой, так что они действительно предвкушают то, чем будут наслаждаться вовеки. Это те, на ком держится Святая Христианская Церковь; и если бы они не входили в состав христианства, христианство уже не могло бы существовать, ибо само их существование, то, что они есть, бесконечно достойнее и полезнее всех дел мира. Это те, о ком наш Господь сказал: «Касающийся вас касается зеницы ока Моего». Поэтому берегитесь причинить им какое-либо зло. Да поможет нам Бог. Аминь. [43]

Проповедь XI. На Рождество святого Иоанна Крестителя. Вторая проповедь

[1] Как человек должен приготовиться и пребывать в готовности свидетельствовать об истинном Божественном свете, сияющем в его сердце, в низших и высших силах, от которого зависят его спасение и блаженство.

[2] *Hic venit in testimonium, ut testimonium perhiberet de lumine*

[3] «Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о свете». [44]

[4] Сегодня Церковь празднует память святого Иоанна Крестителя. Благословлять и восхвалять его одними словами было бы с нашей стороны малым делом, потому что Сам наш Господь достойно восхвалил его и сказал о нём: «Из рождённых жёнами не восставал больший Иоанна Крестителя».[19] Ещё Он сказал о нём: «Что же смотреть ходили вы? Человека, одетого в мягкие одежды? Или вы ходили в пустыню смотреть трость, ветром колеблемую?» Нет, ни тем, ни другим он не был. Иисус сказал о нём: «Он — глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его!»[20] Мы поём о нём, что он был горящим светильником. Святой Иоанн Евангелист, уподобляемый парящему орлу, написал о нём, что он «свидетельствовал о свете».

[5] Дорогие дети, как лучше и достойнее восхвалить этого возвышенного князя небес, чем словами: «Он был свидетелем истинного Света»? Этот истинный

Божественный свет сияет в самой глубине человеческого сердца; и когда этот Божественный свет и свидетельство приходят к человеку и внутренне вверяют себя ему, он совсем отворачивается от чистой глубины.[Grund] Ему следовало бы ожидать их, но он поступает совершенно наоборот: бежит то в одну, то в другую сторону, так что из-за своей поверхностности не может принять истинное свидетельство. «Пришёл к своим, и свои Его не приняли». Такие люди противятся истинному Божественному свету. Сердца их мирские; и, как Креститель сказал лицемерам, они — «порождения ехиднины». Эти люди противятся всем любящим истинный Божественный свет и дают серьёзный повод для тревоги, ибо, по-видимому, они едва держатся за свет и веру, словно на тонкой нити. [45]

[6] Теперь мы должны показать, насколько близорука и больна природа и как сама по себе она не способна ни на что доброе. Поэтому Бог дал ей сверхъестественную помощь и силу — свет благодати, который высоко возносит природу над нею самой и снабжает всем, что ей необходимо на этом пути. Вверху сияет нетварный Свет славы, то есть Божественный свет; и этот Свет — Сам Бог. Поэтому, если мы хотим истинно познать Бога, это должно совершаться Богом и с Богом, в Боге и через Бога. Как говорит пророк: «Господи, во свете Твоём мы видим свет», то есть свет сверхъестественный. Тот же Божественный свет «просвещает всякого человека, приходящего в мир», и сияет всем людям, злым и добрым, как яркое солнце светит всем созданиям. Если они слепы, это их собственная вина. Ибо как человек в тёмной комнате мог бы получить свет, найдя открытое окно и высунув наружу голову, так и люди могут прийти к этому свету и свидетельствовать о нём. [46] [47]

[7] Нам следует внимательно заметить, как человек прежде всего должен отнестись к этому свидетельству, чтобы истинно его принять. Он должен бежать от всего временного и преходящего и отделиться от него, ибо истинное свидетельство даётся как низшим, так и высшим силам души. Низшая сила — сила страсти и желания. Желание есть любовь к удовольствию, которую это свидетельство должно отнять. Эта сила прежде всего должна отделиться от плотских вожделений, каковы бы они ни были, в которых человек находит удовлетворение: будь то люди или одежда — словом, всё, в чём его чувства находят усладу. Бог не отказывает человеку в необходимом для жизни; но это поистине пустыня, в которой взывает голос Божий, и она называется жизнью в уединении. Это отделение от всех духовных и природных удовольствий, как внешне, так и внутренне.

[8] Во-вторых, это свидетельство даётся в страстной силе души, чтобы человек научился истинной стойкости и крепости и, если принял свидетельство как должно, стал неподвижным, как железная гора. Как Христос засвидетельствовал об Иоанне, человек не должен позволять колебать себя взад и вперёд, словно трость; не должен он уподобляться и тому, кто носит мягкие одежды, под чем мы можем понимать человека, любящего, желающего и ищущего телесного покоя. Можно найти немало людей, которые ради Бога презирают всё это, однако столь подобны гнущейся трости, что на них жалко смотреть. Такого человека какая-нибудь нелепая насмешка или резкое слово приводит в движение и волнение так же легко, как трость колышется в воде. Дорогой друг, как может повредить тебе слово, которое никак не способно повредить твоей душе? Но тут приходит лукавый и внушает тебе то одно,

то другое, пока ты не впадёшь в тяжкое смятение; а всего этого не должно было бы быть, если бы в остальном ты стоял твёрдо в вере. Далее это свидетельство даётся в самой высшей силе, в разуме, воле и любви человека, ибо оно — пророк для разума человеческой души; пророк означает того, кто видит далеко. Разум действительно видит так далеко, что это совершенное чудо. Если бы нашёлся просвещённый человек, ещё не стоящий на этой глубине, который услышал бы тайные Божественные вещи, сердце его засвидетельствовало бы о них и заговорило бы к нему изнутри.

9 Иисус Христос сказал, что Иоанн больше пророка, именно в той глубине, куда разум не может проникнуть. Ибо там человек поистине видит свет во свете, во внутреннем свете души: там Божественный свет может быть увиден и постигнут светом благодати. Сначала — сокровенным образом. Силы души не могут достичь этой Божественной глубины; и великие пустынные пространства, находящиеся в ней, не имеют ни образа, ни формы, ни определённого состояния, ибо они ни здесь, ни там. Они подобны неизмеримой бездне, бездонной и движущейся в самой себе. Как вода отливает и приливает, поднимается и опускается, то уходя во впадину, словно её там вовсе нет, то через некоторое время вновь устремляясь наружу, словно желает поглотить всё, — так происходит и в этой Бездне. Она поистине гораздо более есть обитель Божья, чем небо или человек. Человек, который действительно желает войти, непременно найдёт здесь Бога, а себя — просто в Боге, ибо Бог никогда не отделяется от этой глубины. Бог будет присутствовать с ним, и здесь он найдёт вечность и будет ею наслаждаться. Здесь нет ни прошлого, ни настоящего; никакой тварный свет не может достичь этой Божественной глубины или

осветить её, ибо здесь только обитель Бога и Его святилище. Никакое создание не может измерить эту Божественную Бездну; ничто не может наполнить её, и она ничто не удовлетворяет; один Бог может наполнить её в Своей бесконечности. Ибо эта бездна принадлежит только Божественной Бездне, о которой написано: *Бездна бездну призывает.*

10 Тот, кто истинно сознаёт эту глубину, осиявшую силы его души, просветившую и склонившую её низшие и высшие силы обратиться к своему чистому Источнику и истинному Началу, должен тщательно исследовать себя и оставаться один, прислушиваясь к голосу, взывающему в пустыне этой глубины.

11 Эта глубина столь пустынна и обнажена, что в неё никогда не проникала никакая мысль. Ни один из человеческих помыслов, которые с помощью разума посвящались размышлению о Святой Троице, — а некоторые люди много занимались такими помыслами, — никогда не проникал в эту глубину. Ибо она так близка и всё же так далека, так превосходит всё сущее, что у неё нет ни времени, ни места. Это простое и неизменное состояние. Человеку, действительно и истинно входящему туда, кажется, будто он пребывал здесь всю вечность и составляет с нею одно; между тем это длится лишь мгновение, и тот же проблеск обретается и раскрывается в вечности. Он воссиявает, и Бог тем самым свидетельствует, что человек от вечности существовал в Боге, прежде своего сотворения; то есть он был в Боге, и таким образом человек был Богом в Боге. Ибо святой Иоанн говорит: «Всё чрез Него начало быть», что означает единую жизнь в Нём. Чем человек был в себе при сотворении, тем он вечно был в Боге. Пока человек не

достигнет той чистоты, с которой вышел, впервые будучи создан из ничего, он никогда поистине не придёт к Богу. Ибо все склонности, влечения и самомнение, всё, чем мы владеем и что может осквернить глубину, непременно должно быть изгнано; также всё, чем мы когда-либо обладали с усладой и собственным согласием в душе и теле, всё, что когда-либо приняли через познание или влечение, — всё, всё должно быть прежде искоренено, чтобы мы стали такими, какими были, когда впервые вышли от Бога. Поскольку мы так не поступаем, мы никогда не возвращаемся к Источнику, из которого произошли; но и чистоты недостаточно, если наш дух не преобразится Светом благодати. Если бы мы охотно искали этого преображения, беседовали с собою в сокровенной глубине сердца и правильно устраивали свою жизнь, то в такое время наши души и дух могли бы ощутить светлый проблеск высшего преображения; хотя никто не может ни прийти к Богу, ни познать Его иначе, как в нетварном Свете, который есть Сам Бог. Святой пророк говорит: Господи, «во свете Твоём мы видим свет». Поэтому если святой человек часто втайне беседует в глубине своего сердца, ему будет даровано немало проблесков в этой глубине; и то, что есть Бог, станет для него гораздо яснее и явственнее, чем природное солнце для его телесных глаз. [48] [49]

[12] Эта чистая глубина была скрыта от язычников; поэтому они презрели всё временное и преходящее и отправились искать её. Но впоследствии появились великие учители, такие как Прокл и Платон, и ясно описали её тем людям, которые не могли найти её сами. Поэтому святой Августин сказал, что Платон вполне изложил святое Евангелие от слов *«В начале было Слово»* до слов *«Был человек, посланный от Бога»*, но сделал это

прикровенными словами. Эти же языческие учители различили и Святую Троицу; всё это исходило из сокровеннейшей глубины, ради которой они жили и которой ожидали. Великое бесчестье и стыд, жалкое и достойное сожаления дело, что мы, оставшиеся бедные ослеплённые люди, долгими годами, до самой смерти, идём словно слепые создания, не зная ни самих себя, ни того, что в нас сокрыто, ничего о себе не ведая. А ведь мы христиане и так называемся, имеем великую и преизобильную помощь благодати Божьей, а кроме того — святую веру, Святое Таинство и много иных великих Божественных вспоможений. Причина этого всецело в великом непостоянстве и поверхностности, которые развращают и смущают нас. Мы всегда стремимся занимать себя внешними вещами: собственными усилиями, многими молитвами, чтением, учёбой и тому подобным; всё это — наше искание себя, которым мы заняты и которое удерживает нас, так что мы не можем беседовать с собою, обнажённые и опустошённые, в сокровеннейших глубинах сердца. Но кто не наполнит благородный сосуд своей души драгоценным бальзамом, тот наполнит его дурным вином. Поистине, если бы человек сделал это, он весьма угодил бы Богу, Который желает получить от него его лучшие и благороднейшие дела.

[13] Есть ещё одно свидетельство в высших силах — в силе любви, пребывающей в воле. Разве на этой неделе мы не пели об Иоанне Крестителе: *Светильник светящий и горящий,* и так далее? «Он был светильник, горящий и светящий». Светильник даёт тепло и свет; тепло ты можешь ощутить рукой, но огня не увидишь, если не посмотришь на него сверху, и света не увидишь, если не увидишь его сквозь заслон. Кто хорошо заметил бы этот

смысл и затем ощутил свет и тепло, тот узнал бы, что это раненая любовь, которая поистине должна привести тебя в эту глубину. Поэтому, когда ты приходишь в эту глубину, ты должен бороться и подвизаться с любовью и направлять свой лук к Всевышнему. [50]

14 Но если ты придёшь в пленённую любовь, в ту тайную, глубокую бездну, ты должен совершенно предать себя глубинам любви; ты потерял всякую власть над собою, ибо там ты не найдёшь ни мысли, ни действия сил, ни дел добродетели. Но если найдёшь там столько простора и будешь столь обнажён, что к тебе придёт мысль, и ты снова впадёшь в пленённую любовь, тогда тотчас соберись, воспрянь и с силой борись с любовью; желай, умоляй и неотступно проси любви. Если не можешь говорить — думай и жажди, а затем скажи, как говорил святой Августин: «Господи, Ты заповедуешь мне любить Тебя всем сердцем, всею душою, всеми силами и всем разумением; поэтому даруй, Господи, чтобы я любил Тебя превыше всего». Если чувствуешь такую вялость, что не можешь так думать, открой уста и произнеси это. Люди, не прилагающие усилий, но сидящие так, словно всё уже совершилось, никогда не достигают этой возвышенной любви. После неё приходит любовь, изливающаяся через край.

15 В-четвёртых, приходит бурная, неистовая любовь. Любовь совершенно исчезла, и её место занял разум. Человек никогда не бывает столь разумным, каким теперь обыкновенно становится; ибо бурную, неистовую любовь можно уподобить светильнику: человек ощущает жар этой любви, поскольку она приводит в смятение все его силы. Человек всегда жаждет этой любви, а когда имеет её, сам этого не знает, ибо она истребляет кровь и мозг в

его костях. Поэтому тщательно внимай себе, чтобы всеми своими усилиями не разрушить природные силы. Если любовь должна совершить своё дело и ты не можешь от неё уклониться, ты должен следовать за нею через все её бури и во всех её внешних делах. Некоторые говорят, что будут беречься всех этих бурь, чтобы не подвергнуться бесчестию, ибо такие поступки не подобают их положению. Поэтому, когда приходит неразумная любовь, всякое человеческое дело поглощается, и Бог приходит и говорит с этими людьми. Это слово полезнее сотен тысяч слов, которые мог бы произнести какой-либо человек. Святой Дионисий говорит: «Когда внешнее слово произнесено в глубине души и глубина так приготовлена и устроена, что может принять слово во всём его достоинстве и целости и произвести его не отчасти, но вполне, эта глубина становится единой со словом; однако и в этом единении она сохраняет собственное сущностное бытие». Господь наш Иисус Христос засвидетельствовал это, сказав: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе». Как Он также сказал святому Августину: «Ты изменишься в Меня, а не Я в тебя». Дорогие дети, истинно говорю вам: никто не может достичь этого иначе, как путём любви. [51] [52]

16 Иоанн Креститель сказал, что он — «глас в пустыне, приготовляющий путь Господу», то есть путь добродетели; этот путь весьма ясен. Он также сказал: «Прямыми сделайте стези Его». Стези часто ровнее дорог. Поэтому тот, кто действительно может найти верную стезю, ведущую к истинной глубине Божьей, и вместе с тем сознаёт собственную глубину, должен прежде всего оставаться один и тщательно искать тропу, которая для него весьма дика, темна, неровна, неведома, далека и чужда. Ибо для человека, прилежно

внимающего всему этому, никакое бедствие или затруднение, внешнее или внутреннее, не бывает слишком большим или слишком малым; также и никакая немощь, которая может его постигнуть: всё это будет направлять, привлекать и побуждать его идти к истинной глубине.

17 Стези должны быть выпрямлены и изнутри; мы должны усердно искать их: наш дух в Боге и Бог в нас, ибо стези темны и неведомы. Многие люди сбиваются с пути, устремляясь за внешними делами и подвигами. Они поступают подобно тому, кто, идя в Рим, должен был бы подниматься; если же дорога отклонится в сторону, то чем дальше он пойдёт, тем дальше заблудится. Так поступают эти люди: часто, возвращаясь от внешних упражнений, они уже стары и больны, у них болит голова; а в их делах из-за их страстей недостаточно этой любви.

18 Поэтому, когда человек оказывается в этой буре любви, он должен думать не о своих чувствах, не о смирении и ни о чём другом, а только о том, достаточно ли любви в его делах. В любви человек борется также против холодности, равнодушия и суровости. Человек должен всецело посвятить себя любви и отдать ей полную верность, будучи нищим и жалким во всём, что не есть любовь. В этом ты должен иметь постоянное горячее желание и полное упование на Бога; ты должен хранить сердце чистым для любви Божьей; тогда найдёшь в любви Божьей столь великое и благородное, что не сможешь этого выразить. Поэтому все люди, чья вера и упование на Бога не вполне чисты, опустятся ниже; любовь угаснет в их сердцах, а жизнь будет бесплодной. Говорю тебе: если бы ты имел все признаки, какие только можно иметь здесь, на земле, но этого свидетельства любви Божьей не

было, всё было бы потеряно. Поэтому лукавый охотно оставляет человеку все прочие добродетели, пока тот не обладает свидетельством истинной любви. Он позволит тебе иметь обманчивую любовь, чтобы ты воображал, будто имеешь истинную; но если бы ты мог заглянуть в глубину своего сердца, то скоро увидел бы, как обстоит дело с твоей любовью. Итак, знайте: всё, чего вам недостаёт, состоит лишь в том, что вы не вошли в истинную глубину; ибо если бы вы действительно вошли туда, вы нашли бы благодать Божью, которая непрестанно увещевала бы вас возносить ум выше самих себя. Многие люди постоянно противятся этому Божественному увещанию, и так часто, что становятся через это недостойными Божественной благодати; быть может, они уже никогда не станут её причастниками, ибо совершенно портят её своей жизнью, которая кажется им столь доброй. Если бы они были послушны проблеску благодати Божьей, она вела бы их и привела в такое Божественное единение, что уже в этой жизни они испытывали бы то, чем будут вечно наслаждаться в жизни будущей. Таков был опыт многих святых людей, которых Бог вёл этим высоким путём; и Он по-прежнему ведёт по нему других, открывающих Ему сердца. Да дарует Бог, чтобы и нам это испытать. Аминь.

Проповедь XII. На праздник святого Тимофея или воспоминание святого Петра

[1] О братском обличении и увещании: в какой мере они полезны и уместны, а в какой — нет; и особенно о том, как прелатам и начальствующим надлежит вести себя с подчинёнными.

[2] *Argue, obsecra, increpa, in omni patientia et doctrina.*

[3] «Обличай, увещевай, запрещай со всяким долготерпением и назиданием». [53]

[4] Таков урок, который святой Павел даёт своему возлюбленному ученику Тимофею, поставленному им управлять людьми; и духовникам, и всем правителям равно подобает обладать этими двумя качествами — терпением и способностью наставлять. Прежде всего их служение состоит в том, чтобы обличать всех явных грешников, которых они могут привести на лучший путь, особенно тех, над кем они поставлены начальствовать, и открывать им истину; ибо это необходимо, и во многих местах Писание говорит нам, как надлежит учить, увещевать и обличать вверенных нашему попечению, каждому сообразно занимаемому им служению, — как святой Григорий достаточно показал и изложил в своей книге «Пастырское правило»; поэтому пока мы воздержимся от дальнейших слов об этом.

[5] Лучше обратимся ко второму положению, более духовному: оно учит человека смотреть внутрь себя и судить самого себя, ибо желающий стать духовным человеком не должен постоянно наблюдать за другими,

особенно за их грехами, чтобы не впасть в гнев, озлобление и осуждение ближних. Дети мои, это причиняет человеческой душе столь великий вред, что и подумать о нём прискорбно; поэтому, если вы любите Бога, избегайте этого злого расположения и всецело обратите глаза на себя: посмотрите, не найдёте ли того же порока в себе, в прошлом или теперь. Если найдёте, вспомните, что по устроению Божьему вы теперь видите этот грех в другом, чтобы прийти к его признанию и покаянию; исправляйте свои пути и молитесь о брате, чтобы Бог даровал ему покаяние и исправление по Своей Божественной воле. Так доброе сердце извлекает из чужих грехов собственное исправление, охраняется от всякого сурового суждения и гнева и сохраняет ровное расположение; злое же сердце всему увиденному даёт наихудшее истолкование и обращает это себе во вред. Так добрый человек способен нерушимо хранить должную любовь и верность к своим ближним.

6 Кроме того, эта великодушная любовь побуждает его в своём сердце считать других невиновными; даже видя немощь или проступок ближнего, он рассуждает, что, весьма вероятно, всё не так, как выглядит снаружи, и поступок мог быть совершён с добрым намерением; или думает, что Бог, возможно, попустил случившееся для вразумления и урока ему самому; или же как возможность упражняться в самообладании и учиться умирать для себя, терпеливо перенося и снисходительно принимая недостатки ближних, подобно тому как Бог часто терпел от него самого многие обиды и был долготерпелив к его грехам. И это нередко способствовало бы исправлению ближнего больше всех усилий, какие он мог бы приложить ради этого посредством обличений или наказаний, даже

совершаемых с любовью, — хотя мы часто воображаем, будто обличаем с любовью, тогда как на деле всё обстоит совсем иначе. Ибо говорю тебе, дорогое дитя: если бы ты мог победить себя долготерпением, кротостью и чистотой своего сердца, то победил бы всех своих врагов. Это было бы для тебя лучше, чем если бы ты завоевал сердца всего мира своими сочинениями и мудростью, но жалким образом погубил собственную душу, осуждая ближних; ибо Господь говорит: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?»

[7] Говоря так, я делаю исключение для тех, кто по своему служению в Святой Христианской Церкви обязан обличать других. Пусть они мудро наблюдают за тем, как и за что обличают, чтобы никого не обличать раздражённым поведением или суровыми и гневными словами, от которых происходит много тревог и трудностей; на это они не имеют права, но им позволено обличать подчинённых ради их исправления. Увы, в наши дни чаще всего бывает так, что занимающие высшие места в этом отношении часто и сильно забываются; поэтому их обличения не производят никакого исправления, а лишь гнев и отчуждение сердца. Ибо если бы они наставляли вверенных их попечению в страхе Божьем так, чтобы люди могли заметить и убедиться, что это делается единственно ради спасения их душ, те гораздо охотнее принялись бы за исправление и были бы довольны. Теперь же, увы, они видят, что начальствующие ищут только собственной славы и выгоды, самовольно и неправедно угнетают их и лишают законных прав; поэтому обличение лишь делает их ещё более непокорными и возмущёнными. Есть немало начальствующих, которые действительно думают, будто обличают подчинённых из почтения к праведности, а

между тем делают это в духе гнева, властолюбия и высокомерия; и то, что, как им кажется, они совершают из ненависти ко греху, они совершают из ненависти к людям.

8 Но прошу вас, исследуйте себя: действительно ли вы любите тех, кого столь сурово наказываете, как вам кажется, из почтения и ревности к праведности? Ибо когда мы видим, что люди с такой яростью наказывают и угнетают подчинённых или столь жестоко обращаются с ними, осыпая резкими словами и глядя угрюмо, следует опасаться, что обличение исходит скорее из сварливого нетерпения, чем совершается ради праведности на истинном основании любви и доброты, особенно у тех, кто ещё не испытал внутренней радости сердечной сладости и божественной любви. Ибо душа, ещё не испытавшая внутренней любви и Божественной сладости, не умеет сохранять благоразумное поведение и справедливую речь при обличении; истинная же любовь учит, как обращаться с достойными наказания.

9 Итак, тот, кто по долгу своего служения должен наказывать, пусть сначала примет во внимание бесчестие, нанесённое Богу, и вред, причинённый душе его паствы; затем пусть обличает мягкими, любящими словами, с терпеливым поведением и движениями, чтобы немощные могли заметить: он ищет и имеет в виду только их благо и ничего иного. И если по устроению Божьего Промысла случится, что подчинённые порой восстанут и оскорбят начальствующих своеволием и дерзким непочтением, последние никак не должны принимать это на свой счёт или мстить за это, насколько такое возможно без соблазна для остальных подчинённых. Ибо, мстя за себя, они навлекают подозрение в корыстных побуждениях, и,

вероятно, Бог не сможет произвести через них никакого плода; напротив, с такими нарушителями им надлежит обращаться терпеливее, с более добрыми словами и поступками, чем с другими. Ибо это обычно величайшее искушение, постигающее начальствующих, посредством которого они большей частью либо приобретают, либо теряют величайшую награду за свои труды; поэтому им следует всегда быть настороже, ибо кротость и готовность прощать обиды — лучшая добродетель, какой может обладать правитель.

10 Они не должны проявлять пристрастия в своих привязанностях ни ради собственной славы, ни к отдельным лицам, но должны обнимать всю паству общей любовью, как мать обнимает детей. К немощным им надлежит всегда проявлять наибольшую любовь и заботу и непрестанно возносить сердца к Богу в молитве, усердно прося Его охранять и защищать людей, вверенных их попечению, и не предаваться никакому самопрославлению. Также, насколько это от них зависит, пусть они первыми совершают те дела, которые желали бы видеть у своего народа; ибо так устроено, что с Божьей помощью всё может быть приведено к доброму завершению, когда начальствующие расположены к добродетели: тогда их подчинённые непременно последуют туда, куда их ведут, даже если прежде были склонны ко всякому злу и пороку и враждебны начальствующим.

11 Тем же, кто не получил поручения управлять другими людьми, а живёт частным лицом без такого служения, необходимо втайне внутренне судить себя и остерегаться суждений обо всём внешнем, ибо в таких суждениях мы обыкновенно ошибаемся; истинное положение вещей

обычно весьма далеко от того, каким оно нам представляется, — что мы нередко и обнаруживаем впоследствии. В этом отношении помните пословицу: «Мудр тот, кто умеет всё обращать к лучшему».

[12] Да поможет нам Бог так поступать! Аминь.

Проповедь XIII. На праздник святого апостола Павла

[1] О совершенном умирании для себя и для всех вещей. О пользе страдания; о любви, страдании и Крови Христовой.

[2] *Vivo autem, jam non ego, vivit vero in me Christus.*

[3] «И живу уже не я, но живёт во мне Христос». [54]

[4] Святой Павел так совершенно умер для себя и для всего и так преобразился в истинную любовь к Богу и ко всем людям, что охотно умер бы тысячу раз ради спасения людей; он настолько забыл себя, что не знал ничего, кроме Христа распятого, и не желал ничего, кроме приобретения всех людей для Христа, словно он породил всех людей и был их земным отцом. Помимо прочих добродетелей, четыре вещи будут особенно полезны нам, если мы желаем подражать этому возвышенному апостолу в истинной любви и самоотречении и угождать Богу. Во-первых, мы должны всецело удалиться и отделиться от всего сотворённого вне Бога. Во-вторых, должны забыть все создания и не обращать на них внимания. В-третьих, должны непрестанно взирать назад, к своему началу; это означает, что в Боге мы должны жаждать Бога и желать Его с сильным воплем. В-четвёртых, должны трудиться, чтобы подобие Христово глубже запечатлелось в нас и придало нам свой образ.

[5] Совершенная нищета принадлежит тебе, когда ты не можешь вспомнить, был ли кто-нибудь когда-либо должен тебе или обязан тебе чем-либо, подобно тому как всё будет забыто тобою в последнем путешествии смерти. Если ты желаешь во времени жить выше времени и быть

отделённым от всех созданий, ты должен научиться забывать собственные силы и всё, что способна совершить природа. Постоянное возвращение к своему началу означает, что присутствие всего, в чём ты не можешь найти Бога, будет для тебя словно рана. Труд, посредством которого Христос глубже запечатлевается и образуется в тебе, совершается внутри, где Христос всегда принимает Лицо, Природу и Бытие Своего Отца. Чем более Христос видит, что человек так избирает Его, тем яснее Христос будет обнаруживаться в нём. Все, кто подобен Христу в боли, горечи и терпении, также будут избраны и призваны быть с Ним там, где Он во всякое время причастен Бытию и Природе Своего Небесного Отца. Кто способен умертвить и уничтожить свои немощи, тот получит и новую силу от Бога; поэтому в того, кто посвящает Христу все силы своей человеческой природы, Христос изольёт силу Своей Божественной Природы. Любящее сердце Бога будет удовлетворено, если ты умрёшь для самого себя.

[6] Святая душа, ставшая бесплодной и пустой по отношению ко всему сотворённому и не способная образовать или вылепить в себе ничего тварного, побуждает Бога привлечь её к Себе, к самому средоточию Своего Божественного Бытия. Исход всего сотворённого из твоего сердца вызывает вхождение и излияние всех богатств Его всемогущей силы. Никто не может наслаждаться присутствием Бога и Его подобием так, как человек, умерший для всего и столь мёртвый сердцем и волей, как нечто, никогда не обладавшее бытием.

[7] Следующий путь — умереть для всего и жить одному Богу. Кто всегда умирает для себя, тот всегда начинает жить Богу, и притом непрестанно. В самой истинной

смерти всего сотворённого сокрыта самая сладостная и естественная жизнь. Нет более естественного и более действительного пути к обретению вечной жизни, чем умерщвление и умирание сердцем для всего сотворённого, покорение, подчинение и уничтожение собственного «я», словно оно ниже всех созданий.

[8] Один человек однажды подумал, что Бог одних людей привлекает приятными путями, а других ведёт путём боли. Наш Господь ответил ему так: «Что, по-вашему, может быть приятнее или благороднее, чем стать наиболее подобным Мне? А это совершается через страдание. Заметьте: кому когда-либо была предложена столь болезненная и скорбная жизнь, как Мне? И в ком Я могу лучше действовать согласно Моему истинному благородству, чем в наиболее подобных Мне? Это люди страдающие. Ни один человек никогда не страдал столь горько, как Я, и всё же ни один человек не был столь чист, как Я. Когда Меня более осмеивали, чем тогда, когда Я более всего прославлял Моего Небесного Отца? Познай, что Моя Божественная Природа никогда не действовала в человеческой природе столь благородно, как посредством страдания; и поскольку страдание столь действенно, оно посылается по великой любви. Я во всякое время понимаю слабость человеческой природы и по любви и праведности не возлагаю на человека бремени тяжелее того, которое он может понести. Венец должен быть крепко прижат, если ему предстоит пустить почки и расцвести в вечном присутствии Моего Небесного Отца. Кто желает всецело погрузиться в бездонное море Моего Божества, тот должен также глубоко погрузиться в глубокое море горькой скорби. Я превознесён далеко над всеми вещами и совершаю в Себе сверхъестественные и чудесные дела; чем глубже и сверхъестественнее человек

сокрушает себя ниже всех вещей, тем сверхъестественнее он будет привлечён высоко над всем.

9 Один человек пожелал узнать, когда человеческая природа становится совершенно мёртвой. Наш Господь ответил: «Когда все грехи станут для тебя столь же невозможными и ненавистными, как для высокого состояния Моей Божественной Природы». Тогда человек сказал: «Ах, дорогой Господи, но что может произвести эту смерть?» Ответ: «Присутствие Моей смерти и Моей умирающей жизни, во время которой Я непрестанно совершал спасение человеческого рода. Моя смерть всегда была предо Мною, как и снедающая жажда претерпеть ради человека самые горькие страдания, назначенные Мне. Недостаточно было, чтобы Меня отвергли все люди; также и те, кто признавал и исповедовал Меня, должны были быть ненавидимы и мучимы. Жгучая жажда, которую Я испытывал по всем людям, вызвала излияние Моей драгоценной струящейся Крови; ибо для Меня было бы гораздо горше претерпенной смерти, если бы в Моём сердце осталась хоть одна капля крови или воды, которую Я не излил бы ради спасения человека. Как печать отпечатывает свой образ на воске, так любовь, которою Я возлюбил человека, имеет силу запечатлеть его образ на Моих руках, Моих ногах и Моём Божественном сердце, чтобы Я никогда не мог забыть его. Как Мои раны были пробиты острыми гвоздями и заострённым копьём, так Я снова наполнил их сладостным бальзамом Моей Божественной Природы, чтобы он всегда свободно изливался в немощь человеческой природы. Моя Кровь всегда — купель, кипящая в пламени Моей Божественной Природы, в которой человек может омыть свои грехи.

10 «Что может быть слаще и отраднее, чем совершать подобное в том, за кого Я пострадал, и производить плод и возрастание в Моих возлюбленных членах? Ничто не угодно Мне более, чем явить, сколь сверхъестественно в силе Моей любви Я действовал и страдал ради человека».

11 Один святой человек однажды задумался, как больно должно было быть Богу, когда Его видели враги при взятии под стражу. Наш Господь ответил ему: «Мои враги, представ предо Мною, показались Мне друзьями, желавшими помочь Мне исполнить самое сладостное и желанное дело из всех, какие Я когда-либо совершал в Своей жизни». Бог предстал человеку самым несчастным, когда Его, изнемогшего и сокрушённого, отвели от колонны, или столба, и Он сказал: «Смотри, как любовь к человеку истощила Меня; не должно ли быть Мне сладостно испить из его руки воздаяние за Моё мученичество? Смотри, сколько драгоценных знамений человек может увидеть во Мне, если взглянет на бесчисленные раны любви во Мне и будет размышлять о Моих священных Страстях».

12 Душа столь благородно соединяется с Богом и притом вначале столь сверхъестественным образом, что человек вправе избегать, словно смерти, всякой мысли, способной помешать этому единению. Мысль, которой надлежит принять в себя Бога, не может терпеть ничего чуждого. Поэтому желай лишь невидимого и невыразимого. Всё, что можно высказать словами, будет забыто тобою. «Молчи обо всём, что Я совершаю в тебе; ибо Я драгоценен всем созданиям, потому что совершенно сокрыт от всех созданий. Мне естественно пребывать в сердце Моего Отца; так же естественно и дорого Мне пребывать в душе, в которой Я нахожу покой и подобие

Моих кровоточащих ран и которую Я приобрёл вечными знаками Моего отеческого сердца; и эти раны будут вечно цвести в той душе перед Моими Божественными очами. Тому, кому Я назначил скорбную жизнь в этом мире, Я назначил также в вечности наслаждаться сладчайшим мёдом Моей Божественной Природы. Я не могу поистине войти в человеческую душу, пока человек не отречётся от себя и не предаст себя во всём смирении и пока ветхий человек не будет изгнан». Да дарует Бог, чтобы мы совершенно последовали святому Павлу в этом и во всех прочих добрых упражнениях. Аминь.

Проповедь XIV. На Введение Пресвятой Девы или на попразднство Её Рождества

[1] О двух путях, которыми люди приходят к Пресвятой Деве. Об искушениях, нападающих на живущих в уединении. О том, что они должны познать опытом и усвоить, прежде чем смогут достигнуть высшей степени истинного совершенства.

[2] *Transite ad me, omnes qui concupiscitis me.*

[3] «Придите ко мне все, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими». [55]

[4] Сегодня мы празднуем восьмой день после Рождества нашей Владычицы. Святой Бернард и другие святые признают, что не могут достаточно восхвалить её и поневоле должны умолкнуть перед всем богатством подобающей ей хвалы. Святой Бернард говорит: «Дорогая Владычица, хотя ты вознесена до родства с Божеством, не забудь своего родства с нашей бедной человеческой природой. Не будь столь всецело поглощена Бездной Божества, чтобы не помнить также человеческой немощи, которой и ты была испытана, и многих святых молитв, вознесённых к тебе мною и многими святыми».

[5] Люди обращаются к ней двояко. Некоторые не хотят молиться и говорят, что не могут, потому что желают и должны всецело довериться Божьему попечению, чтобы Он поступал с ними и со всем их достоянием, как найдёт нужным. Другие горячо молятся нашей Владычице и прочим святым обо всех своих делах. В обоих этих путях могут быть недостатки. Первые ошибаются, не сознавая,

что Святая Церковь установила молитву для всех людей. Сам наш дорогой Господь научил нас этому, дал пример и образец молитвы, ибо Сам молился Своему Небесному Отцу. Эти люди оправдывают своё неразумное мнение, говоря, что им не нужно совершать поклонение и что они всё же будут услышаны, если их намерения не злы. Но есть вещи, которые Господь совершит только в ответ на молитву. Заметьте же: Бог часто допускает, чтобы человек попал в беду, дабы побудить его к молитве. Тогда Бог помогает ему и слышит его молитву, чтобы его любовь пробудилась ещё сильнее и чтобы через ответ он получил утешение.

6 Ошибаются и те другие, которые молятся по нетерпению и ожидают, что всё, о чём они молятся, непременно должно исполниться. Им действительно надлежит молиться, но с истинной покорностью, чтобы на всех путях и во всём с радостью принимать волю Божью. В последнее время мы много говорили о том, как люди, начинающие исправляться, должны отсечь все грубые, тяжкие грехи и все возрастающие злые склонности, тогда как в некоторой мере достигшие совершенства должны искоренять внутренние грехи, постоянно их одолевающие.

7 Людей, удалившихся в уединение, устремивших сердца к одному Богу, желающих лишь любить Бога и думать только о Нём, лукавый вводит в столь великие искушения, что мирской человек ужаснулся бы им. Искушение обще всем этим людям, но происхождение его в каждом случае весьма различно. К мирскому человеку искушение приходит из неумерщвлённого сердца, из его природы, из плоти и крови. Искушение одолевает его, его дело разрушается, и потому врагу ничего не остаётся делать,

кроме как разглашать это повсюду. Но добрый человек твёрдо хранит свою непорочность; искушение приходит к нему извне и лишь в малой мере — из собственного сердца. Так враг отыскивает в человеке какую-нибудь склонность, хотя бы тот был чист. Например, человек по природе может быть склонен ко гневу; враг обнаруживает это и нападает на него со всей своей хитростью, исполненный злого обмана. С мирским человеком ему не требуется столько трудиться, ибо тот следует за ним тотчас. Он сразу может опутать его своими сетями, всё теснее обвивая их вокруг него, пока тот не станет совершенно беспомощным. Вот как враг обращается с человеком, которого находит склонным ко гневу. Сначала он внушает ему один образ, затем другой, способный его возбудить, так что наконец человек приходит в гнев, кричит и шумит, словно хочет всех бить и колоть. Но если затем он придёт в себя и повергнется перед Богом в самой глубине смирения, не ища духовника, а примирившись с человеком и дав должное удовлетворение, то сможет повергнуть себя в своём недостоинстве и великом грехе; и тогда его грех исчезнет пред очами Божьими, как снег перед солнцем; всё будет искуплено, и враг уйдёт оттуда с печалью. Если человек желает поступить здесь мудро, ему надлежит быть весьма искренним и готовым освободиться.

[8] Теперь следует заметить, что в одном отношении это касается не всех людей; и нам, бедным, слабым, немощным созданиям, не испытавшим этого, вполне подобает бояться говорить и слышать о столь возвышенных вещах. Ибо именно знающие о них находят, что говорить об этом совершенно невозможно. Иов сказал: «Дух прошёл перед лицом моим, когда я трепетал; он остановился, но я не мог различить его вида».[21]

Святой Григорий понимал под этим священное человечество нашего благословенного Господа Иисуса Христа. Вид, который он видел, но не распознал, был неведомым Божеством, сокрытым от всех созданий и им неизвестным. К этому он присоединил написанное в Третьей книге Царств. Ангел велел Илии выйти и стоять на горе, пока не придёт Господь. Когда он поднялся, налетела страшная буря, столь сильная, что опрокидывала гору; твёрдые скалы разбивались, и горы рассекались, но в этом Господь не пришёл. Затем было великое и страшное землетрясение, но в нём Господь не пришёл. Затем был сильный огонь, но и в нём Господь не пришёл. После всего этого был тихий, нежный голос, мягкий шелест, подобный лёгкому ветерку, — и в нём пришёл Господь. Илия стоял у входа в пещеру и закрыл лицо своим плащом. Ни в одном из тех явлений — ни в ветре, ни в землетрясении, ни в огне — Господь не пришёл; но, как говорит святой Григорий, всё это было приготовлением и путём к Нему. Эти высокие горы подобны возвышенным, великим умам; твёрдые скалы и землетрясение подобны умам, которым недостаёт самообладания; а люди, высокого мнения о себе, крепко держащиеся собственных замыслов, своевольные и необузданные, строят великие планы и совершают великие дела, но всё по-своему. Когда Господь приходит к таким людям, Он прежде должен послать великое землетрясение, которое перевернёт всё, что есть в них.

9 Но, увы, таких людей немного. Причина в том, что люди довольствуются вещами этой жизни и прилепляются к своей злой природе; так они и остаются, предавшись чувственным удовольствиям. Те же, кто действительно потрясён в большей или меньшей мере, — а я видел многих таких людей, — снова и снова боялись, что в тот

час должны будут расстаться с жизнью. Один человек спросил нашего Господа, что ему делать, ибо днём и ночью ему казалось, будто таким образом он должен потерять жизнь, и следует ли подвергать её такой опасности. Господь ответил ему: «Разве ты не можешь внутренне подвергнуться опасности и претерпеть то, что Я без меры претерпел в Моём теле, в Моих руках и ногах и во всём Моём теле?»

10 Дети, некоторые не могут этого вынести и ищут покоя здесь, там и повсюду; но не находят, пока не повергнут себя в глубины страдания. Как, по-вашему, следует встречать смерть? Дети, будь человек столь же чист, как при первом крещении, и никогда не впади он во грех, всё же, если бы он пожелал достичь следующей истины, ему пришлось бы пройти через это землетрясение и этим путём прийти к истинной покорности; иначе он не продвинется дальше.

11 После этого землетрясения пришёл огонь, и в нём Господь не пришёл. Это означает пламенную любовь, пожирающую кости и костный мозг, посредством которой человек выходит из себя. Один человек однажды был так сильно воспламенён этим огнём, что никогда не решался подойти к соломе, думая, что самый его жар должен её зажечь. Другой из-за этого жара мог спать зимой лишь тогда, когда выпадал снег: тогда он ложился в снег и спал, а снег тотчас таял вокруг него, вблизи и вдали. Видите, дети, пламенная любовь через дух проникает в тело, и всё же в этом Господь не приходит.

12 После этого пришло сладостное, нежное дуновение, мягкий ветер, подобный шёпоту; и в нём пришёл Господь. Каково, по-вашему, должно быть это, когда Господь приходит к человеку всеми этими внезапными и бурными

путями, вызывающими столь великое потрясение, что всё находящееся в его бедной природе и в его духе сгорает, и затем приходит Сам Господь? Знайте: если бы Бог не сохранял человеческую природу сверхъестественным образом, человек, даже обладая силой ста человек, не смог бы вынести радости и изумления; а ведь это лишь проблеск. Этот проблеск был настолько внезапным, что Илия стал у входа в пещеру и закрыл лицо своим плащом. Эта пещера — человеческая немощь; вход же есть не что иное, как видение Божества человеком. Илия закрыл лицо плащом; это означает, что, как бы кратко и стремительно ни было видение, всё же оно было проблеском, превосходящим природу, невыносимым и непостижимым для природного человека. Дети, здесь поистине был Господь Бог. Его сладость далеко превосходит сладость мёда и медовых сот — самых сладких вещей, известных миру. Но она простирается далеко за пределы всех сил, до неизмеримой бездны. Как слабые глаза не могут вынести солнечного сияния, так в тысячу раз менее природа в своей немощи может перенести это состояние. Всё, что мы можем сказать об этом, таково: как бы хорошо и полно ни могли мы постичь это умом, выразить словами или охватить разумением, всё же всё это настолько же непохоже на действительность, как если бы я сказал о куске чёрного угля: «Смотрите, вот яркое солнце, освещающее весь мир». Здесь рождается истинный мир, превосходящий всякое разумение; и так человек может здесь утвердиться в том истинном мире, которого никто не отнимет у него.

[13] Вид, который Иов видел и не распознал, был вторым Лицом Божества, Сыном Божьим; мягкое, нежное дуновение, в котором пришёл Господь, было Святым Духом. Святой Григорий говорит, что это означает: Он

пришёл в этом нежном дуновении, а в Пятидесятницу — в несущемся сильном ветре. Причина была в том, что Он пришёл к внешнему человеку видимым образом, чтобы тот мог продолжать труд на благо христианского мира. Иову это не было нужно в таком виде, поэтому Дух пришёл к нему. Блаженны сыны человеческие, способные достичь этого великого блага хотя бы на мгновение ещё до смерти. Но знайте: как бы велико и благо оно ни было, оно так же несходно со всей сладостью, которая будет нашей в вечной жизни, как малая капля воды несходна с бездонным морем.

14 Что же происходит со всеми людьми, перед которыми раскрывается и которым открывается эта радость? Они непостижимым образом погружаются в своё совершенное ничтожество, словно желали бы быть уничтоженными на сто часов из любви к Нему и ради Его хвалы. Для них было бы радостью в присутствии и благоговейном страхе перед тем великим Существом, из одной любви, достигнуть небытия; они охотно поверглись бы в самую глубокую бездну, ибо чем более признают Его величие, тем более признают собственную малость и ничтожность. Этим уничтожением себя они настолько совершенно отделились от самих себя, что, даже если бы Бог вовсе не пожелал дать такого утешения и опыта, они не желали бы их, но бежали бы от них. А если бы по собственной свободной воле они ничего этого не желали, это было бы им не во благо и легко могло бы привести их ко греху, за который впоследствии пришлось бы страдать в чистилище; это также было бы знаком, что с ними не всё благополучно. Поэтому сила любви должна всегда жаждать, тогда как умеренность и рассудительность отступают.

[15] Эти люди испытывают всепоглощающую жажду страдания. Они смотрят на него как на своё утешение и радость, данные Богом, чтобы следовать благословенному примеру Христа. Они желают, чтобы оно пришло к ним в самом позорном и болезненном виде, какой только можно вынести. Они жаждут Креста и с любовью и горячим стремлением склоняются под Крест своего возлюбленного Господа. Здесь Святой Крест поистине воздвигается в священный день Креста. Здесь страданиям и примеру нашего Господа следуют с истинным достоинством. Святой Павел, вознесённый до третьего неба, сказал: «Я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа».[22] Иов сказал: «Душа моя лучше желает удавления, и кости мои — смерти».[23] Это он избрал как лучшее из дарованного ему Богом. Это висение на Кресте есть боль для большинства людей; поскольку их Бог висел на Кресте ради них, Бог определяет, чтобы человек испытал ужасный мрак и был оставлен в своём великом бедствии. Как сила любви, зажжённая пламенем любви, может поддерживать себя, когда столь ощутимо отрезана от всякого утешения? Непорочность и умеренность приходят и говорят силе любви: «Смотри, возлюбленная, вот наследие, которое Он оставил любящим Его: душа, полная Бога, и тело, или природа, полные страдания». Чем ярче горит любовь, тем выше ценится это наследие и тем слаще оно всякого другого возможного утешения. Это вожделенное наследие, которое Господь наш обещал Своим друзьям через пророков. Чем благороднее они владеют этим наследием и любят его, тем более будут владеть также тем блаженным небесным наследием, которое Господь восхвалил перед Своими друзьями. Всю вечность они будут обладать им во всё большей полноте.

Святые мученики достигли этого наследия своей великой любовью. Им кажется, что они только начинают жить; они чувствуют себя людьми, лишь начинающими расти. Да помилует Бог тех, кто пренебрегает этим непрестанно возрастающим, истинным и святым благословением ради низких, тленных вещей; и да исповедуем мы это Ему всегда. Аминь.

Проповедь XV. На праздник святой Марии Магдалины

[1] Драгоценнейшая проповедь и вдумчивое увещание, охватывающее весь круг учения и проповеди знаменитого учителя Таулера. Об истинном самоотречении и уединении, посредством которых мы можем прийти к подлинному миру и высшей степени совершенства. Основано на словах Христа, сказанных Им в похвалу Марии Магдалине её сестре Марфе.

[2] «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё».

[3] В дорогом Господе нашем Иисусе Христе и в Его святом и плодотворном пришествии приветствую вас, верные дети Божьи, собравшиеся здесь, чтобы научиться Божественному слову и наилучшему пути к вечному спасению. Аминь. [56]

[4] Возлюбленные и избранные, усердно и внимательно слушайте голос Божий в своих сердцах, чтобы преходящие вещи и ваши собственные природные склонности не ввели вас в заблуждение и не ослепили. Если вы от всего сердца желаете стать ближайшими друзьями и учениками возлюбленного Господа нашего Иисуса Христа, вы должны освободиться от всего принадлежащего творению и особенно, насколько возможно, освободиться от всего, что по праву и по совести можно назвать необходимым. Вы должны взирать на Него одного как на Источник всего, ибо Он не нуждается ни в чьей помощи. Вы должны хранить себя отделёнными и свободными от всякого излишнего и

ненужного общения и внешнего услаждения людьми, а также от всех образов, внешних и внутренних, которые каким бы то ни было образом приятны природному человеку или которые вы сознаёте. Так вы должны поступать, подобно возлюбленной Марии Магдалине, чтобы Бог совершал в вас Свои чудные дела по Своей благой воле и изливал на вас Свою горячую, пламенную любовь и Божественную благодать, а вы, припадая к Его священным стопам, признавали, что всё, способное постигнуть вас, необходимо и установлено Его Божественным определением.

[5] Заметьте: если бы мы внутренне сознавали это, то хорошо понимали бы, как часто ненужные внешние дела любви могут ослеплять нас нам же во вред, мешая различать Божественное вдохновение и собственные немощи. Хотя такие дела могли быть совершены с великой и богоподобной любовью и сами по себе не быть злыми, всё же они — не самое лучшее и совершенное. Господь наш Иисус Христос восхвалил Марию Магдалину за её полное отделение от всех вещей, сказав: «Она избрала благую часть»,[24] — и укорил Марфу за излишнюю заботливость в её тревоге и великом служении любви: ведь она любила Его и Его избранных учеников горячей, пламенной любовью, и само по себе это было правильно и подобающе. Поэтому, если мы особенно желаем получить от Бога утешение и наставление, полезные нам и приносящие в нас плод, и истинное, совершенное отделение от всего необходимого, телесного и духовного, то весьма нужно сразу решиться отсечь от себя все ненужные дела и пути: в словах, поступках и во всём превышающем безусловно необходимое, будь то в телесном или духовном, следуя в этом наставлениям Бога и собственной совести. Особенно необходимо сторониться

и избегать всех, кто желает сбить нас с пути и внушает нам мысли о внешних вещах, как бы святы эти люди ни были или ни казались; ибо они не наши друзья в искренности и истине, будь то духовники или кто-либо иной, люди духовного или мирского склада. Нигде мы не найдём Бога столь совершенно, плодотворно и истинно, как в уединении и пустыне, подобно Пресвятой Богоматери, святому Иоанну Крестителю, Марии Магдалине и другим святым и патриархам. Все они бежали от мира, от общества, от всех тварных забот и тревог и уходили в леса, в пустыню или туда, где могли найти наибольшее уединение. О, поистине, обширные общественные связи, многочисленные внешние разговоры и необходимые дела приводят к дурной старости и изгоняют Бога, как бы добры ни были намерения. Ибо когда мы наполняем сердца творением и посторонними, бесполезными образами, Бог неизбежно должен оставаться снаружи и не желает входить туда. Бочку, наполненную отбросами или гнилью, после этого нельзя употребить для доброго, благородного вина или иного чистого питья. О, поистине, куда бы и к кому бы мы ни обратились в этой жизни, во всём внешнем мы найдём лишь ложь, неверность и разлад. Там, где мы воображаем искать и находить великие утешения и усладу, мы совершенно теряем всякое внутреннее утешение и полностью лишаемся того душевного мира, которого столь долго достигали в уединении. Мы не можем обрести его снова и становимся весьма недовольны, согрешаем ненужными, излишними и неправдивыми словами, растрачиваем время и делаем многое другое, от чего сердца наши охладевают и любовь угасает. Совесть уязвляет нас, и мы легко возбуждаемся и поддаёмся нетерпению и гневу. Горе нам! Если бы мы только могли

осознать это, мы обнаружили бы, что лишь в Боге можем иметь мир, утешение и истинно совершенные радость и усладу.

6 Обратимся к Богу всем сердцем и будем ожидать Его в кротости и терпении, как некогда ожидали святые пророки и патриархи при старом Завете; ибо они действительно терпеливо ожидали Его пришествия в аду много тысяч лет, прежде чем были искуплены. О, несомненно, нам следовало бы с большей готовностью ожидать Его, когда Он на время отнимает Своё утешение и сладость, которых мы совершенно недостойны, и скрывается от нас. Он помышляет лишь о том, что для нас лучше и полезнее, чтобы всё более и более воспламенять и пробуждать нашу любовь и жажду Его. Ибо по Своей любви и великому милосердию Он не хочет и не желает ни отказать нам в чём-либо полезном и необходимом для тела или духа, ни отнять это у нас; Он несомненно знает, что для нас лучше.

7 О Боже, как велика наша нужда в Твоём милосердии! Ибо мы столь неразумны и бессмысленны, что часто позволяем мелочам удерживать нас, воображая, будто угождаем Богу, воспевая Ему хвалу многими высокопарными словами, хотя слова Спасителя и Его возлюбленных учеников были кратки и просты. Или думаем, будто угождаем Богу и помогаем ближнему неоправданной тратой времени и многими внешними проявлениями скорби. Или полагаем, что нам хорошо и полезно вести множество ненужных дел и услаждаться другими созданиями, как бы святы они ни были или ни казались. Так даже благословенный образ дорогого Господа нашего Иисуса Христа и Его верное, отеческое, плодотворное присутствие стали вредны Его

возлюбленным ученикам, мешали им и отвлекали их, как Он Сам сказал: «Лучше для вас, чтобы Я пошёл; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придёт к вам». Или мы думаем, будто можем без духовного вреда иметь многое и держаться за это с усладой как за своё — временные блага, общество, близкое общение с родственниками или духовными друзьями — и одновременно угождать нашему дорогому Господу и пребывать в Его любви; хотя Он был презрен, скорбен и беден и Сам сказал: «Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и не получил бы ныне, во время сие, во сто крат, а в веке грядущем — жизни вечной». [57] [58] [59]

[8] В другом месте Он также говорит: «Кто не возненавидит отца своего и матери, жены и детей, братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

[9] О Боже! Если бы мы могли проникнуть в глубину любящего учения нашего дорогого Господа, мы непременно сразу признали бы, что вся наша жизнь несвята и совсем не такова, какой мы её воображаем.

[10] Если нам суждено когда-либо достигнуть истинного Божественного мира и совершенно соединиться с Богом, мы должны отбросить всё, что не является безусловно необходимым ни телесно, ни духовно, всё, что могло бы сверх должной меры встать между нами и Им и сбить нас с пути; ибо Он один желает быть Господом в наших сердцах, и никто иной: Божественная любовь не допускает соперника.

[11] О, восхвалим смерть дорогого Господа нашего Иисуса Христа и Его бесценную заслугу и поразмыслим о

краткости и преходящести этой жалкой жизни и об обманах этого неверного, предательского и лживого мира. Помните, как опасно общение с кем бы то ни было, духовными лицами или мирянами, как кратко наше время здесь и что мы должны готовиться ко дню смерти, который всё приближается. Если вы будете бодрствовать над своими сердцами, прислушиваться к голосу Божьему и учиться у Него, то за один краткий час сможете узнать от Него больше, чем от человека за тысячу лет. Дорогие дети, употребляйте это краткое, но драгоценнейшее время мудро и с пользой; пусть никто не вводит вас в заблуждение и не обманывает, чтобы вы себе во вред не пренебрегли собственным спасением. Мы можем потерять многое из мирского имущества, но можем и приобрести его вновь, хотя, когда эта краткая, быстротечная жизнь окончится, оно уже не будет нам полезно. Но если потеряем хотя бы один малый час этого драгоценного времени или напрасно растратим его, никогда уже не вернём его; всю вечность мы будем испытывать в нём нужду и окажемся лишены преизобильной вечной радости и награды, которую иначе могли бы приобрести.

[12] Я действительно боюсь, что есть великая причина для тревоги и за меня, и за всех, кто слишком привязывается к другим созданиям, сбивается с пути и напрасно тревожится, слишком много расспрашивая, слушая и говоря о посторонних и бесполезных историях. Бывает также, что Бог по Своему великому и бесконечному милосердию хранит нас от великих и грубых грехов, но всё же попускает нам оставаться в бесплодных внешних представлениях, в холодном, бездумном, неразумном состоянии слепоты, так что мы не можем и не желаем продвигаться к совершенству и потому должны будем

претерпеть огонь чистилища. Мы подобны неразумным ослам, которые никогда не учатся никакой иной речи, кроме собственного рёва, и не ищут иного утешения или сладости, кроме грубого, безвкусного чертополоха, а между тем терпят презрение и множество тяжёлых, жестоких ударов, которых в действительности не заслуживают. Несомненно, если мы не желаем отказаться от внешних привязанностей и рассеяния только ради Бога и собственного вечного спасения, то должны были бы охотно сделать это ради великого сердечного мира, который стал бы нашим уже в этом мире, и потому, что освободились бы от многих болезненных и незаслуженных притеснений и затруднений. Поистине, человек, желающий всегда доказывать свою правоту во всём, что делает, видит, слышит и обсуждает, и не желающий уступить и умолкнуть, никогда не будет иметь внутреннего мира; его ум будет бесплодным, угрюмым и блуждающим; он будет терзать себя, даже если все оставят его в покое и никакое внешнее давление его не испытывает. Всё, чем мы обладаем телесно и духовно, мы должны с полным доверием вручить Богу и позволить Ему действовать в нас по Его воле; тогда мы достигнем совершенного мира. Он может гораздо лучше руководить нами и приуготовлять нас во всём телесном и духовном, для нашего телесного и духовного блага, если найдёт, что мы искренне желали и искали во всём лишь Его хвалы и славы. Это поистине должно удовлетворять нас; нам уже не нужно ни о чём заботиться или тревожиться, ни снаружи, ни внутри, но следует стремиться лишь к тому, чтобы во всём смирении совершенно отдать себя под Его охрану. Если Он сочтёт нужным, то многими способами может показать, что нам следует делать, а чего не делать; ибо Он один знает, что нам действительно необходимо, и

желает только наилучшего для нас, — если бы мы лишь всецело вверились Ему.

13 Но мы хотим сами устраивать свои пути и делать то, что считаем наилучшим, как нам вздумается и нравится, быть может, руководствуясь одним лишь светом природы. Мы хотим быть мудрее Бога, Источника всякой мудрости, и воображаем, будто, если бы только избавились от этой скорби или от того человека или могли бы находиться при таком-то дворе либо в таком-то обществе, это принесло бы нам пользу и выгоду. Поистине, если бы мы могли это увидеть, то обнаружили бы, что злой дух охотно обманывает нас и уводит наши сердца с пути, делая нас беспокойными и недовольными. Стойкость — не только один из источников, но она также причастна всем остальным добродетелям; поэтому лукавый при всяком удобном случае всегда старается помешать людям твёрдо держаться этой добродетели. Но если бы мы усерднее старались распознать его, то поняли бы, что тайно и по неведению ищем при свете природы. Мы воображаем разные вещи, лжём себе и готовы бежать от Креста и бросить его прежде, чем Бог сочтёт нужным его снять. Поистине, так не должно и не подобает быть; ибо наш дорогой Господь по Своей великой любви и милосердию к избранным непрестанно скорбями распинает их в этом мире многими тайными, необычными путями, часто им неведомыми. Он не желает, чтобы они слишком любили что-либо в этой жизни, дабы злые духи никогда не получили над ними власти. Наш дорогой Господь скорбями распинает одного человека одним путём, другого — иным; одного больше, другого меньше, сообразно нуждам каждого и его способности принять благодать Божью и приблизиться во всём к Его воле. Поэтому мы должны быть готовы страдать и покоряться в

одном виде страдания и нужды так же, как в другом, — как Бог сочтёт нужным нас испытывать. Не следует сразу думать, будто, получив какое-нибудь действительно Божественное свидетельство или удостоверение от Бога или от Его друзей, мы обрели бы больше мира; ибо нередко, стараясь избежать малого страдания или подвига, мы лишь ещё глубже в него погружаемся.

[14] Горе нам! Если бы мы только не были столь неразумны, а сознавали, как сильно малейшее страдание или скорбь очищает нас и соединяет с Богом и в Боге, как велика будет наша вечная награда и как быстро это гонит и прогоняет от нас злого духа, лишая его всякой власти над нами, то мы, несомненно, были бы готовы бежать многие мили ко Кресту и искренне благодарили бы всех, кто каким-либо образом огорчал или испытывал нас. С истинной радостью и благодарностью мы поворачивали бы на дорогу, которой они идут, и безмерно радовались бы, что смогли найти и понести столь тяжёлый Крест. Так поступил святой апостол Андрей: он чрезвычайно радовался Кресту и жаждал его с горячей любовью и желанием, потому что стремился хоть в какой-то мере уподобиться своему Богу и Господу, распятому ради нас. О, как велика и прочна уже в этой жизни награда, которую мы могли бы получить, если бы только всецело и радостно предались воле Божьей! Страдание и всякого рода скорбь действительно драгоценнейшие и плодотворнейшие дары; они делают людей столь подобными Ему, что Господь наш не оставит без страдания ни одного Своего друга. Ибо, чтобы Его избранные не остались без воспитания и приготовления, Он готов создать страдание из ничего и попускает испытывать их всякого рода неразумными и нечестными вещами, дабы через них они были приготовлены.

15 Но, увы, в нынешние времена мы совершенно недостойны этих плодотворных даров Божьих: мы беспечны и невосприимчивы. Мы ограждаем себя от них и боремся с ними всеми силами, ибо не позволяем никому испытывать или огорчать нас ни словом, ни делом. Когда кто-нибудь нападает на нас, мы тотчас бросаемся на него, как злые собаки; мы настаиваем на своём и оправдываемся словами или в уме, думая, что были правы или неправы и что никак не должны позволять себя притеснять. Увы! Почему наша природа столь неукрощённа, дика и неумерщвлена и почему мы столь неразумны? Нам следовало бы считать страдание и скорбь необходимыми для нас, хотя мы их недостойны, и всегда благодарно и смиренно принимать добрые дары Божьи в молчании, смирении, кротости и терпении, подобно тому праведному и стойкому Иову. Мы всегда должны чувствовать, что виновны и страдаем справедливо, как бы несправедливо, по нашему мнению, с нами ни обошлись; и не должны оправдывать себя. Так мы можем достичь истинного Божественного мира и побудить ближних ко всем добродетелям. Это было бы похвальнее и угоднее Богу, чем любой внешний подвиг, который мы могли бы придумать и исполнить для себя.

16 Знайте, дорогие дети: если бы всех наших учителей похоронили и все наши книги сожгли, мы всё же нашли бы достаточно наставления и противопоставления самим себе в жизни и примере Господа нашего Иисуса Христа, где бы ни возникла нужда, — если бы только прилежно и усердно учились тому, как Он шёл впереди нас в молчаливом терпении, кротости, бедствиях, искушениях лукавого, покорности, презрении, бедности и во всякого рода горьких страданиях и боли. Несомненно, если бы мы чаще рассматривали себя в этом полезнейшем и

спасительнейшем Зеркале, то охотнее и радостнее переносили бы скорбь и бедствия и лучше могли бы преодолевать искушения и злые внушения и противостоять им, каким бы путём они на нас ни нападали и ни встречали нас. Всякое страдание и всякий труд было бы гораздо легче и проще переносить и нести, и тогда всё увиденное и услышанное служило бы лишь нашему благу.

17 Ибо, если мы хотим достигнуть великого и плодотворного мира в Боге, в природе, но не от мира сего, мы должны прежде прилежно и усердно учиться обращать всё к лучшему и благожелательно, кротко переносить поведение всякого рода людей, их нравы и обычаи, ибо они часто будут испытывать и огорчать нас. Чужое поведение и привычки часто будут раздражать нас и вызывать неудовольствие: нам покажется, что один говорит слишком много, другой слишком мало; один слишком ленив, другой слишком деятелен; один ошибается в одном, другой — в другом. Обычаи и обыкновения столь многочисленны и разнообразны, что нападают на нас многими тайными и неожиданными путями. Мы должны учиться энергично противостоять им всем, чтобы они не пустили в нас корней. По немощи мы не всегда можем сохранить сердце свободным; но по крайней мере можем решительно сдерживать всякую вспышку в словах, чтобы ни осуждать других, ни судить их, ни много говорить об их жизни и делах, открыто или тайно, как бы сильно ни были искушаемы. Поступая так, мы много приобретём: нам будет гораздо легче удерживаться от вспышек, ибо мы станем склоннее к миру и доброжелательности и способнее терпеть. Дорогой Господь наш Иисус Христос дал нам пример, столь мягко и кротко позволяя предателю Иуде и всем ненавидевшим

Его оставаться рядом с Ним, хотя Он знал всю их ненависть и неверность к Нему, за которые Он, Сам без вины и греха, мог бы справедливо их наказать. Никто в этом мире не совершенен настолько, чтобы, исследовав собственное сердце, не найти в нём достаточно греха, от которого надо избавиться, и потому не оказалось бы, что он не вправе обличать других.

18 Поэтому, дорогие дети, по моим немощам учитесь познавать свои и избавляться от них. Все мои слова, но не мои дела, принимайте как от Бога, ибо я изучил их все в книге моих преступлений; серьёзно примите их к сердцу как мягкое предостережение и увещание, а не как наставление, ибо я знаю, что сам действительно нуждаюсь в учении от вас и от всех людей. Кто не трудится у себя дома с собранным умом и чистым сердцем в истинном смирении, тот не может энергично противостоять искушению и признавать истину со всей искренностью. Добровольная нищета лучше всех благ мира сего, а единение с Богом — лучше неба и земли, полных благословений, дарованных по повелению Божьему. Да будет с вами вечный мир Божий во все времена и во всю вечность. Аминь.

Проповедь XVI. На праздник святого мученика Лаврентия

[1] Кто истинные служители Божии, которые служат Ему поистине и следуют за Ним, как бы и куда бы Он их ни повёл. О причинах рассеянности помыслов и недовольства души внешними обстоятельствами. Как человек, служащий Богу, должен быть уверен в своём вступлении в вечную жизнь, а не только предполагать его. Как ему упражняться в этой жизни, чтобы возрастать в познании и всё более приближаться к Богу.

[2] *Qui mihi ministrat, me sequatur.*

[3] «Кто Мне служит, Мне да последует». [60]

[4] Эти слова исполнены истины и наставления. Они просто открывают нам, кто истинные служители Божии, которые поистине служат Богу и следуют за Ним, и как и куда Он их ведёт. Бог ведёт не всех Своих служителей одной дорогой, не одним способом и не в одно время; ибо Бог — во всём. И тот человек неправильно служит Богу, который способен служить Ему лишь избранным по собственной воле способом. Если такие люди не могут идти привычным путём, они ничего не умеют сделать как следует; и когда Бог хочет повести их иной дорогой, они поворачивают назад и расточают свои привязанности на окружающие вещи. Они не служители Божии, ибо отворачиваются от Бога, Которому одному должны служить во всякое время, во всяком месте и всеми своими делами. Поскольку Бог — во всём, а они не во всём служат единственно и всецело Ему и не ставят Его перед собой истинно и искренне, они растрачивают предоставленные

им возможности и недовольны всеми своими делами и путями, всеми людьми и всеми местами.

5 В чём причина этой рассеянности и этого недовольства? Первая причина в том, что Бог не вошёл в твоё сердце и не укоренился в нём; вместо этого ты выдумал и создал себе бога, которого желаешь иметь в своём существе, но которого нет. Потому, когда исчезает твоё воображение, исчезает для тебя и присутствие Бога. Вторая причина в том, что человек отдаётся вещам, воспринимаемым чувствами, и привязывается к ним. Кто желает сохранить себя неосквернённым, должен дать всему внешнему и видимому пройти мимо и пробиваться вперёд, словно сквозь то, чему он не придаёт значения, пользуясь лишь тем, что совершенно необходимо в настоящий час. Но если и тогда он обнаружит нечто ненужное, пусть держится от этого в стороне и не отдаёт ни времени, ни места ничему сущему, что не пребывает в Боге. Правильно поступает тот, кто действует так, словно говорит: «Я помышляю лишь о Боге, ищу лишь Бога и следую лишь за Богом». Ему следует приветствовать всех встречных и благословлять Бога, продолжая свой путь; ибо что могло бы быть для него более подобным аду или диаволу, чем отсутствие любви к Тому, Кого жаждет всякая тварь? Человек должен со всей силой устремляться вперёд сквозь все препятствия, преодолевая их в Боге. Пусть он не слишком тревожится о том, что задерживает его, будь то любовь или скорбь, и не пересказывает того, что его не касается, — чтобы Бог открывался ему во всём и чтобы он сохранял невозмутимость духа. Это возможно лишь тогда, когда человек обращает всю свою любовь к одному Богу и ни к чему другому.

[6] Но если против твоей воли к твоему делу примешается нечто, не принадлежащее одному Богу, то, как только ты это заметишь, встряхнись и поверни свой корабль рулём рассудительности. Когда служитель Божий поступает так, сколько бы отвлекающего ни проникало в его дела и пути, он несомненно не придёт в смятение и не собьётся с дороги. Даже если он не сознаёт в себе присутствия Бога, Бог всё же несомненно там; поэтому, если ни грех, ни тварь не изгонят Его, никакие дела и неожиданные события не нарушат покоя человека. Но если его дела и пути лишают его мира, он непременно узнает — сам или от других, — что истинного основания недостаёт либо оно разрушено: дела его совершались неправильно, и не все его поступки были поистине сосредоточены в Боге. Если же человек обнаружит, что Бога в нём нет, пусть всеми силами ищет Его, чтобы найти; и пусть устранит всё, что может ввести его в заблуждение, что бы это ни было и как бы ни называлось. Иначе он уподобится человеку, у которого в теле засела стрела: вытащить её без боли он не может, но, если не вытащит, ему предстоит ещё большая боль и мука.

[7] Поистине, если что-либо для тебя яснее, чем один Бог, или если Он не является истинным Источником этого, такому не должно быть в тебе места. Если ты не можешь перенести первое страдание, каким бы оно ни было, за ним последует большее; и тогда беда пойдёт за бедой, даже сверх того, что человек способен представить. Твой ум должен быть свободен от всего прочего, чист и устремлён к одному Богу, наполнен лишь Им и ничем иным, словно ты готов сказать: «Дорогой Господи, если бы я только мог хоть сколько-нибудь явить Тебе любовь во всяком месте и перед всеми людьми, я принялся бы за это со всем смирением». Если же человек склоняется к

выбору того, что стоит рядом с Богом, пусть стремится обрести любовь, избирает бегство от всякой рассеянности и прилежно, всеми силами обращает помыслы внутрь. Человек должен служить Богу во всём — внешне и внутренне, во всех своих поступках, — не по собственной воле, а по возлюбленной воле Божией. Ибо если человек не имеет Бога в сердце, он ступает неуверенно и без защиты, как говорит Священное Писание: «Горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его».[25] Поистине одинок тот, кто не имеет Бога всегда внутри себя, в своём сердце и на всех своих путях. Но если бы он прежде всего искал убежища у Господа нашего, тогда его крепость, то есть сердце и душа, была бы хорошо защищена и снабжена стражей, и враги не смогли бы одолеть его. Человек, который держится Бога и желает только Его, обнаружит, что Его вполне достаточно. Всё станет для него дорогой к Богу; и, довольствуясь всем, что ни случится, он достигнет мира с собой и со всеми людьми.

[8] Так люди, которым Бог поистине присутствует повсюду, будут преуспевать больше и быстрее достигнут всех добродетелей, чем там, где больше равенства. Ибо когда люди находятся на одном уровне, им нужно усердно бодрствовать над своим умом и внимательно исследовать свои отклики во всех поступках, в любви и в скорби. Но когда люди неравны, дело обстоит иначе: тогда это обнаруживается само собой — через человеческую испорченность и подчинённое положение; и в своём отклике на неравенство человек непременно осознает, действительно ли он верный служитель Божий. Если случится, что сам человек падёт, он не останется надолго в этом состоянии, но, возлагая вину на собственную малость и ничтожество, быстро и со всем смирением

вновь обратится к Богу, своему истинному Основанию. Если же он надолго задержится на своём падении и станет разбирать, как он уступил и следовало ли ему сделать то или другое, неправедность лишь дольше будет удерживать его. Если желаешь быть в безопасности, немедленно обратись в своей опустошённости к Богу. Если ты оказался непостоянным, как лучше вновь обрести постоянство, если не в одном Боге? Как лучше избегнуть смерти, если не посредством истинной, действительной Жизни, которая есть Сам Бог? Где человеку лучше согреться, как не у огня? Так и в Боге. Человек должен принести Богу всё, что его касается, и всё оставить Ему. Бог устроит для него всё наилучшим образом. Пусть он доверит Богу всё и, пребывая в этом доверии, будет готов принять всё как лучшее и покоиться в мире.

9 Но если человек не хочет вполне предаться Богу и довериться Ему, а желает сам хлопотать обо всём и исполнен забот, Бог часто попускает ему впасть в бедствие и скорбь, чтобы он увидел, далеко ли может зайти собственными силами. Если же он во всём вверяется Богу с полным доверием, Бог совершенно несомненно позаботится о нём — внешне и внутренне — гораздо лучше, чем могла бы какая-либо тварь. Ибо Бог исполнен благодати и истины, и чего бы мы ни попросили у Него с полным доверием, мы непременно получим; ведь как невозможно любить Бога чрезмерно, так невозможно и чрезмерно доверяться Ему, если в остальном наши намерения правы и добры. Этот истинный мир человек находит в глубине собственного сердца, которое есть истинное жилище Божие. Впервые обращаясь к Богу, он непременно должен освободиться от всего, должен иметь для Него досуг, время и место. Там, в сокровеннейшей глубине человеческого сердца, это дерево вырастет со

всеми своими ветвями и плодами. Ибо внутри, когда всё прочее устранено, человеку откроются пути и средства прихода к Богу; он научится также понимать, как Бог поступает с ним; и чем больше он отдаётся этому познанию, тем яснее откроются ему пути Божии.

10 Когда человек обнаружит отсутствие этого в себе или в других, пусть поймёт: путь туда разрушен, так что Богу не предоставили ни времени, ни места, ни досуга, и человек несомненно не искал этого познания внутри.

11 Знай: такие люди всю жизнь полагаются на видимость духовности в собственных поступках, между тем как сами себя не знают и никогда не обретают себя в Боге; этим они пренебрегают. Они убеждают себя, что предались воле Божией, тогда как проявляют преступную беспечность; затем происходит и другое, что отнимает у Бога принадлежащее Ему место: они заполняют его собой либо чем-нибудь своим. Человеку так же невозможно обладать Богом без любви, как невозможно существовать без души, сознаёт он это или нет. Так он продолжает слепо и бесстрашно идти, доверяясь своему виду духовного человека или совершаемым добрым делам, избегая самоиспытания и воображая, что избрал верную дорогу. Когда такой человек приходит к своему концу, он обнаруживает вечную смерть; ибо он не шёл тем Путём, который есть Сам Христос, сказавший: «Я есмь путь и истина и жизнь». Кто не идёт этим Путём, тот заблуждается. Поистине позорно и весьма преступно, что человек изучает и знает столько других вещей, а себя самого не знает и не желает знать. [61]

12 Дорогие дети, никто не должен позволять себе сомневаться в собственной вечной жизни; нужно быть уверенным в ней, а не только воображать её. То есть

человек должен знать, имеет ли он Бога внутри себя, в своём сердце, а с другой стороны — действительно ли он жаждет Бога. Если он не обладает этим истинным знанием, пусть ищет его у мудрых и святых людей, чтобы знать достоверно, а не только воображать, как обстоит с ним дело. Все святые вместе с Девой Марией и всеми творениями не смогли бы вымолить для такого человека у Бога даже кровавыми слезами ни одного мгновения сверх того, что он заслужил в этой земной жизни. Готовые с радостью вошли с Женихом на брачный пир; тем же, кто не был готов, но хотел ещё приготовиться, Он сказал с клятвой: «Истинно говорю вам: не знаю вас». Где же Он не знал их? Среди тех, кого Он знал как Своих в Царстве Небесном и кто стоит пред Ним, перед лицом Его, — среди этих небесных воинств Он их не знал, ибо они пришли слишком поздно. Как бы громко они ни стучали, Господь не отворил им двери. [62]

[13] Святой Августин говорит: «Нет ничего вернее смерти и ничего неизвестнее часа смерти». Ибо где бы и как бы она ни пришла, её времени и часа не знает никто. Поэтому нет ничего необходимее, чем всегда быть готовыми и знать, что мы готовы, а не только надеяться на это. Мы поставлены в этой жизни не лишь для совершения дел, но и для познания, чтобы дела наши вырастали из знания, как плод вырастает из дерева. Потому наше дело в этой жизни — возрастать в познании и тем приближаться к Богу. Того, кто пробился сквозь препятствия, кто по воле Божией способен вознести свой ум над этим миром и верно устроил свою жизнь и тайные помыслы, земные вещи не приведут в смятение, не рассеют и не задержат; они лишь будут побуждать его обращаться к Богу. Поэтому, если ум человека и его внутренние склонности с чистым намерением твёрдо

обращены к Богу, пути его устроены в мире и он остаётся невозмутимым во всех добрых делах, это верный признак, что он праведный человек и все его дела чисты и истинны. Этого он, по-видимому, во всякое время горячо желает; ибо он подобен мёртвому телу, погребённому в земле, чтобы душа его могла быть погребена в глубинах Божества. Для этого и ни для чего иного мы поставлены в этом мире. Чем мы здесь пренебрежём, то будет потеряно для нас на всю вечность. Кому принадлежит надпись на монете, тому монета совершенно непременно будет отдана. Поэтому каждому следует часто исследовать своё сердце и прилежно искать, пока он не найдёт, чья надпись на нём: что он больше всего любит и о чём помышляет — о Боге, о себе или о созданных существах, живых либо мёртвых. То, что больше всего наполняет его ум, сердце и душу; то, на что он радостнее всего откликается извне или изнутри, — потребует монету с надписью и получит её без всяких расспросов. Человек, который исследует это с истинной тщательностью, непременно узнает, кому принадлежит; это будет не одно лишь предположение. Ибо если ты в своём сердце думаешь о чём-нибудь и любишь что-нибудь, что не принадлежит истинно и единственно Богу и источником чего служит не Он, а ты сам, — что бы это ни было и как бы мало оно ни было, — если сознательно и намеренно оставляешь это в себе, Бог никогда поистине не будет обитать в тебе. Даже если бы ты пролил столько слёз, сколько капель в океане, это не помогло бы: ты останешься лишённым Его присутствия, пока длится вечность.

[14] О дети! Что делают бедные люди, когда, имея зрячие глаза, позволяют твари ослеплять себя и не хотят остерегаться собственной обманчивой природы, которая

столь тайно поглощена собой и другими вещами! Поэтому испытывайте свой ум — внешне и внутренне; желайте лишь Бога; отдавайте Ему свободные, опустошённые и безмятежные сердца, в которых вы поистине не оставляете места самим себе, чтобы Он совершал в вас Своё благородное дело и чтобы в них нашлось место Ему и никому другому. Да поможет нам Бог хранить себя такими свободными и незанятыми. Аминь.

Проповедь XVII. На Успение Пресвятой Девы

[1] О том, что нам не следует с услаждением искать покоя ни в земных, ни в духовных вещах, но лишь в нашем неведомом Боге. Как нам пребывать в Божественном наследии, чтобы достигнуть вечного; или как нам с любовью и благодарностью участвовать в страданиях и жизни Господа нашего в этой жизни, чтобы обрести прославленное наследие Его драгоценного Божества.

[2] *In omnibus requiem quaesivi, et in haereditate Domini morabor.*

[3] «Во всём этом я искала покоя и пребуду в наследии Господнем». [63]

[4] Премудрый произнёс эти слова, а мы относим их к нашей возлюбленной Владычице, которая по праву могла сказать: «Во всём этом я искала покоя и пребуду в наследии Господнем».

[5] Эти слова как нельзя лучше подходят к нашей возлюбленной Владычице, ибо мыслью она воспаряла выше небес, спускалась в самые глубины ада и морские бездны, обходила всю поверхность земли, и всё же не находила покоя. Никому в этой жизни не следует стремиться взлететь столь высоко; но каждому следует назначить час на каждый день, чтобы воздавать нашей Владычице особое служение и хвалу и усердно молить её наставить нас, привлечь и помочь нам прийти к её возлюбленному Чаду, ибо её достоинство превосходит всякую оценку и меру.

[6] Какое чудо, что она положила себе на грудь своего Создателя и своего Бога, любя Его с силой, превышающей всякое воображение; и всё же никогда не сомневалась, но всегда была уверена, что Он — её Бог. Она могла обращаться с Ним как Его Мать, а Он ходил с нею как её Дитя; и всё же ни на одно мгновение за всю свою жизнь она не довольствовалась этим, но мыслью неизменно воспаряла выше и терялась в Божественной Бездне, в которой одной обретала свой покой, своё наследие и своё жилище.

[7] Дети, яд первого грехопадения проник в самую глубину нашей природы. Мы сотворены и поставлены между двумя пределами: временем и вечностью. Время должно быть для нас лишь переходом к конечной цели, а вечность — нашей целью и нашим жилищем. Но бедный человек, к несчастью, вследствие своей падшей природы и слепоты подвергается нападению всего именно с самой слабой своей стороны: он располагается отдохнуть в пути и забывает своё истинное предназначение. Его природа прилепляется ко всему, с чем соприкасается; хватается за что угодно и ищет в этом покоя — телесного или духовного, внутреннего или внешнего. Совершенно очевидно, как мирские люди ищут своего покоя и удовольствия; впоследствии они непременно узнают, как обстоит с ними дело. Но те, кто под духовным обликом скрывает мирское сердце и находит покой во временных вещах, кто бы они ни были и какие бы заботы ни угнетали их, — если бы только знали, обнаружили бы такое, от чего их сердца сжались бы от ужаса. Всё необходимое Бог создал не ради нашего удовлетворения или удовольствия, а единственно для Себя.

[8] Дети, меня совершенно неверно поняли бы, если бы решили, будто я сказал: «Я не стану слушать ничьей исповеди, если человек не обещает делать то, чего я хочу». Было бы весьма неправильно говорить: «Чего я хочу». Я ничего не требую ни от кого сверх написанного и прошу, чтобы никто не давал мне такого обещания. Я не могу разрешить от грехов никого, кто не сожалеет о своих грехах; не может этого и сам папа, если человек не желает исправить свою жизнь и остерегаться греха, а также, насколько это в его силах, причин греха. Некоторые люди охотно и сознательно держатся причин греха, а потом идут на исповедь и принимают Тело Господне, не желая признать своего греха. Поскольку они не крадут и не предаются нечистоте, то и продолжают жить по-прежнему. Пусть сами судят, как могут получить разрешение; пусть разберутся, какое тут возможно покаяние и сокрушение, когда они так ищут покоя и мира, находя удовлетворение вне Бога — в ближних, одежде, пище или телесных удобствах. Такие люди ищут также покоя в духовных делах и в том, что кажется добрым. Сделав что-нибудь дурное, они спешат на внешнюю исповедь, прежде чем исповедаться Богу в сердце и смиренно признать себя виновными. В этой внешней исповеди они ищут естественного успокоения, чтобы обрести мир и чтобы упрёки и обличения собственной совести утихли и умолкли; ибо после исповеди их ум успокаивается и они довольны. Исповедь и обличение подобны свежей ране: они трут и счищают порчу греха.

[9] Природа ищет покоя и в духовных упражнениях. Некоторые люди столь крепко держатся своих внутренних дел и путей, упражнений и сокровенных подвигов, что эти добрые вещи уводят их от Господа к меньшим истинам.

Одним словом, всё, в чём человек ищет покоя и что не всецело пребывает в Боге, повреждено, каким бы добрым оно ни было или ни казалось: бесформенным или пустым, лишённым смысла или наделённым смыслом и пользой. Всё, в чём человек с услаждением успокаивается и чем обладает, повреждено. Ищи лишь простого погружения в то обнажённое, единое, неведомое, безымянное, сокровенное Благо, которое есть Бог, отрекаясь от себя и от всего, что может обнаружиться в тебе самом. Как говорит святой Дионисий: «Бог — не только то, что ты можешь воспринять от Него. Он превыше всякой премудрости, превыше всех существ, превыше всякой благости, превыше всего, что ты можешь воспринять или узнать о Нём. Он больше и выше всего, что способен постичь человеческий разум; выше и всё же ниже, больше и ещё больше, и далеко превыше всего». Ищи покоя в этом неведомом Боге, но не жди ни вкушения, ни видения. Поступай как собака, которая приходит и находит хороший кусок мяса, но не смеет его тронуть и убегает, потому что привыкла к жестоким ударам. Впоследствии ты увидишь, что так и есть; лишь держись смиренно в своём совершенном ничтожестве, которое поистине есть твоё действительное состояние. Если в тебе что-нибудь есть, оно принадлежит Ему, а не тебе; и не сворачивай к тому, что представляется тебе ясным, хотя бы оно было лишено формы и чувственного восприятия и было сверхъестественным. Люди говорят: «Всё это для меня действительно, и это доказывает, что здесь Бог». Дорогое дитя, не обращайся туда за покоем; оставь это, что бы оно ни было; не спрашивай больше, но держи себя внизу; погрузись ниже своего неведения и не желай знать. Сохраняй свою нищету в своём сокровенном неведомом Боге и верь, что ты не тот человек, который

способен каким-либо образом постичь великого, неведомого и сокровенного Бога. Покойся в Нём и обитай в Нём, а не во вкушении и видении.

[10] У пророка Иезекииля написано: «Люди, входящие во святилище… не будут иметь удела; Я — их удел». Хотя прежде всего это относится к священству, в духовном смысле оно относится ко всем людям, желающим войти во Святое святых, то есть в сокровенную тайну Божию. Им не следует иметь наследия, потому что их наследием должно стать Божественное, неведомое, безымянное, сокровенное Существо Божие. Им не следует склонять головы ни перед чем иным — ни внешним, ни внутренним, — иначе оно будет повреждено. Не обращайся к этому, как если бы всё было дурно. Принимай лучше то, что сурово и неровно, чем вкушение и чувствование. Дорогое моё дитя, не успокаивайся, не ищи своего. Когда Богу угодно было творить и создать всё, перед Ним не было ничего, кроме ничто. Он создал всё не из чего-то, а из ничего. Когда Бог желает действовать один, Ему не нужно ничего, кроме ничто. То, что есть ничто, восприимчивее к Его делам, чем то, что есть нечто. Если ты желаешь непрестанно быть восприимчивым ко всему, что Бог может даровать, совершить и пожелать увидеть в жизни и существе Своих избраннейших друзей, и особенно если желаешь, чтобы Он излил на тебя все Свои дары, — прежде всего позаботься о том, чтобы поистине, в самой глубине сердца, ты был ничем; ибо наше самоутверждение и самоуслаждение мешают Божию делу в нас. Святого Иова похвалил Господь наш, сказав, что он праведен и непорочен, что нет ему равного и что он никогда не произносил неразумного слова; и всё же Иов сказал: «Всё, что имею, сойдёт в глубочайшую преисподнюю». [64] [65]

11 Этим святой муж имел в виду не себя и всё своё как сотворённое из ничего, потому что в этом человек не принимает участия; он говорил о себе и обо всех принадлежащих ему, которые обратились в ничто через свои грехи. Этот праведник за свою вину желал сойти в самые нижние глубины бездны, в величайшее страдание и глубочайший мрак ада, словно разумно рассуждая о своих грехах или о навлечённой на себя вине и о том, можно ли сделать достаточно: он желал претерпевать самую суровую и острую боль и никогда не избавляться от неё, пока не принесёт удовлетворения за это бремя вины.

12 Подобным образом говорил один из наших братьев по имени Вигман. Он столь глубоко сознавал своё ничтожество, что не находил себе места нигде, кроме самых нижних глубин ада, во владениях Люцифера. Когда он лежал там, то услышал голос с высочайших небес: «Вигман, взойди к высочайшему Престолу, к Сердцу Отца». Григорий говорит, что эти люди ищут смерти и не находят её. Такая любовь в бездонном обращении себя в ничто отвечает жизни в истине — не искомой, не желаемой, не намеченной заранее; ибо чем ниже, тем выше, и чем меньше, тем больше.

13 Теперь возьмём слова нашей возлюбленной Владычицы: «Я пребуду в наследии Господнем». Есть два наследия, в которых нам следует жить. Одно — временное: достойная жизнь со страданием по подобию Господа нашего. Другое наследие, которого мы ожидаем, — прославленное наследие блаженного Божества; нам дано обещание, что мы будем сонаследниками Его и домашними Ему на протяжении вечности. Если мы обладаем этим временным наследием в вере, любви и благодарности — то есть страданиями и жизнью Господа

нашего, — в той же мере, в какой упражнялись в этом, мы будем обладать и вечным наследием, только ещё богаче и блаженнее.

14 Все раны Господа нашего исцелены, кроме Пяти Ран, которые останутся открытыми до Судного дня; сияние Божества, исходящее из них, и блаженство, которое святые и ангелы получают от них, невыразимы. Эти пять Дверей должны быть нашим наследием здесь; через них мы должны войти в наше вечное наследие, в наше Отечество. Святой Дух — привратник, страж этих дверей. Его нежная любовь всегда готова отворить нам, когда мы стучим, и впустить нас, чтобы через них мы вошли в наследие Отца; и несомненно, ни один человек, входящий этим путём, не может заблудиться.

15 Эти Пять Ран должны преподать нам пять уроков, которые приведут нас ко всем средствам исцеления: страдание, молчание, воздержание, презрение к мирскому и самоотречение в истинной преданности воле Божией. Пади перед левой Стопой и черпай из неё силу избегать всех удовольствий и услаждений, которыми ты обладаешь или желаешь обладать вне Его. Затем со всей силой погрузись в рану правой Стопы и научись переносить всё, что может постигнуть тебя изнутри или извне, по какой бы причине это ни произошло. Потом черпай сладость из правой Руки и моли Бога дать тебе силу хранить молчание внешне и внутренне. Никакое зло не может постигнуть того, кто обладает этими добродетелями и хранит молчание обо всём. Затем черпай из левой Руки силу презирать всё временное — внешнее и внутреннее — и все перемены и случайности, которые ты любишь и о которых заботишься вопреки Ему. Потом со всем, что у тебя есть, устремись к Его дорогому Сердцу,

которое Он открыл для Своих, охотно отдающих Ему свои сердца. Там Он обнимет их объятиями Своей великой любви, и тогда они будут вечно получать от Его достояния. Затем человеку надлежит научиться всегда и во всём отрекаться от себя: в любви и скорби, в обладании и нужде, во времени и вечности — как хочет Господь и как Ему угодно совершать это в тебе и во всех творениях.

16 Так, и во многих святых размышлениях, упражняйтесь в этом блаженном наследии и входите в вечное наследие этими надёжными Вратами. Приносите Небесному Отцу Его безвинное страдание за своё виновное страдание, Его безвинные помыслы за свои виновные помыслы и Его святое слово за свои виновные слова; подобным образом приносите все Его дела, Его смирение, терпение, кротость и любовь за всё, чего недостаёт вам внешне и внутренне. Если здесь вы так обладаете этим наследием вместе с Ним, будущее наследие обеспечено вам, чтобы вы вечно обитали и покоились в наследии Господнем. Аминь.

Проповедь XVIII. На праздник святого Августина

[1] Как человек должен строго бодрствовать и стоять на страже всей своей жизни и своих духовных упражнений. Как дивно Бог возносит тех, кто поистине ожидает Его, далеко превыше всего временного, а затем ради их блага поражает и смиряет их всевозможными скорбями и искушениями, чтобы побудить их и помочь им идти самым надёжным путём к вечному спасению.

[2] *Vigilate, quia nescitis, qua hora Dominus vester venturus sit.*

[3] *«Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет».* [66]

[4] Святой Августин говорит: «Вы должны бодрствовать, ибо не знаете, когда Господь придёт на брачный пир».

[5] Враг непрестанно пускает в ход всё своё коварство и искусство, чтобы погубить нас навеки. Он постоянно высматривает час или мгновение, когда мы нерадивы в размышлении, забыли открытым окно своего воображения и не стоим на страже; тогда он тотчас прокрадывается внутрь и крадёт всё наше добро. Поэтому охраняйте свои окна и бодрствуйте, чтобы он, словно вор, не подкопал ваш дом; потому бодрствуй непрестанно, всеми силами и с собранным умом. Ибо едва человек даст место гордости, начнёт довольствоваться собой, станет самонадеянным и своевольным, враг уже тут как тут и похищает его кошель с добрыми делами. Дети, что увидите и обнаружите вы после этой жизни у тех, кто славился суровыми подвигами и добрыми делами, носил

громкое имя и производил большое впечатление, но чьи самодовольство и любовь к удобствам настолько лишили их всего, что они будут рады, если их поставят среди крестьян, людей неучёных и неопытных! А некоторые бедные, простые люди, никем не почитаемые, благодаря своему смиренному и угнетённому положению окажутся так высоко над ними, что будут едва им видны. Поэтому бодрствуйте с мужественным сердцем и открытыми глазами и взирайте на простую истину, не делая различий между мыслями, словами, трудами и делами, во всех поступках, в добродетельных делах и в терпеливом перенесении страданий; испытывайте себя внешне и внутренне.

6 Дети, вы не знаете, в какой опасности находитесь из-за своей природной слабости, своих страшно злых грехов и того великого и непревзойдённого блага, которое могли бы непрестанно получать от Бога. Вы не знаете, как Его ясные Божественные очи исследуют нас насквозь; между тем человек, столь исполненный нечистоты, стоит перед Ним, и всё, что не очищено от того, что поистине не от Бога, раскрыто перед лицом Божиим.

7 Как глубоко почувствуем мы свой стыд и как несомненно всё будет судимо! Написано: «И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» Святой Августин говорит: «Горе всем пребывающим в неправедности, если Бог не будет судить их по милосердию». Потому, если бы вы могли узнать, в какой опасности находятся все, кто желает чего-либо иного, кроме Бога, ваш человеческий ум не смог бы этого вынести. Святой Иов сказал: «Доколе же Ты не оставишь меня, доколе не отойдёшь от меня, чтобы мне проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе,

Страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе?» [67] [68]

8 Далее в Евангелии читаем: «Итак бодрствуйте; да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи в руках ваших; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака».[26] Об этом бодрствовании вы уже слышали.

9 Здесь вам следует заметить три вещи. Во-первых, ваши чресла должны быть препоясаны и обвязаны словно вервью, чтобы вас можно было вести и направлять против вашей воли, как взнузданного коня, которого можно удержать, когда он готов упасть. Чресла — это чувственные удовольствия; их надлежит связать, укротить и препоясать, никогда не давая им воли. Во-вторых, вы должны держать в руках горящие светильники: это сладостная действительность истинной пламенной любви, внутренней и внешней. Насколько возможно, никогда не выпускайте её из рук; и особенно, по мере своих сил, размышляйте о ней друг с другом. В-третьих, вам следует ожидать своего Господа, пока Он не вернётся с брачного пира. «Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими». Он поставит их над всем Своим имением, препояшется и станет служить им. [69]

10 Этот брачный пир, с которого приходит Господь, совершается в самой сокровенной глубине души, где находится образ Божий. Близость души к Богу и Бога к душе, дивные дела, которые Бог совершает там, и радость и услаждение, которые Он там творит, превосходят всякий разум и понимание, хотя сам человек ничего об этом не знает и ничего не чувствует. Но люди, в которых Бог так радуется и с которыми так соединяется, — это те, кто всем сердцем и всеми желаниями обратился к Богу,

отвернувшись от мира и всех творений, и кто всегда желает жить лишь для Него. С людьми же, которые всем сердцем отдаются собственным заботам, живы они или мертвы, Он не желает иметь дела.

11 Если Господь слишком долго медлит, враг замечает этих ожидающих людей, приходит и внушает им какое-нибудь желание, извне или изнутри, чтобы они нашли в нём покой. Не обращай на него внимания; оставайся на страже. Блаженны ожидающие рабы, ибо они не знают, когда придёт Господь: в первую, вторую или третью стражу ночи. Тогда Он станет прислуживать им и служить, давая почувствовать предвкушение сокровенного единения; так Он укрепит их, чтобы ожидание не было для них слишком тяжким. В том, что они переживают, Он даёт им сладость Своей любви, чтобы тем укрепилась их любовь. Святой Григорий приводит слова Псалтири: «Далеко удалился бы я и оставался бы в пустыне». Когда внутренний человек так ждал и ждал, он должен уйти, бежать от всего и остаться в уединении. Такое уединение создаётся не одним лишь отказом от всякого внешнего рассеяния внешних способностей, но и от внутреннего рассеяния внутренних сил. Это силы воображения — образы, фантазии и мысли, — так что человек отворачивается от всех форм и вымыслов и пребывает в уединении; и когда он преодолеет эту скорбь и выстоит, Господь, Которого он ожидал, приходит в одно мгновение, одним взглядом возносит его выше всего и услаждает после долгого ожидания. Затем Он вновь повергает его и угнетает, чтобы пережитое не вознесло его чрезмерно. [70]

12 Пророк Иеремия говорит о таком человеке: «Не сидел я в собрании насмешников и не хвалился присутствием

руки Твоей; я сидел один, потому что Ты исполнил меня угрозами», — словно ему угрожали двумя кулаками. [71]

13 Первый кулак, которым ему грозят, — это тьма, охватывающая его изнутри, когда его ведут мрачной и бедственной дорогой. Он ничего не знает, ничего не имеет и вдобавок подвергается нападению всяческих несчастий, грехов и искушений: гордости, нечистоты, неверия и многих других искушений, от которых, как он полагал, уже давно освободился и которые, как воображал, преодолел; они угрожают ему и внушают великий страх. Другой угрожающий ему кулак — то, что Бог ставит перед ним Свои страшные суды, так что человек чувствует: единственное подобающее ему по праву место — самые нижние глубины ада. Эти два кулака дивным образом удерживают его внизу, и всеми этими угрозами Бог желает искоренить злой, ядовитый росток гордости. У тех, кто правильно понимает эти кулаки, всякое вожделение угасает скорее, чем могло бы угаснуть от многих внешних подвигов, продолжавшихся долгие годы.

14 Когда же человек входит вместе с пророком и желает поселиться с ним, когда обнаруживает, что все бури, мысли, воображения и образы внутри него утихли, тогда приходят Бог и святые ангелы, и внезапно, в одно мгновение, ему даётся истинная любовь, так что он постигает, что должен совершить для святого христианского сообщества, для умерших или живых: это озаряет его в один миг. Тогда приходит и враг и оглядывается, не найдётся ли здесь чего-нибудь и для него. Он нападает и, прибавив к этому страдание и помыслы, бросает их перед человеком. Но тому не следует обращать на них внимания: пусть даст им пройти

мимо; ибо если он их не любит и не желает, врагу придётся уйти прочь пристыженным и с пустыми руками, а человек благодаря этому нападению весьма преуспеет.

15 В некоторых странах встречаются люди, которые возделывают ложную нищету, оставляют всякое дело и ограждают себя от всех добрых мыслей, говоря, что достигли мира; они не желают упражняться в делах добродетели, потому что, по их словам, уже поднялись выше них. При таких людях находится диавол, который отвращает всё способное нарушить их покой, извне или изнутри, в мысли или иным подобным образом, — чтобы они оставались в покое, а впоследствии он мог увлечь их с собой в вечный раздор своего ада; ради этого он сохраняет их в ложном мире. Праведные не следуют этому ложному способу, но упражняются внешне и внутренне и терпеливо идут всеми путями, которыми Господь ведёт их, которые Он предопределил, в том числе во тьме; и не мнят, будто уже достигли мира. Они не смущаются, потому что идут узким путём между миром и беспокойством, между надеждой и неправедным страхом, между безопасностью и сомнением. А когда им открываются истинный мир, свобода духа и безопасность, они тотчас повергают их наземь и не цепляются за них. Желающим идти этим узким путём прежде всего следует смотреть, чтобы их ноги твёрдо стояли в следах Господа нашего Иисуса Христа; чем твёрже они стоят в них, тем чище становятся. Тогда эти угрожающие кулаки превращаются в добрые, любящие руки: Господь наш нежно принимает их в Свои отеческие объятия и возводит далеко превыше всего. Тогда всё природное отпадает от них и тревожит их лишь то, что не от Бога. И ныне Господь показывает им тёмные, трудные дороги и узкие

тропы, которыми они прошли; ничто уже не может повредить им, и они радуются всем своим страданиям.

16 Поистине это сказано против тех свободных духов, которые величаются своей ложной свободой и в ложной нищете хвалятся ложным миром, опираясь на собственные дела и пути за сорок и более лет и на великие подвиги, совершённые ими. Такие люди не желают идти узким путём. В большой общине едва найдётся один или два человека, желающих идти этой дорогой. Все остальные окружают их, нападают на них и причиняют им скорби; а потом, когда те поступают неправильно, сурово говорят им: «Ты должен за это пострадать!» Но если у тебя вырвется резкий ответ или недобрые слова, немедленно опомнись, признай свой проступок и сокрушись о своём грехе. Молчи, терпи и принимай всё как от Бога, чтобы благодаря этому научиться познавать себя. Прояви ты больше терпения, ты мог бы достичь благородного расположения духа. Поэтому смирись и иди вперёд. Всё будет приготовлено для тебя — кривое или прямое; всё послужит тебе на благо, если только ты поймёшь это и будешь мужествен. Итак, тому, кто с бодрствующими глазами так ожидает Господа, как святой Августин, Господь послужит и дарует совершенную радость, как даровал святому Августину. Да поможет нам Бог в этом. Аминь.

Проповедь XIX. На Рождество Пресвятой Девы

[1] Как чуждое рождение временных вещей — например, услаждение тварью — препятствует Божественному рождению в человеке; и как, чтобы Бог родился в нас, необходимо порвать привязанность к старым дурным привычкам.

[2] *Transite ad me omnes, qui concupiscitis me.*

[3] «Приступите ко мне все, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими». [72]

[4] Сегодня мы празднуем брачный день, в который Святая Дева, непорочная, чистая и святая, родилась от своей матери. Через неё было возвращено утраченное в раю — то благородное подобие, которое Отец создал по Своему образу и которое было испорчено. Через неё Отец возродил все Свои члены, чтобы они вновь были приведены к своему первоначальному Источнику; и по Своему неисследимому милосердию Бог пожелал через неё вновь поднять нас, насколько это было для нас возможно, из вечной смерти, в которую мы впали. В книге Премудрости мы читаем о ней такие слова: «Приступите ко мне все, желающие меня, чтобы насытиться плодами моими». Это слова Небесного Отца, Который направляет и влечёт нас к этому рождению. Эти слова Бог, Вечная Премудрость, произнёс также о Деве, ибо это рождение — и её рождение. Того, Кого Небесный Отец рождает всю вечность, родила и она; это учит нас, что мы должны и будем до преизбытка исполнены этим рождением. Она сказала: «Всем, кто желает насытиться во мне, всем, кто поистине желает этого рождения и насыщается им,

временами будет дано проблеском узреть его, чтобы их жажда пробудилась и устремилась к всё большему желанию». Говори вместе со святым Августином: «Господи, Ты создал нас для Себя, и потому сердца наши всегда беспокойны, пока не найдут покоя в Тебе». Это беспокойство, которое всегда и непрестанно должно быть нашим, задерживается и встречает препятствие в чуждых рождениях, рождающихся в человеке. Это временные, преходящие, чувственные, вредные вещи: услаждение и удовлетворение в твари, одушевлённой или неодушевлённой; дружба и общение; одежда, пища и всё, в чём человек находит удовольствие. Эти вещи производят в тебе беспокойство и порождают в тебе такие рождения, что, пока они с твоего ведома и согласия находят в тебе место, Бог никогда не может совершить в тебе Своё рождение, радостно обладая твоим сердцем. Какая-нибудь мелочь, сколь бы мала и ничтожна она ни была, отнимает у тебя и похищает твоё высшее благо и блаженное рождение, которое Бог желает совершить в тебе; она отнимает также всякое желание его и утешение, которое ты должен был бы иметь после этого рождения: всё это удерживается этим предметом удовольствия. [73]

[5] Люди часто жалуются и говорят: «У меня нет ни любви, ни желания». Вот именно эта преграда и мешает тебе, удерживает тебя вдали от любви и желания, какой бы она ни была; никто не знает её так хорошо, как ты сам. Не меня спрашивай, а себя: почему у тебя нет любви или желания? Вы хотите обладать и Богом, и тварью; но это невозможно. Услаждение Богом и услаждение тварью не могут существовать рядом. Под этим я не разумею необходимого человеку, того, чего нельзя лишить природу: например, стремления голодного к пище, жаждущего к питью, утомлённого к отдыху и покою,

сонного ко сну — пока всё это не становится неумеренным желанием. Но когда человек предаётся этому не ради нужд или пользы природы, а ради удовольствия от удовлетворения, такое рождение встречает препятствие, хотя меньшее, чем от наслаждения иными вещами; ибо природная необходимость требует, чтобы удовольствие от этих вещей оставалось неотделимым от них, пока действует природа.

6 Но человек, который не желает препятствовать вечному рождению, а хочет открыть ему вход посредством желания, должен помнить: чувственные удовольствия в природе и в твари служат преградами, ибо чем меньше их, тем больше другого; чем больше уходит холода, тем больше приходит тепла. Не должен человек и оставаться в своей келье праздным, беспечным и погружённым в мрачную немощь. Некоторые люди бродят вслепую, и всё, что они делают, совершается слепо, безрассудно и бесплодно. Твой духовник не властен над всеми этими немощами, которые овладели тобой и развращают тебя, если ты охотно им уступаешь; даже если бы ты исповедовался десять раз в день, это нисколько не помогло бы, если ты не готов отказаться от своих грехов. Знай также: если обнаружится, что ты столь своевольно одержим ими и любишь тварь больше, чем Бога, ты никогда не явишься перед лицом Божиим. Об этом говорится повсюду в Писании и во всех частях Евангелия. В Ветхом и Новом Заветах дана заповедь любить Бога превыше всего. И ещё: «Кто не отрешится от всего, что имеет», недостоин Меня. И в другом месте: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного войдёт в Царство Небесное». [74] [75]

[7] Неужели вы думаете, что Бог отдаст Царство Небесное нечистым существам и что Он пролил Свою драгоценную Кровь и отдал Свою жизнь за них? Взгляните на себя; не думайте, что Он допустит такое. Если бы вы знали, как строго Бог будет судить их, вы бы иссохли от ужаса. Бог дал всё для того, чтобы оно служило путём к Нему; лишь Он будет Целью: ничто иное, ни то ни другое, ею быть не может.

[8] Неужели вы думаете, что я говорю это в насмешку? Нет, конечно! Твой орден не может сделать тебя ни святым, ни блаженным. Моя ряса, мой постриг, мой монастырь, моя святая община — ничто из этого не может сделать меня святым. Если мне предстоит стать святым, это должно совершиться в святом, нищем, никем не занятом месте. Если я часто восклицаю: «Господи! Господи!», если часто молюсь, много читаю, произношу множество прекрасных слов, многое понимаю и кажусь добрым? Нет, нет: нужно совсем другое. Если ты обманываешь себя, это повредит тебе, а не мне.

[9] Ваши мирские сердца и умы, ваше тщеславие под видом духовности — всё это в тебе будет испытано: как при прививке почки к подвою все плоды подвоя будут подобны почке, а не собственной его породе. Поэтому все эти чуждые внешние рождения, которыми вы одержимы, и все ваши плоды будут испытаны по почке. И все ваши добрые дела, которым надлежало бы быть божественными, станут тварными и ничего не стоящими из-за дурной почвы, из которой они произрастают; ибо это рождение происходит во всех ваших силах, внутренних и внешних. Иов сказал об этом: «В ужасе ночного видения… объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои; и дух прошёл предо мною; дыбом стали волосы на мне». Ужас

ночного видения был тёмной одержимостью, последовавшей за непостижимым ужасом и страшным трепетом, так что все кости его содрогнулись. Дух, прошедший перед ним, — это прошедший перед ним Бог. [76]

[10] Евангелие говорит здесь о двух исхождениях. Одно — исхождение Духа, то есть Бога к нам; другое — наше исхождение к Богу. Для этого необходимо выйти, как вы слышали и как говорят учёные богословы: «Две формы не могут существовать вместе; если зажечь огонь, дерево сгорит; если дерево растёт, зародыш исчезнет». Если Бог должен войти в нас через исполнение Своего рождения, тогда тварь перестанет существовать. Святой Григорий говорит об этом, что волосы его головы встали дыбом, когда Дух прошёл перед ним: это левиты, чьи волосы надлежит состричь. Они растут в плоти, подобно волосам; так и склонность к старым привычкам цепляется за высшие и низшие силы. Их следует срезать острыми ножницами святого усердия, которые нужно точить и заострять о могущественные и страшные суды Божии и о скорое правосудие Бога, Который не оставит без суда ни малейшего помысла. Даже самое малое воображение, принятое добровольно, должно быть отброшено в невыносимом огне чистилища, прежде чем человек сможет явиться перед Богом. Когда же эти злые, нечистые волосы срезаны острыми ножницами, они отрастают вновь, и человеку нужно возобновлять усердие. Некоторые столь усердны, что, едва осознав помысел, тотчас отсекают его с суровой решимостью. Поначалу постоянно испытывать себя довольно трудно; впоследствии, когда человек привыкнет к этому, становится совсем легко, и то, для чего прежде

требовалась суровая решимость, он может сдуть одним дуновением.

11 Человек должен быть также исполнен деятельной любви, и любовь эта должна быть всеобщей: пусть он думает не особо о том или ином человеке, а обо всех людях; не только о добрых, но и о простых бедняках. Такими добрыми людьми были отец и мать нашей Владычицы, Иоаким и Анна. Они делили всё своё имущество на три части. Одна предназначалась для служения Богу и для Храма, другая — для простых бедняков, а третьей они жили сами. Где есть скупость, там обнаружится нечистое пятно, весьма дурное; в этих презренных, преходящих вещах человеку следует быть щедрым. Дающему будет дано, прощающему будет прощено. Какой мерой меришь, такой и тебе отмерят.

12 Некоторые люди прилепляются к внутренним вещам, на которых тоже есть дурная поросль, не замечаемая ими; и поэтому может случиться даже так, что они никогда не предстанут перед Богом, хотя, возможно, искренно жили перед Ним и предавались суровым подвигам. Но обычно это скрыто в самой нижней глубине их сердец; они сами этого не знали, потому что им недоставало самообладания. Поэтому таким людям, желающим жить по истине, полезно было бы иметь друга Божия, которому они могли бы подчиниться и который направлял бы их по Духу Божию; ибо без личного общения невозможно испытать людей с такими внутренними наклонностями. Им следует искать опытного друга Божия хотя бы в радиусе двадцати миль, такого, кто знает верный путь и правильно поведёт их. Если же не найдётся особенно подходящего человека, сгодится и обычный духовник; ибо Святой Дух часто говорит через него в силу его служения,

пусть даже он очень груб, сам этого не сознаёт и не понимает. И всё же людям следует подчиниться ему и быть в послушании, а не самим себя направлять.

13 Совершенный образ этого мы имеем в Преблагословенной Деве Марии. В детстве она была послушна отцу и матери; позднее находилась под попечением священника в Храме; затем под попечением святого Иосифа, потом — Господа нашего Иисуса Христа, а после — святого Иоанна, которому Господь наш поручил заботиться о ней и который должен был занять Его место. Теперь мы усердно молимся, чтобы она приняла нас под собственное попечение; и как она родилась в этот день, так пусть вновь родит и нас в истинном Источнике. Аминь.

Проповедь XX. На Воздвижение Святого Креста. Первая проповедь

[1] О спасительном Кресте, который есть Сам Христос в Своём человечестве; как Ему надлежит возвыситься и быть воздвигнутым в нас и как все наши силы, низшие и высшие, должны быть привлечены ввысь вслед за Ним, хотя, увы, многие люди пренебрегают этим. Также — многие мудрые увещания и побуждения членам монашеских орденов принимать Святое Таинство и соблюдать прочие правила. Как распятый Христос должен родиться в нас и от нас через три силы души; и как нам вновь родиться в Нём, в плоде Его Духа.

[2] *Ego si exaltatus fuero a terra, omnia ad me traham.*

[3] «И когда Я вознесён буду от земли, всё привлеку к Себе».

[4] Сегодня мы празднуем Воздвижение Святого Креста, на котором из любви висело Спасение мира. Через Крест мы должны вновь родиться в том истинном благородстве, которое принадлежало нам в вечности. Любовью к этому Кресту мы должны там вновь родиться и ожить. Слова не могут описать заслуг Креста. Господь наш сказал: «Когда Я вознесён буду от земли, всё привлеку к Себе». Этим Он означает, что желает привлечь к Себе наши мирские сердца, нашу любовь к мирским вещам и услаждение ими, которыми мы охотно обладали в твари, и наши надменные умы, вполне довольные собой, своим мирским расположением и любовью, временным удовлетворением своих чувств. Всё это Он привлечёт к Себе, чтобы таким

образом быть вознесённым и стать великим в нас и в наших сердцах; ибо человеку, для которого Бог всегда был велик, все творения кажутся малыми, а мимолётные удовольствия — ничем. [77]

5 Этот спасительный Крест означает благородного Человека — Христа, Который вознесён далеко выше нашего воображения, выше святых и ангелов, выше всей радости, блаженства и благословенности, которыми они наслаждаются вместе. И поскольку Его истинное место — в Вышнем, Он желает обитать и в наших высших местах, то есть в самой высокой и самой сокровенной нашей любви и в наших желаниях. Он привлечёт низшие силы к высшим и вместе с высшими приведёт низшие к Себе. Если мы сделаем это, Он увлечёт нас вслед за Собой в Своё высочайшее и сокровеннейшее место. Ибо так необходимо должно быть: чтобы прийти к Нему, я должен принять Его в себя. Сколько моего — столько Его; это равный обмен.

6 О, как часто этот Святой Крест совершенно забыт, так что эта основа и это сокровенное место наглухо закрыты и в них отказано Богу, тогда как твари оказывают благоволение и любовь! К сожалению, в эти опасные времена тварь безраздельно царствует и в мирских, и в монашествующих людях, так что их сердца теряются в ней. Это самое прискорбное бедствие, какое только могут представить человеческое сердце и ум; и если бы человек знал, чем оно закончится, он иссох бы от ужаса перед возмездием Божиим. Но этому уделяют не больше внимания, чем насмешке. Более того, это вошло в обычай, люди одобряют это и считают почётным, словно всё это игра. Святые, если бы могли, возопили бы и заплакали кровавыми слезами, а раны Господа нашего вновь

разверзлись бы от этого бедствия: сердце, ради которого Он отдал Свою прекрасную жизнь и Своего любящего Святого Духа, столь бесстыдно отнимают у Него, а Его Самого изгоняют. Дети, не думайте, что это только мои слова: всё Писание учит вас этому. «Никто не может служить двум господам: ибо одного будет ненавидеть, а другого любить». Иисус говорит: «Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя»; и в другом месте: «Где сокровище твоё, там и сердце твоё». Итак, исследуй, сколько твоего сердца принадлежит Богу: Он ли твоё сокровище? Святой Августин говорит: «Любишь землю — и сам ты от земли; ибо душа более пребывает с тем, что любит, чем там, где оживляет тело». Святой Павел говорит: «Если я отдам тело моё на сожжение, и буду говорить языками человеческими и ангельскими, и раздам всё имение моё нищим, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы». [78] [79] [80] [81]

[7] Итак, дорогие сёстры, с великой, исполненной поклонения благодарностью и деятельной любовью вам следует принять благодать, которую Бог даровал вашему ордену через Таинство Тела Господня. Я также всем сердцем и всей душой желаю, чтобы в эти тревожные времена этому обыкновению не позволили ослабеть или уснуть; ибо природа долго не выдержит: вы должны крепко держаться Бога, иначе отпадёте. Заметьте, в прежние дни было иначе; поэтому этим людям надлежит упражняться в великом и сильном самообуздании, чтобы уберечься от этого опасного состояния. Не думайте, будто это нужно лишь для достижения великого совершенства: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». По человеческой немощи необходимо, чтобы Божия помощь защищала человека и сохраняла от того печального состояния, которое широко распространилось среди

монашествующих. Поэтому никому не следует говорить так, будто он достиг великого совершенства или совершает великие дела. Достаточно, если люди соблюдают правила своего ордена насколько могут, намерены соблюдать их и имеют разрешение не исполнять то, чего исполнить не могут. Для этого не нужны большие способности разума. Довольно, если они желают охотно делать правое и если глаза их открыты настолько, чтобы они могли остерегаться этого тяжкого зла и продолжали бодрствовать. Поэтому нашим молодым сёстрам следует часто и охотно приступать к принятию Тела Господня. Наших дорогих старших сестёр я оправдываю и поручаюсь за них: в прежние дни, когда плоть не была столь немощной, как теперь, они приступали с великим благоговением, строго соблюдали свой устав, любили правила и повиновались им. Они охотно поддерживали и добрый старый обычай причащаться каждые две недели. Их великой святости и совершенства было достаточно; ибо тогда всё обстояло лучше, чем теперь, и меньше вредило падшей природе молодых людей, чьи склонности ныне сильнее, чем прежде. Поэтому теперь требуется гораздо больше помощи, чем тогда; без великого самообуздания невозможно устоять в высшем состоянии. Теперь всё опускается до уровня животных удовольствий и чувственных желаний. Поэтому, дорогие сёстры, я не требую от вас великого совершенства и святости, а лишь того, чтобы вы радовались нашему святому ордену и любили его, намеревались соблюдать правила по мере сил, охотно хранили молчание везде, где оно предписано, — за трапезой и на хорах, — и охотно удалялись от всякой человеческой близости, отчуждающей вас от Бога. Старших к этому побуждает святость, а молодых —

скромность. Ибо если вы благоговейно поступаете так, Бог откроется вам, когда вы будете избегать всех причин, способных нанести этот вред вашим душам. Знайте: на некоторые монастыри обрушились невыносимые страдания; если бы там не упражнялись весьма прилежно в этой дисциплине, они могли бы прийти к погибели. Если вы не испытываете сладости, пусть это вас не пугает. Если человек делает то, что зависит от него, и всё же чувствует себя оставленным в сердце, для него это гораздо лучше любых чувств или переживаний, какие он мог бы иметь. Эта горькая скорбь приближает его к Источнику живой Истины больше, чем какие-либо чувства. Господь наш сказал: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»; а на горе Елеонской: «Не как Я хочу, но как Ты». [82] [84]

[8] Дети, не бойтесь, ибо Господь наш говорит: «Если кто хочет идти за Мною… пусть возьмёт крест свой и следует за Мною». Этот Крест означает распятого Иисуса, Которому надлежит и необходимо родиться. Святой Павел говорит: «Те, которые Христовы, распяли плоть со всеми её похотями». Эти похоти нужно укротить и обуздать. [85] [86]

[9] Вторая сила — сила гнева, которую человеку следует уметь обуздывать во всём. Ему нужно всегда думать, что другой скорее прав, чем он сам, и тем избегать распри. Он должен научиться снисходительности, тишине и доброте, где бы ни находился. Человек может сидеть один или в собрании, где сидят и другие, шумные и редко хранящие молчание. Вы должны научиться снисходить, терпеть и беседовать со своим сердцем. Нельзя заниматься ремеслом, не научившись ему. Если бы кто-нибудь захотел делать зонты, но не пожелал учиться ремеслу, он

мог бы сильно испортить работу, взявшись за неё прежде, чем научился; так и во всех бедствиях: нам нужно учиться бороться. [83]

10 Две другие силы, которыми надлежит нести этот благородный Крест, не столь очевидны: это силы разума и внутренних духовных желаний. Итак, Христос должен родиться в нас и от нас — во внутреннем и во внешнем человеке; и так мы вновь родимся в Нём, в плоде Его Духа. Как написано: «Вы должны быть как новорождённые младенцы». Дорогие дети, если вы будете жить так, каждый день станет освящённым и все ваши грехи будут прощены вам в этом рождении Святого Креста. Аминь.

Проповедь XXI. На Воздвижение Святого Креста. Вторая проповедь

[1] Как Христос привлекает всё к Себе; как многими переменами и превратностями Он приготовляет человека сообразно его силам, внешне и внутренне, чтобы тот наконец всем сердцем пришёл в сокровенное место Божественной Бездны; и как некоторым людям едва удаётся понять, каким образом следовать этому влечению.

[2] *Ego si exaltatus fuero a terra, omnia ad me traham.*

[3] «И когда Я вознесён буду от земли, всё привлеку к Себе». [87]

[4] Сегодня мы празднуем Воздвижение Святого Креста, чьё достоинство невозможно описать и которому подобает всякая честь, какую мы только можем помыслить, потому что мы воздаём её Тому, Кто умер на нём. Поэтому монашествующие берут на себя Крест и начинают поститься согласно своему уставу; и это стоит делать всем, у кого есть к тому силы.

[5] Нам рассказывают, как один христианский царь однажды понёс Святой Крест к языческому царю со всей честью и величием, какие только могли явить его владения, — согласно своему сану, хотя и не согласно чести, подобающей Святому Кресту; он хотел отправиться в Иерусалим. Когда он подошёл к воротам, они закрылись крепкой, толстой стеной; и стоявший на стене ангел сказал: «Ты прибываешь сюда с Крестом верхом, в великой пышности; но Того, Кто умер на нём, изгнали с

великой скорбью и позором, босым и несущим Крест на спине». Тогда царь бросился с коня, сорвал с себя всю одежду, кроме рубахи, и понёс Святой Крест на спине. Ворота сами отворились, и он внёс его в город, где совершилось много дивных знамений над больными, хромыми и слепыми.

6 Господь наш сказал: «Когда Я вознесён буду… всё привлеку к Себе».[27] Как говорит святой Григорий: «Человек есть всё, ибо имеет подобие со всем». Найдётся много людей, которые находят Крест и привлекаются к нему многообразными страданиями и многими подвигами, чтобы так Бог привлёк их к Себе; но это страдание должно быть воздвигнуто: как сегодня мы празднуем Воздвижение Святого Креста, так и его необходимо не только найти, но и вознести. Если бы человек лишь исследовал себя и беседовал со своим сердцем, он находил бы Крест двадцать раз на день во многих болезненных внушениях и падениях, которыми, будь он предоставлен самому себе, был бы распят; но он не возносит его и тем поступает с ним неправо. Все тяготы Креста должны быть вознесены в Боге и охотно приняты человеком как его Крест — извне и изнутри, в теле и в духе. Так человек должен быть привлечён к Богу, Который желает всё привлечь к Себе, как Он сказал, когда Ему предстояло быть вознесённым.

7 Встречаются люди, которые внешне несут этот Крест: хорошо упражняются во внешних подвигах и несут бремя своего ордена. Они поют, читают, идут на хоры или в трапезную и таким образом внешним человеком исполняют малые служения Господу нашему. Неужели вы думаете, что Бог сотворил и создал вас только для этого? Он желает также иметь вас Своими особыми друзьями.

Такие люди несут Крест внешне, но тщательно ограждают себя от его проникновения внутрь и ищут развлечения всюду, где могут. Они несут Крест не вместе с Господом нашим, а вместе с Симоном Руфом, которого принудили нести его. Однако и такое ношение весьма полезно: оно действительно охраняет их от многих пороков и легкомыслия, спасает от страшного огня чистилища и, возможно, от вечности в аду.

[8] Господь наш возлюбленный говорит, что Он «всё привлечёт к Себе». Кто хочет что-нибудь привлечь, должен сначала собрать это, а затем уже тянуть. Так поступает и Господь наш: сперва Он собирает воедино все блуждания человека, рассеянность его чувств, сил, слов и дел, а внутри — все его мысли и намерения, образы воображения, желания, удовольствия и разумение. Когда всё собрано, Бог привлекает человека к Себе. Ибо прежде всего вам нужно отбросить всё, за что вы держитесь внешне и внутренне ради своего удовлетворения. Такое отрешение — изнурительный Крест; чем тяжелее и крепче привязанность, тем тяжелее будет и Крест. Ибо всё удовольствие и услаждение, какое вы находите в твари, каким бы святым и божественным оно ни представлялось, ни называлось или ни казалось тебе, — всё должно быть отброшено, если ты желаешь поистине быть вознесённым и привлечённым к Богу. Это первая и низшая ступень во внешнем человеке.

[9] Если вы желаете воздвигнуть Крест во внутреннем человеке, необходимо отнять у него все внутренние услаждения, всякую привязанность к духовным удовольствиям, даже к тем, что происходят от добродетели. Учёные богословы спорят о том, должен ли человек пользоваться какой-либо добродетелью; ею

надлежит пользоваться плодотворно и лишь в служении Богу. Конечно, эти вещи не могут существовать без удовольствия, но оно должно быть без всякой примеси собственного «я». В чём, по-вашему, состоят удовольствие и удовлетворение? В том, что человек охотно постится, бодрствует, молится и исполняет правила своего ордена? Господь наш не желал иметь дела с этим удовольствием; Он желал, чтобы я поступал правильно по отношению к своему ордену. Как вы думаете, почему Бог редко позволяет дню или ночи пройти так же, как предшествовавшим, и почему то, что вчера помогало вам в размышлении, совсем не помогает сегодня или завтра, а множество образов и мыслей приходит к вам без всякого плода? Прими свой Крест от Бога и терпи — тогда он станет блаженным Крестом. Как иначе мог бы ты принести его Богу, принять его от Него в истинной преданности Его воле, благодарить за него Бога и сказать вместе с нашей возлюбленной Владычицей: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моём»? Ведь так ты должен хвалить и прославлять Бога во всём. [88]

[10] Человек всегда должен иметь Крест; и Христу надлежало пострадать, прежде чем войти в Свою славу. Что бы ни встретилось тебе в самой глубине сердца, в видении или вкушении, оставь это, не вмешивайся, не спрашивай, что это такое, но вернись к своему ничтожеству. Господь наш сказал: «Если кто хочет идти за Мною… пусть возьмёт крест свой и следует за Мною». За Богом нужно следовать не в удобстве, а с Крестом. Святой апостол Андрей сказал: «Приветствую тебя, многожеланный Крест, ибо всем сердцем я жаждал тебя. Возьми меня из среды людей и возврати моему Учителю». Это должно происходить не сегодня, а завтра уже нет, но

во всякое время, непрестанно: всегда и во всём испытывай себя. Да, хотя бы число твоих грехов и преступлений было велико, хотя бы ты падал семьдесят раз в день, всё же обращайся и вновь приходи к Богу, и так быстро устремляйся к Нему, чтобы грех исчезал из твоей памяти и, придя на исповедь, ты не мог сказать, каков он был. Пусть это не пугает тебя: он произошёл не к твоему вреду, а чтобы показать тебе твоё ничтожество и заставить почувствовать презрение к себе. Всё следует делать спокойно, без уныния, если вы чувствуете, что в сердцах готовы и расположены исполнять волю Божию. Человек не безгрешен, как наша возлюбленная Владычица, поэтому ему надлежит согласиться нести всё это страдание и этот Крест. Святой Павел говорит: «Знаем, что любящим Бога всё содействует ко благу»; толкование добавляет: «И грех тоже». Храни молчание, прибегни к Богу и взгляни на своё ничтожество; оставайся дома, не беги тотчас к духовнику. Святой Матфей сразу последовал за Богом, оставив все свои дела неустроенными; и если ты обнаружишь, что согрешил, не делай свой Крест чрезмерно тяжёлым внешне. Предоставь это истине, сохраняй верность и покой; ибо осуждены будут лишь те, кто своевольно обращается к временным вещам, а для тех, кто услаждается любовью Божией и помышляет лишь о Нём, всё окажется воспитанием. [89] [90]

[11] И всё же со всей верностью я должен предостеречь вас: если вы охотно позволяете твари овладевать вами и даёте ей место, она совершенно несомненно станет причиной вашего осуждения; и даже если Бог даст вам истинное покаяние, хотя это и не обеспечено, вам всё же предстоит страдать в ужасном огне чистилища. Осознай вы это, вы могли бы иссохнуть от великого страха и тревоги; а если

бы в таком состоянии пошли принимать Тело Господне, вы поступили бы точно так, как если бы взяли маленького нежного ребёнка и затоптали его на грязной дороге. Но именно так поступают с живым Сыном Божиим, Который из любви отдал Себя за нас. Так вы идёте на исповедь и не остерегаетесь причины своего греха. Папа со всеми своими кардиналами не мог бы разрешить вас от грехов, ибо ваше покаяние неистинно и вы виновны против Святого Тела Господа нашего.

[12] Господь наш сказал: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Это самоотречение и этот Крест предстоят многим друзьям Божиим, которых к ним влекут, так что мы не можем сказать, каким именно образом человеку следует забыть себя и отречься от себя во всех возможных обстоятельствах. Что ничего не стоит, то ничего и не значит. «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнёт»; и: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Но никому не следует думать об этом, а лишь о Боге. Что станет со всеми теми, о ком вам могли бы рассказать, кто не хочет оставить старые пути и обычаи, а внешне цепляется за то, что действительно для его чувств? Ты должен оставить себя и всецело умереть для себя. Он сказал: «Ты иди за Мною». Слуга не идёт впереди господина, а следует за ним — не по воле слуги, а по воле господина. Нам не нужно иного учения, если мы лишь приметим, как мало в этом мире слуги могут следовать своей воле и как должны употреблять всё усердие и все силы, чтобы во всём исполнять волю господина и служить ему. Пшеничное зерно должно умереть, прежде чем сможет принести плод; так и ты должен совершенно умереть для собственной воли. Потому человеку надлежит всецело отдать Богу себя и свою волю; и, так от сердца отдаваясь

Богу, он должен быть словно вовсе не имеющий своей воли. Одна дева стояла на хорах и пела; она сказала: «Господи, это время — моё и Твоё; но если я беседую со своим сердцем, моё время — Твоё, а не моё». [91] [92] [93]

[13] Если человек хочет отдать себя Богу, ему прежде всего необходимо полностью отказаться от собственной воли; ибо человек словно составлен из трёх людей: из своей животной природы, в которой им руководят чувства; из сил разума; и из своей высшей природы, созданной по образу и подобию Божию. В своей высшей и сокровеннейшей природе человеку следует обратиться и лечь в огонь Божественной Бездны, выйти из себя и позволить взять себя в плен. Он должен подавить и миновать два низших пути и две низшие природы, как говорит святой Бернард: «Человек должен отвлечь свою животную природу с похотями плоти от всего, чем обладал с услаждением». Вы знаете, какой это суровый Крест и как он тяжёл! И он говорит, что внешнему человеку не менее трудно войти во внутреннего и перейти от образного и видимого к невидимому, то есть к самому их Источнику, как понимает это святой Августин. Все нападения и кресты, которые приходят к двум низшим природам человека и кажутся ему отвлекающими его и мешающими войти, он должен принять как свой Крест, всё вверяя Богу. Происходят ли они от чувств или от разума, ему следует оставить их в покое и предоставить низшим силам. Сам же он должен всеми силами подняться над ними в высшей своей силе — подобно Аврааму, который оставил осла и слугу внизу, когда восходил на гору принести жертву Богу: он поднялся на гору лишь со своим сыном. Поэтому оставьте внизу свою животную природу, которая и в самом деле есть осёл, и своего слугу — естественный разум: здесь он поистине

слуга, ибо послужил и провёл человека вверх по склону этой горы; здесь ему и надлежит остаться. Оставь этих двух внизу и поднимись один с сыном, то есть со своим духом, в сокровенное место, во Святое святых. Принеси свою жертву, и прежде всего принеси самого себя, войди и сокрой там свой сокровенный дух в тайне Божественной Бездны. Как сказал пророк в Псалтири: «Господи, Ты укроешь их под покровом лица Твоего». В этом тайном месте сотворённый дух вновь возвращается к своей несотворённости, где он пребывал от века, прежде чем был создан, и где узнаёт себя как Бога в Боге, а в самом себе — как принадлежащего твари и сотворённого. Но в Боге всё есть Бог для тех, кто покоится на этом основании. Прокл говорит: «Когда человек однажды войдёт сюда, что бы ни постигло внешнего человека — скорбь, бедность или что-либо иное, — он не обращает на это внимания». Как говорит пророк: «Ты укроешь их… от людского смятения». Они следуют за Господом нашим, как Сам Господь говорит в другом месте: «Я в Отце, и Он во Мне, и Я в вас, и вы во Мне». Да поможет нам Бог быть привлечёнными всем сердцем, как Он желал всё привлечь вслед за Собой, и так унаследовать Крест, чтобы через Святой Крест войти в истинный Источник. Аминь. [94] [95]

Проповедь XXII. На Воздвижение Святого Креста. Третья проповедь

[1] Здесь описывается Крест духовного страдания, образованный четырьмя добродетелями. Божественная любовь — его верхняя часть, терпеливая любовь — левая, внутренняя чистота — правая, а охотное послушание составляет нижнюю часть. Также — многие добрые советы и наставления тем, кто считает себя больными и виновными грешниками; ибо Крест необходимо нести.

[2] *Quasi cedrus exaltata sum in Libano, et quasi cypressus in monte Sion.*

[3] «Я возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горе Сионе». [96]

[4] Сегодня мы празднуем Воздвижение Святого Креста; но невозможно сказать, как он был воздвигнут, и невозможно вполне описать или представить его достоинство. О нём мы можем сказать то, что написано в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Я возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горе Сионе».

[5] На горе Ливан растёт ладан; он означает духовную жертву, ибо желание наших сердец всегда должно состоять в том, чтобы быть особой жертвой Богу. Дым кедрового дерева отгоняет весь змеиный яд. Тем более яд диавола и всё его злое коварство прогоняются силой Святого Креста, то есть горькой скорбью и острым страданием Господа нашего Иисуса Христа; ибо Он говорит о Себе: «Я возвысился, как кипарис на горе

Сионе». Природа кипариса такова, что если человек, не способный удержать пищу, вкусит его древесины, она даст ему способность её удерживать. Так и человек, привлекающий к себе Святой Крест Господень и обнимающий его, то есть Его мучительное и горькое страдание, обретёт способность удержать драгоценнейшую и благороднейшую Пищу — Святое Слово Божие. Святые угодники и пророки говорили, что Слово Божие становится плодотворным лишь в тех людях, которые всегда серьёзно и прилежно привлекают его к себе, чтобы всё стало для них плодоносным. Драгоценные страдания Господа нашего имеют также сладостное благоухание и вкус слаще всякой сладости, ибо они привлекают человеческое сердце к Нему, как сказал Сам Господь наш: «И когда Я вознесён буду… всё привлеку к Себе». И в самом деле, человек, в котором всегда пребывает горькое страдание Господа нашего, всегда будет привлекаться к Нему в истинном смирении, терпении и с пламенной Божественной любовью. Ибо как Христос пострадал добровольно, так и мы всегда должны, насколько это в наших силах, усердно следовать за Ним в терпении и страдании, чтобы всегда быть вместе с Ним в духе заключёнными в темницу, связанными и осуждёнными. [97]

[6] Прежде чем Господь наш Иисус Христос был пригвождён ко Святому Кресту, Его лишили всех одежд, так что на Его теле не осталось ни нитки, и перед Его глазами бросали жребий о Его одеждах. Итак, знай поистине: если желаешь когда-либо прийти к истинному совершенству, ты должен лишиться всего, что не от Бога, чтобы у тебя не осталось ни нитки; должен видеть, как перед твоими глазами бросают жребий о твоём достоянии, тогда как другие смотрят на всё это и считают

насмешкой, безумием и ересью. Господь наш сказал: «Если кто хочет идти за Мною, пусть… возьмёт крест свой и следует за Мною». Как сказал Он и юноше: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим… и приходи и следуй за Мною». Ибо в Апокалипсисе написано, что должны прийти великие и невыразимые бедствия, едва ли менее страшные, чем Судный день; хотя тот ещё не наступит, ибо мы всё ещё живём в историческом времени, в днях, годах и часах. И когда эти предсказанные бедствия обрушатся на нас, оправятся лишь те, кто несёт Крест. И поскольку это было истинно, Бог позволил ангелу поражать и истреблять всё на земле. Затем Бог сказал ангелу: «Никого не щади, кроме тех, у кого на челе знамя, отметина, знак», — означающий Святой Крест. Каждый, кто не имеет Креста Иисуса Христа в себе и перед собой, несомненно не будет пощажён. Под Крестом мы понимаем боль. Бог не сказал ангелу щадить людей великой силы, или секты, или тех, кто действовал по-своему, но только страдающих. Он не сказал: «Кто хочет следовать за Мной или идти за Мной, должен следовать, взирая на Меня», — но сказал: «Оставив всё и страдая». [98] [99]

[7] Теперь я хочу сказать несколько слов о Кресте. Знайте: всякий, кто возьмёт на себя Крест, благодаря этому станет самым лучшим человеком, какого можно найти в нынешние дни, и никакие бедствия не смогут повредить ему. Никогда не войдёт он и в чистилище. Но нет и большей боли, чем ежедневно и ежечасно нести на своей спине Крест ради Бога, в смиренной преданности Его воле. Увы, ныне уже не в обычае страдать ради Бога и нести для Него Крест, ибо усердие и подлинная решимость, какие, быть может, находились в человеке, угасли и охладели; теперь никто больше не желает

терпеть скорбь ради Бога. Если бы мы могли найти путь, на котором никому не пришлось бы страдать, именно его и избрали бы для своей жизни. Увы, все до одного думают лишь о себе во всех своих делах и путях.

[8] Не внешние упражнения — пост, бдение, сон на жёстком ложе и далёкие паломничества — угодны Богу. Всё это служит средством: пост, бдение, молитва и всё прочее, уже упомянутое. Поэтому делай всё это настолько, насколько оно помогает тебе поистине принять свой Крест. Никто не слишком стар, слишком болен или слишком глух, чтобы принять Крест и нести его вслед за Господом нашим Иисусом Христом.

[9] Знайте: Святой Крест составлен из четырёх частей дерева — одной наверху, одной внизу и двух посередине. Верхняя часть — Божественная пламенная любовь. Левая перекладина — глубокое смирение; она прибита человеческим пренебрежением и всем, что тогда может постигнуть человека: это больше, чем презрение, ибо в последнем есть оттенок гордости. Другая перекладина Креста должна быть подлинной, истинной внутренней чистотой; её надлежит пригвоздить ко Кресту добровольным лишением всего, что бы это ни было, способного осквернить её чистоту извне или изнутри. Ноги означают истинное и совершенное послушание; они пригвождены истинным и охотным отречением от всего, чем обладаешь ты и твои близкие. Каким бы ни было твоё достояние, оставь всё сразу ради Бога, как бы трудно это ни было, чтобы ты никаким образом не принадлежал самому себе — ни делом, ни словом. Четыре части Креста соединены посередине словами *fiat voluntas tua*, то есть деревянные части вставлены одна в другую, знаменуя

истинное и совершенное отречение от своей свободной воли и отдачу всего ради Бога.

[10] Теперь обрати внимание прежде всего на левую руку, которая означает смирение. Под этим следует понимать, как говорит святой Августин, что идущему в истинном смирении совершенно непременно придётся страдать. Знай: человек должен быть обращён в ничто в собственной оценке и в глазах всех людей. Он должен быть также поднят обнажённым, не имеющим места покоя, и перед его глазами должен быть брошен жребий обо всём, что он имеет или чем является, как поступили с одеждами Господа нашего Иисуса Христа; то есть над тобой должны насмехаться, тебя должны сокрушать и отвергать. И жизнь твою должны считать не заслуживающей внимания, безумием, так что находящиеся рядом или проходящие мимо станут презирать и осуждать тебя, оценивать и судить твою жизнь у тебя на глазах как исполненную заблуждения и ереси, ненавидеть тебя и все твои дела и пути. Когда ты всё это узнаешь и увидишь, ты не должен ни отвергать этого, ни принимать неблагодарно, так что станешь злословить или скажешь: «Такой-то несправедлив ко мне». Дорогой друг, внешне и внутренне остерегайся такого противления. Тебе следует думать: «Увы, я, бедный человек, недостоин, чтобы столь благородный человек презирал меня и не замечал»; затем следует склониться перед этим и считать это ничем. Так ты будешь нести Крест с Господом нашим. Правая рука — истинная чистота; она пригвождена добровольным лишением всего, что не от Бога и что могло бы запятнать эту чистоту. Ноги — истинное послушание; они означают, что человеку надлежит повиноваться своим начальствующим и Святой Церкви. Они пригвождены истинной преданностью, чтобы

человек охотно и во всём отдавал себя воле Божией. Средняя часть — свободный выход из своей воли и отдача её воле Божией; это значит: сколь велико ни будет страдание, возложенное на тебя Богом или человеком, ты всё же охотно претерпишь всё из любви к Богу, возрадуешься и добровольно склонишься под Крест страдания, виновен ты или невиновен. Ты можешь сказать: «Господи, я не могу, я слишком слаб». Знай тогда: у тебя две воли, высшая и низшая, как и у Христа было две воли. Естественная, низшая воля всегда желает освободиться от Креста, но высшая говорит вместе со Христом: «Не как я хочу, но как Ты хочешь во всём». Вершина Креста — любовь Божия; у неё нет места покоя, ибо она всегда есть чистое, обнажённое исхождение, оставленное Богом и всеми творениями, так что ты можешь поистине сказать со Христом: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» Священной Главе Господа нашего Иисуса Христа негде было успокоиться; если бы человек в своём совершенном предании себя испытывал Божественную любовь и сладостное сознание присутствия Бога, что значило бы для него, если бы весь мир восстал против него? [100]

[11] Один добрый и святой человек спросил Господа нашего, почему Он позволяет Своим дорогим друзьям так страшно страдать. Тогда Господь ответил: «Человек от природы склонен к чувственным удовольствиям и вредным услаждениям; поэтому Я преграждаю все его пути, чтобы один Я стал его услаждением». Глава Божественной сладостной Любви висела склонённой на древе Святого Креста. Знайте, дети: иначе быть не может. Как бы мы ни пытались обойти это, мы всегда должны нести Крест, если хотим стать добрыми людьми и прийти к вечной жизни. Нам надлежит страдать остро и

мучительно и нести какой-нибудь Крест, ибо если мы убежим от одного, на нас падёт другой. Ещё не родился человек, который был бы столь искусным говоруном, чтобы доказать, будто это неправда. Можешь бежать куда хочешь и делать что хочешь, но нести его необходимо. Бог может на короткое время взять его на Своё плечо и перенести бремя через самые трудные места; тогда человек чувствует такую лёгкость и свободу, что не может поверить, будто ему когда-нибудь приходилось что-либо терпеть, особенно потому, что теперь он не чувствует страдания. Но как только Бог опускает ношу, бремя страдания вновь тяжело ложится на человека во всей своей горечи и невыносимости. Вечный Сын Божий, Иисус Христос, прежде понёс всё это самым тяжким из возможных образов; и все Его самые дорогие друзья несли это вслед за Ним. Этот Крест — огненная колесница, на которой Илия взошёл на небо.

[12] Одна созерцательная дочь нашего ордена много и часто желала увидеть Господа нашего Младенцем. Внезапно во время молитвы Господь явился ей Младенцем, спелёнатым и лежащим на ложе из острых терний; она не могла добраться до Младенца, пока не потрудилась много и не применила силу, хватаясь за тернии. Когда она вновь пришла в себя, то поняла: кто поистине желает Его, тот должен смело встретить боль, остроту и страдание.

[13] Некоторые говорят: «Да, будь я так чист и невинен, что не заслужил бы этого от Бога за свои грехи, всё равно я охотно и радостно понёс бы страдание ради воли Божией, чтобы оно послужило мне на пользу и во благо». Но знай: виновный и грешный человек может страдать так, что это принесёт ему больше пользы и блага, чем невинному. Каким образом? Так же, как человек, желающий

совершить большой прыжок, отступает назад, чтобы хорошо разбежаться: чем дальше отступит, тем дальше прыгнет. Каждому следует поступать так. Он должен всегда считать себя грешным и нерадивым и судить о себе как о недостойном в глазах Бога и всех творений. Так он будет сильнее и ближе привлечён к Богу и тем приблизится к вечной благости Божественной Истины.

14 Дети, чем полнее человек познаёт себя из глубины сердца, поистине презирая и осуждая себя, не приукрашивая своих грехов, но считая себя совершенно недостойным, тем ближе он поистине приблизится к Богу и тем совершеннее будет его общение с Богом.

15 Да поможет нам Тот, Кто ради нас был вознесён на Крест, чтобы всё привлечь к Себе, — чтобы и мы все несли вслед за собой этот драгоценный Крест Господа нашего в стойком терпении и с любящими сердцами, с радостными лицами, бодро, радостно и охотно терпя всё ради Бога, отдавая ради Него всё и принимая всё неприятное нам как исходящее из открытой, любящей руки Божией, а не от твари; чтобы сердца наши были вознесены в стойком терпении до самого конца. Аминь.

Проповедь XXIII. На праздник святого апостола и евангелиста Матфея

[1] О двух путях, которыми человек может следовать за Богом в истинной преданности Его воле. Один путь — в образе; другой не имеет формы: он состоит в тихом внутреннем молчании безмятежного духа.

[2] *Sequere Me.*

[3] «Следуй за Мною». Господь наш обратился к святому Матфею со словами: «Следуй за Мною». И тот встал, оставил всё и последовал за Ним. [101]

[4] Этот святой Матфей стал примером для всех людей; однако вначале он был великим грешником, как сообщает нам Писание, а впоследствии стал одним из величайших друзей Божиих; ибо когда Господь наш тайно заговорил с ним в его сердце, он оставил всё и последовал за Ним. Всё зависит от того, поистине ли человек следует за Богом; а это требует полного оставления всего, что овладело человеческим сердцем и что не от Бога, чем бы оно ни было. Ибо Бог — Любящий сердца, и Он не сообщается ни с чем внешним. Он желает внутренней, живой любви, всегда готовой обратиться ко всему божественному и добродетельному, где бы и в ком бы оно ни находилось; ибо в таком человеке больше истины, чем в том, кто молится столько, сколько весь остальной мир, и поёт так мощно, что песнь его достигает неба; больше, чем во всём, что он может совершить постом, бдением или чем-либо иным внешним.

5 Итак, Господь наш сказал: «Следуй за Мною». Есть шесть путей, которыми люди могут следовать за Господом нашим: три находятся в наших низших силах, а три — в высших. В низших находятся смирение, кротость и терпение. Другие три превосходят все прочие силы: это вера, надежда и любовь. Господь наш сказал: «Следуй». В одном смысле это следование должно совершаться по примеру Господа нашего в хвале и благодарении; порою же оно совершается ещё более близким образом — без каких-либо определений мысли или чего-нибудь иного, лишь во внутреннем молчании, в уме, беседующем с самим собой и просто ожидающем Бога, чтобы Он действовал в нём, как Ему угодно.

6 Нетрудно найти людей, которые успешно справляются со своими внешними упражнениями. Они легко проходят их — будь то пост, бдение, молитва или что-либо ещё — и находят в них столько удовольствия, что Богу остаётся совсем малая доля. Иногда удовольствие кажется столь великим, что Бога там вовсе нет: Он отвернулся. Это значит, что такие люди совершают своё дело словно от себя, примешивают к нему своё и находят в нём услаждение; между тем всякое добро — от Бога, и человеку не принадлежит ни единой его крупицы.

7 Можно спросить: «Как же отделить удовольствие от того, что добро?» Возьмём пример. В Ветхом Завете священникам запрещалось есть тук жертв: им надлежало сжигать его и всё приносить Богу. Но тук мяса, выделенного им в долю, они могли есть. Так и всё услаждение, которое мы находим во всяком упражнении в добродетели и в делах, должно быть брошено в огонь любви, из которого происходит. Но естественным удовольствием или удовлетворением, сопровождающим

естественные действия, поскольку они добры, человек может пользоваться просто, если ничего к нему не прибавляет.

[8] В словах «Следуй за Мною» следует заметить, что святой Матфей оставил всё и последовал за Богом. Когда человек оставляет всё и во всём себя самого, он должен прежде всего следовать за Богом: во внешнем человеке — во всех упражнениях добродетели, во всеобщей любви, а во внутреннем — истинно предавая себя во всех отношениях, внешне и внутренне. Поймите: когда я говорю о себе, я говорю обо всех людях. Благодатью Божией и от святого христианского сообщества я получил свой орден и клобук, это облачение и священство, чтобы стать учителем и выслушивать исповеди. Если бы случилось, что папа и Святая Церковь, от которых я всё это получил, пожелали отнять у меня всё, то, будь я человеком умеренным, я отпустил бы это и не стал спрашивать, зачем они так поступают. Если бы мне было позволено, я надел бы серое одеяние и больше не оставался бы в монастыре с братьями, не был бы священником, не слушал бы исповедей и не проповедовал. Я сказал бы также: во имя Божие всему конец, ибо они дали мне всё и потому могут всё у меня отнять. Не мне спрашивать, почему. Отчего? Потому что я не желаю быть названным еретиком или отлучённым от Церкви; так я был бы истинно предан воле Божией. Но если бы кто-нибудь другой захотел отнять у меня это, я предпочёл бы умереть, чем позволить отнять.

[9] И ещё: если бы Святая Церковь отказала нам во внешнем принятии Святого Таинства, мы должны были бы подчиниться; но в духовном смысле никто не может его у нас отнять. Мы должны быть готовы отдать всё без ропота

и возражений; однако всё это внешнее. Так должно быть, и ещё в большей степени — во внутреннем. Что имеем мы, чего не дал бы нам Бог? Поэтому всё, что Он дал, должно быть вновь отдано Ему; нам следует отдать всё в истинной преданности Его воле, словно мы никогда этого не получали.

[10] Вас, дорогие дети, занимающихся священными образами, святыми мыслями, делами и путями, это не касается. Я говорю не с вами; вам не нужно относить к себе это обращение. Я имею в виду прежде всего тех, кому предстоит идти тёмной дорогой и пройти узким путём, который предназначен не для всех. Таким людям надлежит избрать совершенно иной путь, чем тем, о ком мы только что говорили; о них мы теперь и поговорим: что им следует иметь, как одно нужно делать, а другое оставлять. Человеку следует иметь всё это в своих силах без примеси собственного «я» и превыше всех сил; обладать этим нужно без каких-либо определений. Человеческой природе свойственно желать иметь, знать и хотеть. Всё это — действия человеческих сил. Теперь следует обратить внимание на шесть вещей: три находятся в низших силах, три — в высших. В низших находятся смирение, кротость и терпение, которые соответствуют этим трём. Смирение сразу и навсегда погружается в бездну, теряет своё имя, покоится в совершенном ничто и не знает ничего, кроме смирения. Кротость отняла у любви определение воли, так что всё одинаково и ничто не противодействует; поэтому нет сознания какой-либо добродетели, а всё принадлежит человеку в ровном мире: добродетель потеряла своё имя и стала просто состоянием. Так же обстоит и с терпением. Эти люди любят страдание и жаждут его, ничего не зная о терпении.

11 После всего этого предания себя может случиться, что тебе скажут суровое слово; но пусть оно не пугает тебя: Бог определил его тебе на благо, чтобы ты ещё глубже погрузился в своё ничтожество. Тогда возникает гнев, указывает на необходимость ещё большего отречения и показывает тебе твоё ничтожество, чтобы ты даже счёл себя недостойным того, чтобы Бог насадил в тебе хотя бы одну добрую мысль. От этого зависит всё: бездонное погружение в бездонное ничто. Действия этих людей не зависят от внешних дел, обычаев или образов; если они поступают хорошо, их существование будет блаженным сверх всякой меры, но по-своему оно столь же исполнено заботы, как жизнь самых диких людей на земле. Ибо этот путь — тёмный, и, как я говорил об Иове: «Человек, которого путь сокрыт и которого Бог окружил мраком». На этой суровой дороге человек должен с самоотречением переносить все упрёки, которыми его осыпают, — даже все упрёки, какие только можно вообразить. Господь наш всюду говорит: «Следуй за Мною, пройди через всё. Это Я; не иди дальше; следуй за Мною». Если бы человек сказал: «Господи, кто Ты, что я должен следовать за Тобой такими глубокими, мрачными, бедственными путями?», Господь ответил бы: «Я — Бог и Человек, и гораздо более — Бог». Если бы человек тогда мог поистине и сознательно, из глубины сердца ответить: «Значит, я — ничто и меньше, чем ничто», всё было бы совершено; ибо у Божества поистине нет места для действия, кроме основы, где всё обращено в ничто. Как говорят учёные богословы, когда должна возникнуть новая форма, старая необходимо должна быть уничтожена. Они говорят: «Когда ребёнок зачат в материнском чреве, сперва он представляет собой лишь материю; позднее принимает животную форму и живёт

как животное; затем, в назначенное время, Бог создаёт разумную душу и влагает её в материю». Тогда первая форма исчезает в блаженстве; всё сотворённое — форма, величина и цвет — должно исчезнуть, так что не остаётся ничего, кроме простой материи. Поэтому я говорю: «Если человеку предстоит так облечься этим бытием, необходимо должны быть устранены все формы, которые он когда-либо воспринял во всех своих силах: восприятия, познания, воли, действия, подчинения, чувствования и искания себя». Когда святой Павел ничего не видел, он видел Бога. Так и когда Илия закутал лицо в свой плащ, пришёл Бог. Здесь сокрушаются все крепкие скалы; всё, на что дух мог бы опереться, должно быть устранено. Когда же все формы прекратили существование, в мгновение ока человек преображается. Поэтому ты должен открыть вход. Тогда Небесный Отец говорит ему: «Ты будешь называть Меня Отцом и никогда не перестанешь входить; входить всё дальше, всё ближе, чтобы глубже погружаться в неведомую и безымянную бездну и, превыше всех путей, образов и форм, превыше всех сил, потерять себя, отречься от себя и даже лишиться своей формы». В этом состоянии утраты себя не видно ничего, кроме основы, покоящейся в самой себе: повсюду одно бытие, одна жизнь. Так, можно сказать, человек становится незнающим, нелюбящим и нечувствующим. Это происходит не вследствие природных свойств, а вследствие преображения, которое Дух Божий совершает в сотворённом духе, в бездонной утрате им себя и в его бездонной преданности. Об этом можно сказать, что так Бог знает, любит и отдаёт Себя; ибо человек — лишь жизнь, бытие и действие. Те же, кто смотрит на это с недолжной вольностью и при ложном

свете, находятся в самом опасном состоянии, какое только возможно в этой жизни. [102]

[12] Путь, которым мы должны прийти к цели, проходит через драгоценную жизнь и страдания нашего возлюбленного Господа; ибо Он — Путь, по которому нам надлежит идти, и Он — Истина, освещающая всё на этом пути. Он — Жизнь и Конец, к которому должны прийти люди; Он — Дверь, и всякий, кто входит другой дверью, есть убийца. Нам следует войти этой Дверью, прорываясь сквозь природу и упражняясь в добродетели и смирении, в кротости и терпении. Знай поистине: кто не входит этим путём, тот заблуждается; Бог идёт перед ним и в нём, а он всё же остаётся слепым. Но никто не имеет власти над теми, кто входит этим путём, ибо Сам Бог освободил их. Святой Павел говорит, что влекомые или водимые Духом не находятся под законом. Для таких людей время никогда не тянется слишком долго; ничто их не тревожит. Ни об одном из любящих этот мир нельзя сказать, что ничто его не тревожит и что время никогда не кажется ему слишком долгим. Но те, кто находится в этом мире, а высшая жизнь их — вверху, свободны от всего и терпеливы в своей низшей жизни. Что бы ни случилось, им принадлежит мир в самой основе бытия. Они принимают всё от Бога и желают вновь возложить всё на Него; так они покоятся в мире. И всё же во внешнем человеке им, возможно, приходится страшно страдать и весьма тревожиться. Но где бы они ни находились, они блаженны, и нам следует хвалить их; боюсь только, что они посеяны весьма редко. Да поможет нам Бог стать подобными им. Аминь.

Проповедь XXIV. На праздник святого Михаила и всех ангелов

[1] О различных и особых действиях девяти чинов святых ангелов в человеке, в тройственном устроении его жизни и существа: во внешнем человеке, в его разумных силах и в том, что создано в нём по образу Божию. О том, как их попечение и надзор помогают ему достигнуть высочайшей степени совершенства в духовной жизни.

[2] *Angeli corum semper vident faciem Patris mei, qui in coelis est*

[3] «Ангелы их всегда видят лицо Отца Моего Небесного». [103]

[4] Сегодня праздник святого Михаила и всех ангелов. Мы уже читали сегодня о том, как этот праздник впервые возник вследствие откровения на горе, и потому теперь не будем к этому возвращаться. Евангелие говорит: «Ангелы их всегда видят лицо Отца Моего Небесного». Я не знаю, какими словами могу или должен говорить об этих чистых духах: у них нет ни рук, ни ног, ни образа, ни очертаний, ни вещественного состава; мы не можем постичь природу их бытия — как же нам говорить о них? Мы не знаем, что они такое; и это неудивительно, ведь мы не знаем самих себя, не знаем и своих душ, благодаря которым мы люди и от которых получаем всё доброе в нас. Как же можем мы постичь этих превысших духов, чьё благородство далеко превосходит всё благородство, какое способен явить мир? Поэтому будем говорить об их отношении к нам, а не о природе их бытия. Их дело — постоянно взирать на нас и созерцать нас в зеркале Божества: верно, действенно, истинно и с различением; каждому из них поручено

особое, определённое действие в нас. Но Бог действует в нас непрестанно, гораздо истиннее и благороднее, а они действуют в нас вместе с Богом — подобно тому как солнце непрерывно воздействует на землю, а звёзды содействуют солнцу в его влиянии на землю и на всякую находящуюся на ней тварь. Звёзды всегда обращены к солнцу и отражают его лучи, а солнце обращает к ним своё лицо; так что их действия становятся нераздельными. Поэтому, если бы было возможно удалить с неба хотя бы самую малую звезду, все создания, люди и скот, погибли бы.

5 Итак, есть девять чинов ангелов, составляющих три иерархии, по три чина в каждой. Каждая из этих трёх иерархий оказывает своё особое, отличное от других действие на три стороны человеческого естества. Первая — внешний человек, вторая — его разум, третья — его богоподобие; и всё же все три составляют одного человека. Во всех трёх ангелам предстоит своё дело. Кроме того, у каждого человека есть ангел, особо назначенный при крещении хранить его. Его попечению человек вверен; он стоит рядом, непрестанно помогает ему, охраняет его во сне и наяву, во всех местах, во всех его делах и путях — злых или добрых. Даже если бы не было иной причины горячо любить Бога и благодарить Его, разве уже этого не было бы достаточно: Бог так тесно соединил с нами этих возвышенных и невидимых существ, чтобы они непрестанно воспитывали нас! Но, с другой стороны, каждому человеку противостоит и особенно злой ангел — диавол, который без устали действует против него и испытывает его столь же постоянно, как добрый ангел. Если бы мы были мудры и усердны, противодействие диавола и испытания, которым он подвергает нас, приносили бы нам больше пользы, чем

наставления добрых ангелов: ведь если бы не было борьбы, не могло бы быть и победы.

6 Теперь нам надлежит сказать об иерархиях. Низший их чин называется ангелами; все они служат внешнему человеку: увещевают и предостерегают его, помогают ему и направляют его к добру, бодрствуют над ним, твёрдо и непрерывно наставляя его. Если бы они так не охраняли нас, можете ли вы представить, сколько бесчисленных бед постигало бы нас? Ведь несметные бесы постоянно следуют за нами, желая погубить нас во сне или наяву. Но эти благородные ангелы опережают их и не допускают этого.

7 Второй чин составляют архангелы. Их изображают как священников, деятельное служение которых совершается при Святом Таинстве. Так они служат человеку, наставляют его и помогают ему плодотворно принимать Святое Таинство Тела нашего Господа.

8 Третий чин составляют Силы. Они служат нам, наставляют и побуждают искать естественных и нравственных добродетелей, а также испрашивают для нас божественные добродетели веры, надежды и любви. Люди, которые следуют им и много с ними общаются, становятся настолько добродетельными, что добродетель даётся им легко и радостно, словно она составляет часть самой их природы и существа. Все враги, отпавшие от этого чина, со всяким мыслимым коварством восстают против этих людей, стараясь увлечь их в сторону, чтобы те не достигли места, откуда сами они были низвергнуты. Невероятны уловки, к которым они постоянно прибегают. Человеку следует весьма усердно остерегаться этой враждебной злобы, столь удивительным образом его окружающей: ведь эти враги нередко действуют с великой

тайной изворотливостью в вещах, которые кажутся добрыми. По большей части они стремятся увлечь людей всевозможными развлечениями; а если видят, что не достигают цели, то устраивают человеку такое положение, которое кажется хорошим, чтобы он удовлетворился им и перестал стремиться вперёд. Оказаться в таком состоянии чрезвычайно опасно — ныне более, чем когда бы то ни было. Как говорит святой Бернард: «Остановиться на пути Божием — значит пойти назад». В таком состоянии находятся все, чьи сердца привязаны к миру и довольны собой, кто говорит: «Мы совершаем не меньше добрых дел, чем другие, и вполне довольны собой; наша участь будет лучше их участи, и мы будем держаться своих порядков и обычаев, как держались их наши предшественники». Но когда придут великие бедствия, те, кто теперь думает, что у него всё хорошо, окажутся в великой скорби. Тогда злые ангелы, за которыми они следовали, будут вместе с ними изумляться и сетовать, а в конце концов беспрепятственно уведут их. Подобное происходит уже сейчас. Но когда минуют эти страшные падения и бедствия, святые ангелы откроются очищенным людям, будут открыто ходить с ними и беседовать.

[9] Теперь перейдём ко второй иерархии. Составляющие её ангелы деятельно пекутся о второй стороне человеческой природы — о разумных силах человека, которые возносят его намного выше всех других существ, имеющих животную природу, и делают подобным ангелам. Первый чин называется *Potestates*, второй — *Principatus*, третий — *Dominationes*, то есть Власти, Начала и Господства. Все они действуют в тех людях, которые, как они видят, преуспели в добродетели настолько, что способны во всём владеть своими чувствами и их внешними проявлениями,

а во внутреннем человеке — своими мыслями и намерениями. Эти люди свободны и вполне властвуют над пороком. Так, мы читаем о святом Франциске, что он имел такую власть над внешним человеком, что, стоило ему подумать о каком-нибудь подвиге, его тело тотчас устремлялось вперёд и говорило: «Вот я!» Такие люди воистину подобны земным князьям, которые свободны и не имеют над собой господина. Так им даётся в духе властвовать над всеми действиями внешнего и внутреннего человека. Увидев это, злые ангелы исполняются жестокой ненависти к ним, ибо боятся, что эти люди займут их места. Поэтому они употребляют всю свою изобретательность, чтобы подвергнуть их самым страшным искушениям, какие только можно вообразить и о каких служащие миру и лукавому никогда не слышали и не могли помыслить. Много у них таких путей, ибо они с великой настойчивостью стремятся низвергнуть добрых. Когда они становятся столь неотступны, что бедному человеку кажется, будто он должен потерять либо жизнь, либо рассудок, приходят благородные ангелы — Начала — и прогоняют их, и человек одерживает победу. Будучи так побеждены, они уже никогда не осмеливаются нападать на того же человека: гордость им этого не позволяет; они страшатся этих могучих людей и тех, кто начальствует в этой иерархии, и отступают перед ними. Затем приходят владычествующие ангелы — Господства — и делают этих людей столь мудрыми и рассудительными, что они видят насквозь козни врага. Как говорит святой Павел, ни диавол, ни мир, ни плоть, ни какая-либо тварь не могли одержать над ним победу.

[10] Теперь мы подходим к третьей иерархии. Эти ангелы действуют в самой сокровенной глубине человека и проникают взором в то, что создано по образу Божию.

Первый их чин составляют Престолы, второй — Херувимы, третий — Серафимы.

11 Престолы действуют в глубочайшем сердце человека, так что он становится подобен царскому престолу, где Бог благоволит обитать, царствовать и судить, воздавать и совершать все Свои дела в нём и через него. Сердца таких людей настолько незыблемо укоренены в божественном мире, что ни любовь, ни скорбь, ни суровость, ни нежность не могут их поколебать; как сказал святой Павел: «Ни смерть, ни жизнь». Сотня смертей не поколебала бы и не устрашила таких людей. Как умирающий не заботится ни о какой чести или бесчестии, которыми могли бы его окружить, потому что его мысли пребывают в ином месте, так и человек, в глубине сердца обращённый к Богу, становится крепким Божиим престолом: ничто не может устрашить его, ни любовь, ни скорбь, ибо он покоится в том сущностном мире, который есть жилище Божие, как говорит Давид: *«In pace factus est locus ejus» — «В мире устроено место Его».* Берегите и храните мир, дорогие дети, чтобы никто не отнял его у вас и чтобы жилище Божие не было разрушено. О дорогое дитя, храни его: молчи, терпи, удерживайся от зла и пребывай в мире. Покойся, уповай и пребывай в собранности; не бегай слишком много туда и сюда, не будь взволнован, поглощён заботами или порывист. Но сознавай присутствие своего Господа господствующих в сердце, где Он восседает на престоле, славный и могущественный, чтобы не нарушать Его покоя и не умалять Его мира. [104]

12 Когда люди покоятся в таком мире, приходят Херувимы во всём своём сиянии и озаряют человеческие сердца богоподобным светом, словно внезапным взором. Этот

взор пронизывает человека насквозь; его сердце настолько исполняется светом, что при необходимости он мог бы судить обо всех людях. И всё же это озарение — лишь мгновенный взор: чем он стремительнее, тем он истиннее, благороднее и несомненнее.

13 Затем приходят пламенеющие Серафимы со своей огненной любовью и возжигают любовь в сердцах людей. И это тоже совершается в одно мгновение: человеческая любовь становится столь широкой и всеобъемлющей, что заключает в себе любовь ко всему. Человеку кажется, будто он готов воспламенить всех людей; и всё происходит так внезапно и быстро, что ему кажется, будто он сам сейчас сгорит. Это пламя возгорается в глубочайших помыслах прославленного человека, но озаряет и две другие его стороны — душу и внешнего человека. Такие люди становятся столь богоподобны и благоустроены, столь истинно преданы Богу, добродетельны, мирны и спокойны, что никто не замечает в них никакой немощи ни в словах, ни в делах. При этом они почитают себя ничем и обращают на всё это так же мало внимания, как если бы оно произошло с кем-то за тысячу миль от них. Всё, что Бог может совершить через них или в них, они считают не принадлежащим им и не приписывают себе никакой заслуги; ибо они думают лишь о собственном совершенном ничтожестве и почитают себя ниже всех людей. Они воистину те небеса, в которых обитает Отец, как говорит Евангелие: «Ангелы их всегда видят лицо Отца Моего Небесного». Да поможет Бог всем нам достигнуть этого. Аминь. [105]

Проповедь XXV. На день Всех святых. Первая проповедь

[1] Весьма полезное толкование Евангелия о восьми блаженствах. Как мы можем восходить по ступеням этих блаженнейших добродетелей и через них учиться самопознанию. Как должно почитать святых и различные степени их достоинства в вечном Отечестве.

[2] *Videns Jesus turbas, ascendit in montem, et secuti sunt cum discipuli, etc.*

[3] «Увидев народ, Иисус взошёл на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: блаженны нищие духом», — и так изрёк восемь блаженств. [106]

[4] Гора, на которую взошёл Иисус, — Его собственная святость и Его Существо, ибо Он един со Своим Отцом; и за Ним последовал великий сонм тех возлюбленных святых, чей праздник мы ныне совершаем. Все они последовали за Ним, каждый в своём призвании, как призвал его Бог. Нам должно идти вслед за ними, прежде всего стараясь узнать, к чему призвал нас Бог, и следовать этому призванию.

[5] Итак, мы должны со всяким усердием чтить этих святых. Какую же величайшую честь можем мы им воздать? Вместе с ними погрузиться в совершенное уединение, в ту благую глубину, где они утратили себя и где обретается их великое блаженство. Потому погрузись туда вместе с ними: большей чести ты не можешь им оказать и ничем не можешь угодить им более.

6 Рассмотрим теперь сонм святых, последовавших за Ним на гору, и то, как был ведом каждый. Прежде всего за Ним последовали святые патриархи Ветхого Завета, исполненные пламенного томления, ибо веровали, что Он придёт. Бог исполнил их святой любовью и надеждой; и не внешне, но внутренне они были обнажены и свободны от всего, что не было Богом. Любовь их была столь велика, что всем своим достоянием они делились с избранным народом и со всяким усердием заботились, чтобы не было недостатка ни в чём, от чего должно было произойти это Рождение. Они всецело посвятили себя служению тому роду, в котором Ему предстояло родиться. Сегодня мы читаем о последовавших за Ним, что от каждого колена запечатлено было двенадцать тысяч; одиннадцать колен последовали за Ним, а остальных было бесчисленное множество.

7 Затем явился второй сонм — возлюбленные святые апостолы. Они пришли после Рождения Господа нашего, и Он повёл их путём гораздо более высоким, к большему совершенству. Они оставили всё не только внутренне, но и внешне, в истинной нищете тела и души, и притом в высочайшей возможной степени.

8 Потом пришли святые мученики, и великий сонм их последовал за Ним. Они не только оставили всё, но отдали и саму жизнь, когда Бог потребовал этого от них, и тем способом, какой Он избрал.

9 Далее за Ним последовал великий сонм святых исповедников, которые разными путями шли за своим призванием. Одни жили в уединении для одного Бога и принимали истину внутри себя, в безмолвии, внимая тому, что говорил им Бог, вечное Слово. Такие люди удалялись в леса и пещеры. Другие вступали в

монашеские ордены и жили среди святого христианского народа, проповедуя и составляя писания, принимая исповедь, наставляя и увещевая; всё делали они от сердца, как для Бога, отрекаясь от себя и от всего, что не от Бога.

10 Затем последовал блаженный сонм чистых и скромных девственников, непорочных телом и душой. О, как свято и блаженно быть телесно непорочным, словно Ангел, и получить от Бога честь носить то одеяние, которое Он и Его Преблагословенная Матерь носили с такой благодатью! Столь велика эта радость, что никому в мире не следовало бы тревожить такого человека; ни скорбь, ни какая-либо беда не должны касаться его сердца, если только он сохранил это сокровище. Кто желает сохранить его во всём благородстве, должен бороться и страдать; его сердце будут часто ранить естественные влечения и злая природа, плоть и диавол. Заметьте же, дети: всякое нападение подобных искушений лишь порождает чистоту; кто учится при этом познавать себя, тот увидит в ней свою награду. О дети, кто обращает внимание на награды, которые так рождаются! Затем идёт множество простых людей, принимающих это к сердцу; их также поддерживают вера и молитва друзей Божиих. Им надлежит очиститься в чистилище, иначе они не смогут войти в Царство Отца; и как сегодняшний день мы празднуем в честь очищенных душ, так завтрашний будем совершать в память душ ещё не очищенных, чтобы и они очистились. Так за одно земное наслаждение и один повседневный грех нам придётся претерпеть в чистилище больше боли, чем претерпели все мученики, чей праздник мы ныне совершаем, если бы можно было собрать воедино все их муки. Это необходимо за малейшее греховное

противление нашей воли Богу, за пренебрежение Его призывом и Его посредничеством.

11 Вот сонмы, последовавшие за Христом на гору Его блаженства. Тогда Он отверз Свои Божественные уста и изрёк восемь блаженств. Скажем немного о каждом. Первым Он сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Эта добродетель поставлена первой, потому что она — главное и начало всякого совершенства. Дети, как ни посмотрите на это, сердце человеческое должно быть обнажено, пусто, свободно, нище и безмятежно, если Бог действительно будет действовать в нём. Оно должно быть совершенно пустым, и тогда Бог может и желает обитать в нём.

12 Эта нищета может приниматься и осуществляться четырьмя различными способами. К первому относятся те, кто беден против собственной воли и желания. Никто не должен сурово судить этих бедняков: ради их нищеты Господь тем милостивее прощает их недостатки.

13 О втором роде нищеты святой Фома говорит, что желать и принимать её следует в той мере, в какой она помогает нам и содействует свободе и опустошённости нашего духа; ведь дух многих людей свободнее и менее озабочен, когда они имеют необходимое, чем когда вынуждены ежедневно добывать его. Тот, кому дозволено владеть необходимым и кто пользуется им с благодарностью, часто менее озабочен, чем тот, кто должен его искать. Но если такой человек обнаружит, что имущество завладело его сердцем или тревожит его, так что он перестаёт упражняться в любви, умеренности, смирении и совершенной чистоте, ему следует отказаться от всего и стать внешне нищим, как бедняки.

[14] Третий род нищеты принадлежит тому, кто столь горячо любит Бога, что ничто не может помешать ему и всё становится ему в помощь. Как говорит святой Павел, всё содействует благу добрых; поэтому такого человека не затрагивает ничто, что не вполне от Бога, ничто из касающегося его сердца, чтобы он стал нищим, обнажённым и свободным. Такие люди могут сказать со святым Павлом: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». Так внутренний человек остаётся невредим. [107]

[15] Четвёртый род совершенной нищеты — нищета человека, который желает быть бедным и внешне, и внутренне по примеру Господа нашего Иисуса Христа; из истинной любви он подражает Его совершенной нищете, не тяготясь ею и не скрывая её ни внешне, ни внутренне. Только такие люди имеют обнажённое, чистое, непосредственное и непрестанное общение со своим Источником и Началом, так что не могут внезапно отпасть, не заметив этого сердцем и не возвратившись вскоре. Это и есть совершеннейшая нищета: ведь благороднейшая её форма — обращение к Богу, обнажённое, свободное и ничем не стеснённое, ныне и вовеки, как у нищих святых.

[16] Теперь перейдём ко второму блаженству: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Здесь мы ещё на одну ступень приближаемся к блаженству, ибо истинная нищета разрешает все трудности; через эту кротость мы приближаемся к Источнику всего, и из нас изгоняется всякая горечь, гнев и неправда. Ибо написано: «Для чистых всё чисто»; для кротких всё чисто. Всё это исходит из чистого, доброго сердца, так что для добрых всё добро. В прежние времена друзей Божиих предавали

мученичеству, пытали и терзали язычники; теперь же это делают люди, которые кажутся добрыми христианами: они ранят нас в самое сердце, хотя они — наши ближние. Если ты обратишься к Богу, они скажут: «Ты безумен; ты потерял голову; у тебя странные обычаи, и ты обманщик». Тогда приходит кротость, ведёт тебя и направляет внутрь, в собственное сердце, чтобы ты принимал всё как от Бога, а не от человека. Так ты пребываешь в совершенном мире и говоришь: «Чем может повредить тебе человек, если Бог — твой Друг?» Так кроткие наследуют землю и пребывают в совершенном мире, что бы с ними ни случилось. Если же ты не станешь так поступать, то утратишь и всю добродетель, и свой мир; тебя назовут брюзгой, словно ты свирепый пёс. [108]

[17] В-третьих, Господь наш сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». В одном смысле Он разумеет страдающих, в другом — тех, кто оплакивает свои грехи; исключение всегда составляют блаженные друзья Божии, которые здесь блаженнее всех: они уже окончили плач о собственных грехах и не должны более о них скорбеть. И всё же они не перестали плакать, ибо плачут о грехах и немощах ближних. Мы читаем, что святой Доминик спросил одного из своих спутников, горько плакавшего, почему он плачет. Тот ответил: «Возлюбленный отец, из-за моих грехов». Тогда святой сказал: «Нет, возлюбленный сын, они уже довольно оплаканы; но прошу тебя, возлюбленный сын, плачь о тех, кто не хочет плакать о себе». Так истинные друзья Божии плачут обо всей слепоте и бедствии грехов мира и обо всём его нечестии. Ибо когда Бог попускает Своему гневу и судам обрушиться на нас, а мы говорим столько страшного об огне, наводнениях, великом мраке, сильных ветрах и тяжёлых временах, святые день и ночь оплакивают всё

это пред Господом. И Он взирает на них и останавливается, ожидая, исправимся ли мы. Если же не исправимся, нас ждут ещё более тяжкие и суровые бедствия. Тучи нависли над нами, но плач друзей Божиих удерживает их. Однако будьте уверены: если мы не исправимся, они вскоре разразятся, и тогда наступят такие смятения и потрясения, что мы вспомним о Судном дне. Те, кто ныне пребывает в мире, подвергнутся тяжкому угнетению, а Слово Божие и богослужение сделаются почти неизвестны. Лишь кое-где будет совершаться служба, и никто не будет знать, куда идти. Но верный наш Бог найдёт убежище, где сможет сохранить Своих.[28]

18 В-четвёртых: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Поистине, это добродетель, которой обладали весьма немногие. Очень немногие алчут и желают одной лишь праведности — в помысле, в зрении и во вкушении. Там, где обретается эта глубина, не было бы ни благосклонности, ни неприязни ради моей выгоды или выгоды моих друзей, ради моей чести, похвалы или порицания; не было бы ни ложного суда, ни пристрастия, ни предубеждения. Но нашедший её достоин похвалы. Ибо тот, кому ничто не сладостно и кто ни о чём не заботится, кроме правды, взошёл на весьма высокую ступень. О таком человеке мы по праву можем сказать, что он блажен.

19 В-пятых: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Сказано, что милосердие — то свойство, которое Бог являет во всех Своих делах; потому милосердный человек поистине богоподобен. Ибо милосердие рождается из любви и доброты. Поэтому истинные друзья Божии гораздо милосерднее и охотнее доверяют грешным

и страждущим, чем те, в ком нет любви. Милосердие рождается из той любви, которую мы должны проявлять друг к другу. Если мы этого не делаем, Бог взыщет с нас в Судный день; и там, где Он не найдёт должного милосердия, Он откажет в милости, как Сам сказал. Он ничего не говорит о совершенстве и осуждает лишь тех, кто не был милосерден. Это милосердие не ограничивается дарами: оно должно распространяться на всякое страдание, какое постигает или может постигнуть испытываемого человека. Кто не взирает на ближнего с истинной любовью и состраданием, милосердно снисходя ко всем его слабостям и немощам, тому следует страшиться за себя: как бы Бог не отказал ему в Своём милосердии. «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Потому пусть каждый наблюдает за собой, чтобы самому ему не быть осуждённым во всю вечность. [109]

[20] В-шестых: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Люди, обладающие истинным миром, поистине достойны любви, и мира их никто у них не отнимет. Их собственная воля затерялась в воле Божией — в любви и скорби, в благополучии и бедствии, во времени и в вечности. Их дела и вся их жизнь пребывают в Боге — не по-человечески, но божественным и сверхъестественным образом. Они крещены в Силе Отца, Премудрости Сына и драгоценной любви Святого Духа и так проникнуты ими, что никто не может нарушить их мир. Эти три Божественных Лица настолько наполнили их, что, будь в том нужда, они могли бы явить свой мир всей земле; ибо они исполнены света Божественной Премудрости, пронизавшего их. Так, и сами исполненные любви, они преизобилуют и внутренне, и внешне истинной любовью к ближним. При этом изобилии, с какой бы стороны ни приблизиться к ним, в

них нельзя найти ничего, кроме любви и мира. Это те, кто в сердце своём миротворцы. Мир, превосходящий всякий ум, так овладел ими, что никто не может его изгнать; и их справедливо называют сынами Божиими, ибо то, чем Единородный Сын обладает по природе, им даётся по благодати. Мирные поистине рождены для Бога и от Его Сердца: иначе этот мир не может возникнуть — ни через подвиг, ни через какое-либо внешнее средство. И всё же те, в ком обретается этот мир, могут во внешнем человеке претерпевать многие обиды различным образом.

[21] В-седьмых: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога». Что такое чистое сердце? Сердце обнажённое, свободное и не тревожимое никаким творением, где Бог находит глубину обнажённой, свободной и безмятежной. Чистые действительно узрят Бога. Человек оскверняет эту чистоту сердца, когда своевольно обращается сердцем и желанием к творению и находит в нём покой; и чем более он покоится, ищет и обретает в том, что не Бог, тем более отдаляется от Бога. Так очи его слепнут, и он не может пребывать в созерцании Бога. Внешняя чистота плоти весьма содействует чистоте сердца; как говорит святой Павел: «Девы день и ночь непрестанно помышляют о Божием, а имеющие мужей не могут этого делать». Как телесная чистота утрачивается от внешнего небрежения телом, так и благородная цельность духа в подобии Божием утрачивается и повреждается добровольным присоединением того, что не согласно с Его подобием. От этого дух человека помрачается, и он не может видеть своего Источника, своего истинного Обиталища и того, ради чего он создан и послан в мир, — а именно, чтобы непрестанно возвращаться к своему Источнику и там зреть Бога очами духа и разумения. Потому чистота весьма достойна хвалы: она всегда открывает путь к Богу.

Ведь невеста Божия должна так хранить себя, чтобы желать угодить одному только Богу, — если она хочет быть или называться Его невестой.

22 Невозможно выразить словами восьмое блаженство — блаженство тех, кто терпит гонения за правду. Верный и истинный Бог, избравший Своим друзьям быть совсем близко к Нему в Его собственном блаженстве, посылает скорые и великие страдания, когда видит, что они живут не так, как им подобает, чтобы они стремились к блаженству, хотят они того или нет. Это безмерная верность со стороны Бога, и она должна вызывать безмерную благодарность со стороны человека за то, что он таким образом вынужден страдать. Он должен признать себя недостойным этого; его должна исполнить надеждой мысль, что Бог даровал ему такую честь и благодать, чтобы он уподобился Богу и последовал за Ним. Святой Бернард говорит: «Малое страдание, терпеливо перенесённое, несравненно ценнее долгого упражнения в добрых делах». Святой Фома говорит: «Всякое страдание, сколь бы малым оно ни было, которое можно претерпеть внешне или внутренне, есть подобие драгоценнейшего Страдания Господа нашего».

23 Но ещё более достойное страдание, ещё более близкое к страданию Господа нашего, — внутреннее страдание с Богом. Ибо хотя всякое страдание невероятно полезно и плодотворно, это всё же ещё желаннее и благороднее. Насколько Бог высок и превыше всех творений, настолько это страдание высоко и превыше всех дел, какие может совершить человек. Потому мы должны горячо любить Бога, когда Он ведёт нас к вечному спасению через страдание вместе с Ним. Дело должно принадлежать Богу, а не человеку, и мы должны видеть в нём Бога.

Человеку по природе надлежит скорее претерпевать, нежели действовать; скорее принимать, нежели давать; ибо каждый такой дар тысячекратно умножает и облагораживает желание новых даров. Кто опустошает и обнажает себя, хранит внутренний мир и ожидает действия Божия в своей душе, тот уступит место Богу и пожелает претерпеть всё, что Бог совершит в нём Своим благородным и Божественным действием. Ибо Бог всегда действует, а Его Дух всегда претерпевает. Какое дивное благословение было бы, если бы человек только крепко держался своего благородства и пред Богом сохранял себя обнажённым и чистым, чтобы Бог, если Ему будет угодно, мог видеть Своё дело в человеке. Да дарует нам Бог достигнуть этого блаженства. Аминь.

Проповедь XXVI. На день Всех святых. Вторая проповедь

[1] О двух видах нищеты: недостатке земных благ и нищете духа. О том, насколько нищета духа совершеннее, мучительнее и вместе с тем угоднее Богу. В чём состоит нищета духа и как человек может её достигнуть. [31]

[2] *Beati pauperes spiritu, quoniam ipsorum ist regnum coelorum.*

[3] «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». [110]

[4] Есть два вида нищеты. Один — внешний, касающийся внешнего человека; он состоит в отказе от всего временного ради Бога, и это евангельский совет. Другой вид — нищета духа и смирение сердца. Она требуется от всех людей: от каждого сообразно его призванию. Скажем теперь немного о том и другом.

[5] Первый вид нищеты обязателен не для всякого человека, а лишь для тех, кто призван к нему Богом и чьему духу дано желание в высшей степени подражать внешней человеческой жизни Христа. Для этого они должны оставить всё и даже самих себя отдать как милостыню, день за днём выпрашивая хлеб, подобно святому Франциску и всем его братьям. Так внешне следовать за Христом — высочайшая ступень. Своими силами никто не может этого достигнуть, ибо придётся совершенно отказаться от всех временных преимуществ и внешне отречься от всех земных благ. Природа неохотно идёт на это, ибо это тяжело; но чем труднее это природе, тем угоднее Богу. Для тех, кто идёт этим путём с чистым

сердцем и добрым намерением, это особо святая жизнь; через их добрый пример Бог часто обращает многих мирских людей, особенно среди бедных, живущих в великом грехе. Потому Бог щедро вознаграждает такую нищету. Но чтобы эта внешняя нищета послужила им к истинному благу, она должна совершиться и внутри. Поэтому внешняя нищета наиболее полезна тогда, когда содействует внутренней.

6 Второй вид — нищета духа и истинное смирение сердца. Она состоит в отказе от всех утешений и наслаждений; и как внешняя нищета требует оставить всякое временное удобство, так эта требует отказаться от всякого внутреннего утешения — в добродетели, в пламенном усердии и во всех наслаждениях внутренней бодрости и радости.

7 Итак, возлюбленные дети, постарайтесь верно понять меня: как вам должно достигать этого. Да дарует вам Бог пожелать этой нищеты, а также и внешней. Не достигнет успеха тот, кто принимается стяжать её без внутреннего влечения, или берёт её на себя, потому что прочёл о ней в Писании либо услышал, или хватается за неё из тревоги. Кого не побуждает к ней Божественное вдохновение, тот остановится и не достигнет истинной добродетели. Он думает лишь о внешнем, о состоянии добровольной нищеты, но смотрит на неё не так, как Христос, Который призывает к ней иных людей, занимающих высшее место в Святой Церкви: они ради Бога сначала стали внешне нищими, чтобы сделаться нищими и внутренне. Некоторые думают только о внешней нищете и не заглядывают внутрь. Они вполне довольны внешней нищетой, ибо полагают, что от неё зависит всё; а если временами им достаются внутренний пыл и сладостное

предвкушение, они называют это созерцанием или созерцательной жизнью. Между тем всё это ещё происходит на низшей ступени их природы, сообразно цельности и одухотворённости их низших сил. Они не проникают далее внутрь, но воображают, что высшего пути нет. Так они лишь немного уподобляются Христу в Его человечестве; им же следовало бы идти дальше и учиться уподобляться Христу в духе и истине. Как Он был соединён духом с Отцом, так и они должны стремиться к этому, насколько возможно в нынешней жизни.

[8] Внутренняя нищета — состояние гораздо более высокое, чем внешняя, ибо она сообразна Божественному подобию, тогда как внешняя уподобляет лишь Его человечеству. Она также гораздо надёжнее. Кто обладает обеими, тот выше всех. Но таких людей немного: люди по природе весьма немощны. Поэтому, если одной из двух должно недоставать, лучше не иметь внешней нищеты, а искать внутреннюю, каждому по своим силам и в любом состоянии. Нищего и смиренного сердца требует жизнь всякого человека; но внешне нищим обязан быть не каждый, а лишь тот, кого Бог к этому призывает. Этот внутренний путь и эта нищета трудны; и если бы человек обладал силой самого могучего из когда-либо живших людей, ему понадобилась бы вся эта сила, чтобы претерпеть до конца жизни. Не справедливо ли тогда, чтобы такие люди имели внешние удобства и надлежащий уход в болезни, особенно те, кто долго истязал внешнего человека? Осуществить этот путь так трудно, что они едва ли преуспеют, отказавшись от всего необходимого, предаваясь бдениям и тяжёлому внешнему труду; напротив, суровое внешнее воздержание скорее помешает им. Когда они страдают, угнетены, объяты ужасом или жестокой болью, их сердца так переполнены,

что они едва могут всё вынести. Если бы тогда они наложили на себя ещё и суровое внешнее покаяние, то разрушили бы свои природные силы и стали неспособны внимать внутренним наставлениям Бога. Потому в таком состоянии им следует позволять надлежащий уход, чтобы они могли поправиться. Будьте уверены: за удобства, предоставленные природе, им придётся каяться со страхом и трепетом, хотя внешне они могут занимать высокое положение в мире, имея имущество и владения по своему званию и всё же сохраняя эту внутреннюю нищету. Чем больше у них внешних почестей, благ и удобств, соответствующих их положению, тем тяжелее бремя, которое они несут внутри; внешне же они обязаны делать всё возможное, чтобы поддерживать эту нищету духа. Когда они не могут этого исполнить без естественных удобств, они пользуются ими со страхом и горечью, как можно незаметнее, чтобы никого не соблазнить. Так человек мог бы без вреда для себя владеть царством или занимать любое иное положение и всё же быть нищим духом и убогим. Очень немногие готовы поверить, что таким образом можно обрести столь великие блага, — да, в любом состоянии жизни, лишь бы человек был готов умереть для своих естественных похотей и всем сердцем обратиться к этой нищете. Никто не слишком богат, не слишком велик и не слишком беден, чтобы достигнуть этого пути, избрать его и идти по нему; все усердно ищущие могут найти его. Потому человек, неспособный принять оба вида нищеты, должен обратиться к этому, остаться в своём призвании и учиться быть нищим духом, то есть смиренным сердцем.

9 Лучший способ упражняться в этом — призывать Бога на помощь, умоляя Его сохранить нас от греха и даровать терпение в страдании; ибо нищета духа состоит во

внутреннем страдании, угнетении и бедствии. Её нельзя изгонять никаким наслаждением. Человек должен упражняться во всех добродетелях, насколько это в его силах; и если это не приносит ему удовольствия, но другие люди причиняют ещё больше страданий, если Бог вразумляет его наказанием, тело его поражено недугом, а все люди, духовные и миряне, смущают, осмеивают и презирают его, — и среди всего этого он страдает, но не сдаётся, ожидая, пока Бог пошлёт облегчение, — вот что значит быть нищим духом. Заметьте же, насколько труднее избрать эту внутреннюю нищету, чем недостаток имущества. Она поистине гораздо угоднее Богу и благороднее. Проповедующие эту внутреннюю нищету и наставляющие в ней гораздо больше служат Богу, чем те, кто учит лишь внешней бедности. Такая жизнь гораздо более уподобляется Богу, чем другая, и требует во много сотен раз больше труда. Лучше было бы также склонить сто человек к нищете духа, чем одного — к перенесению внешней нищеты. Не нужно многих доказательств, чтобы показать, насколько эта жизнь выше первой: ведь избрать её гораздо труднее. То, что люди легче отзываются на внешнюю нищету, объясняется тем, что они охотнее верят видимому, чем тому, о чём лишь слышат и чего не испытали. Бог хочет, чтобы некоторые избирали внешнюю нищету, ибо такая жизнь угодна Ему и чтобы они приносили много плода среди простых людей, которые из-за множества забот не способны понять нищету духа и считают внешнюю бедность превосходнейшим состоянием. Она учит их и побуждает отвернуться от своей греховной жизни и покаяться.

10 Любящие внешнюю нищету и упражняющиеся в ней иногда бывают щедро наделены от Бога внутренними духовными богатствами. Никакое внешнее страдание не

удручает их, потому что духом они столь радостны. Некоторые считают почти невозможным услышанное требование отвернуться от этих наслаждений. Они полагают внешнюю нищету маловажной и выше ставят внутреннюю, потому что на деле слишком любят себя и поступают так, чтобы иметь возможность следовать велениям природы, думая или воображая, будто желают служить Богу в чистой радости. Это воистину относится к тем, кто бежит от внешней нищеты, не будучи побуждаем и понуждаем к тому изнутри: так они постоянно обманываются и становятся весьма опасными людьми. Но те, кто вкусил внутренней нищеты, кто стремится жить в страдании и прямо идёт своим путём в истинной преданности, найдут этот путь гораздо мучительнее, чем когда-либо мог бы оказаться другой; и если бы они имели силу десяти человек, она пригодилась бы им. Им необходимо хорошо есть и пить, чтобы не страдать головной болью, ибо природа наша уже не столь крепка и сильна, как прежде; без особой благодати Божией они не могут идти одновременно внешним и внутренним путём. Но кого Бог наставляет избрать первый путь, пусть идёт им с Божией помощью; тогда, несомненно, ему будет дана помощь и для другого, чтобы он мог всеми силами обратиться к нему и так следовать обоими. Если же он не может идти обоими, пусть пока держится второго и уничтожает и умерщвляет лишь свои грехи, а не свою природу. Кто не призван к первому, пусть обращается к Богу и просит второго, чтобы бояться Бога в своём собственном состоянии жизни; ибо у Бога нет лицеприятия, но Он любит всех боящихся Его и благочестивых и благоволит к ним.

11 Да поможет же нам милосердный Бог служить Ему такой праведной жизнью, оставляя свои грехи, все похоти

плоти и сладость духовных утешений, чтобы достигнуть истинной нищеты духа. К ней призваны люди всякого рода и состояния. Прежде всего духовенство, и особенно священники, как показывает жизнь Иоанна Крестителя: он вёл суровую и строгую жизнь и внешне лишал себя всего, от чего только мог отказаться. Он обладал также истинной нищетой духа, то есть глубоким и подлинным смирением, презирая тело и почитая себя ничем в сравнении с Господом Иисусом; ибо он сказал: «Я недостоин развязать ремень обуви Его». И ещё сказал: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» Было также совершенно очевидно, что люди презирали и отвергали его; ибо Христос говорит нам, что из-за того, что он так мало ел и пил, некоторые говорили: «В нём бес». Наконец за истину он был обезглавлен в темнице и так тайно убит, словно вовсе не принадлежал Богу; ибо у него не было видимых духовных утешений, но он терпеливо принял смерть. Это видно и в жизни святого папы Григория, который при всём своём богатстве и почёте имел меньше утешения для внутреннего и внешнего человека, чем отшельник в своей келье. Всем женщинам и мирянам это подтверждает также пример Преблагословенной Владычицы нашей, не имевшей временных утешений. Но превыше всех наш Пример — Христос: Он был внешне нищ, а духом ещё нищее; и от яслей до Креста не испытал никакого утешения. Так все Его ученики и святые последовали за Ним, каждый в своей тяжёлой и страдальческой жизни, по силам своим и как определил Бог. Да дарует Бог и нам достигнуть этого и прийти к совершенной жизни. Аминь. [111] [112] [113]

Проповедь XXVII. На день Всех святых или святой Урсулы. Третья проповедь

[1] Как человек может достигнуть той чистоты сердца, которая позволит ему видеть Бога в нынешней жизни, ощущать Его Божественное вдохновение, а в будущем — вечно обладать Им и наслаждаться Им. [32]

[2] *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt*

[3] «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога». [114]

[4] Хорошо заметьте, возлюбленные дети: все, кто желает быть угодным Богу, должны очиститься от всякого внешнего и внутреннего пятна и порока; иначе Бог не примет их, но попустит им погибнуть во многих внешних и внутренних заблуждениях.

[5] Кто охотно желал бы освободиться от греха и обрести чистое, пустое и свободное от забот сердце, которым уже в этой жизни мог бы духом видеть Бога, тот должен искать благодати Божией. Прежде всего ему надлежит усердно исследовать свою совесть, чтобы научиться очищать её, умирая для всех пороков, в которых он когда-либо был повинен внешне или внутренне. Что же такое добрая совесть? Это тихое, мирное и чистое сердце, смиренное и кроткое, желающее воли и славы Божией и готовое всё отдать или принять, ничего не выбирая; кто имеет такое сердце, тот будет блажен, и через него будет исполняться воля Божия. Но прежде чем человек достигнет этого и совесть его станет чистой, пустой и спокойной, ему придётся пройти через великие страдания; совесть будет непрестанно уязвлять и терзать

его. Сперва он признаёт величину своих грехов, о которых скорбит и кается. Затем начинает сторониться и избегать зла, противиться греху и всему, что его вызывает, чтобы научиться умирать для него, стать чистым и более на него не соглашаться. После этого он начинает творить добро и противостать всем своевольным желаниям чувств, отказываясь даже от дозволенного, как поступал Давид: в еде и питье, в хождении и стоянии, в зрении и слухе, в движении и покое — во многом, что само по себе разрешено, — чтобы стать лучше и следовать евангельскому учению. Поэтому то, в чём он находил большое удовольствие и чему предавался, он должен подчинить и обуздать. Так совесть учится очищать желания, как прежде старалась оградить его от грубых грехов.

6 После этого внешний человек испытывает великие неудобства, которые тело с трудом переносит. Когда человек по благодати Божией сумел отсечь грубые грехи и начал овладевать своим духом, отрешаясь от всех привычных удовольствий, его животной природе это кажется непривычным, и она начинает сопротивляться. И как бы он это ни принимал — с досадой или просто, прямо и терпеливо, — он обнаружит в себе беспокойство и множество немощей, а свой неустроенный ум найдёт непокорным руководству. Он не может внешне держать чувства под властью; не может хранить молчание, но должен говорить — либо жалуясь на свои нужды, либо хвалясь добрыми делами. Он порицает всё, что ему не нравится, и отвергает всё, к чему испытывает отвращение. На всё, что ему вредит, он жалуется, а всё выгодное ему приятно. Сладостное ему также приятно, но за тяжёлое и трудное дело он браться не хочет. Всё, что он хвалит, должны хвалить и другие; а того, что он

порицает, никто не смеет хвалить в его присутствии. Видите, возлюбленные дети, как человек начинает таким образом испытывать и исследовать собственное сердце и узнавать, каков он и что может сам по себе. Он усердно желает изгнать из сердца некоторые злые вещи и очистить его, но это горько и тяжело ему. Его природа ещё едва способна переносить страдание, умерщвление, угнетение и стыд, хотя во многом совесть обличает его и он раскаивается, признавая перед Богом и людьми, что поступал в этом неправильно. Поскольку он ещё не знает, что значит умереть для всех злых желаний, он легко может стать их добычей, и не без причины: ведь на дне сердца скрываются злые желания, к которым он внешне так склонен, что ему крайне необходимо упражняться во внешнем человеке в добродетелях, явленных Господом нашим Иисусом Христом, хотя он ещё причастен тому, к чему влечётся.

[7] После этого в плодотворной и добродетельной жизни человек начинает становиться более духовным; начать ему следует с пламенной молитвы, которая должна родиться из его борьбы с грехом, как уже было сказано. Из такой молитвы возникают истинное покаяние и скорбь о грехе, затем презрение к себе и своей греховной жизни. Тогда человек с доброй волей начинает предавать себя боли, умерщвлению, угнетению, противоречиям, бесчестию и всяким бедам, в которых может оказаться, во всём отдавая и принося себя Богу. Из любви он начинает учиться истинной преданности и терпению в вере и уповании на Христа. Он более ничего не желает от себя, чтобы чистота его совести ничем не запятналась. Затем он начинает ненавидеть и презирать себя, стараясь удерживаться от всякого суда над другими и не впускать никакого греха, когда замечает искушение. Он усердно

остерегается всяких побуждений ко греху, чтобы не дать места диаволу. Всем сердцем он держится Бога и ни к чему иному не прилепляется. Он терпеливо до конца переносит всякое приходящее к нему страдание, пока Бог не освободит его. Он не станет искать облегчения ни в телесном, ни в духовном утешении. Из всего этого следует, что он охотно принимает руководство старших, желая всецело покориться Богу. Сперва он замечает то, что предстоит ему, а затем упражняется в этом. Если это доброе, он благодарит; если искушение — борется с ним. Далее он учится не жаловаться на свою нужду никому, кроме Бога, у Которого просит стойкости. Ничто земное никогда не возносит его, и он не находит удовольствия в себе; но радуется одному Богу — во всём и превыше всего. Он благодарен и благодушен, хорошо ли ему живётся или плохо. Он любит ближних, сострадая их немощи, и избегает всего внешнего и всяких внезапных порывов, особенно в веселье. Он избегает нерадения в подвиге и чрезмерных удовольствий. Всё принадлежащее Богу — благо; потому человек должен тщательно наблюдать за собой, не высокомудрствуя, но низко думая о себе. Всего, чего он советует избегать другому, он должен избегать и сам — например, своеволия, от которого особенно должен освободиться. Ему следует стараться строить на собственном несовершенстве и малости, принося себя Богу во всех своих страданиях и всегда нося в сердце Жизнь и Страдания Христовы. Он не прилепится ни к одному творению, чтобы один Бог был его Любовью и Любящим его. Он очищает своё сердце, чтобы научиться уже здесь поистине видеть Бога, а в вечном спасении видеть Его ещё чище и яснее. Да дарует Бог, чтобы это стало нашим уделом. Аминь.

Проповедь XXVIII. На праздник святой девы Екатерины

[1] О великой пользе и плодотворности, которых мы можем достигнуть, если будем усердно размышлять о Страданиях Христовых и упражняться в подражании им. Их по праву можно уподобить драгоценной жемчужине, которую благочестивые девы должны повсюду усердно искать, чтобы купить её и владеть ею.

[2] *Inventa una preciosa margarita, abiit et vendidit universa quae habuit, et emit eam.*

[3] «Найдя одну драгоценную жемчужину, пошёл и продал всё, что имел, и купил её». [115]

[4] Она нашла драгоценную жемчужину и потому оставила всё, расставшись со всем своим имуществом, чтобы купить её. Мы можем понимать это так: дева Божия оставила всё ради своей чистоты, которую ценит как драгоценный камень, и сохранила только её. Во-вторых, дева Христова обрела Страдания Христовы и стала подражать им, отрешаясь от всех земных удовольствий, чтобы благодарить Его за это страдание.

[5] Простейший способ служения Богу состоит из двух вещей. Первая — обычное благочиние Святой Церкви и жизнь в послушании, нищете, чистоте и других добрых упражнениях, которым предавались святые и одарённые обитатели монастырей. Это надёжное и доброе дело, позволяющее покорить внешнего человека и обратиться к добродетели.

[6] Вторая состоит в том, чтобы мы упражнялись в подражании Страданиям Господа нашего, стараясь раз в

день рассмотреть их во всей полноте и, насколько возможно, во всём сравнить свою жизнь с Его жизнью, особенно замечая всё, что Бог посылает нам и чему мы должны покоряться, следуя за Богом. Если будем внимательно наблюдать, то обнаружим, что Бог в Своём великом и любящем милосердии непрестанно посылает нам столько скорбей, что мы не сможем превозноситься или ставить себя наравне с Богом. Нам должно размышлять обо всех этих страданиях, учиться и трудиться всем сердцем и во всяком деле стремиться всё совершать во славу Божию. Мы должны также стараться настолько овладеть своими чувствами, чтобы в скором времени любовь к миру совершенно угасла в нас. Поэтому Страдания Христовы по праву можно уподобить драгоценному камню или жемчужине, которую дева Христова хранит, чтобы ею украситься. Ей надлежит каждый день размышлять о Страданиях Христовых — от Тайной вечери до Воскресения — и купить эту жемчужину всем, что она имеет и что может собрать во всех своих делах, благодарениях и стремлениях. Благодаря этому мы должны бы легко побеждать все злые склонности своей природы и злые помыслы; благодаря этому вскоре прийти к сердечному признанию собственных слабостей и немощей и достигнуть глубокого смирения; а затем — внутреннего, совершенного сострадания Господу нашему и всем людям в истинной любви. Кто не обращается к этому, тот никогда по-настоящему не научится познавать себя, но, вероятно, останется снаружи, довольствуясь внешним исполнением правил. Даже если бы он усилием продвигался вперёд во внешних делах и трудах, всё это не сделает его внутренне кротким, если он усердно не покается.

[7] Добрые плоды рождаются из этих жемчужин Страданий Христовых, когда благодать даёт людям способность приносить себя Богу во всех своих страданиях и уповать на Бога в простоте, а не в лукавом хитросплетении. Бог всё устраивает и Сам несёт бремя; так люди учатся истинной преданности, и Бог может помогать им в их немощи. Так Бог Своей любовью начинает отвлекать человека от любви к творению; люди начинают учиться рассуждению во всех своих поступках, во всём доверять Богу и понимать, что не должны ни высоко думать о себе, ни полагаться на себя, ни в чём находить опору, кроме благодати Божией. Потому они твёрдо веруют, что не будут обмануты; а кто полагается на себя, тот обманется. От этого приходит ещё большая благодать, и такие люди начинают различать Божественную благодать и душевные чувства. Заметьте ведь, сколько людей ведут, по видимости, добрую жизнь, внешне смиренны и просты, а в сердце всё же высокого о себе мнения.

[8] Добрые девы внешне и внутренне, всеми силами соблюдают все обычные, добрые и установленные предписания Святой Церкви и Священного Писания. Они беседуют со своими сердцами и прилепляются к Богу, перед Которым лучше всего излить все свои нужды, а не перед человеком. Когда они так отворачиваются от человека, им приходится терпеть от него много угнетения и бесчестия; однако во всех трудностях они сохраняют молчание, всё полагая перед Богом, а не перед человеком и приучая себя постоянно размышлять о Страданиях и Жизни Христовых. Бог укрепляет их через Страдания Христовы, так что они осмеливаются стоять в одиночестве, хотя за это их презирают, и осмеливаются продолжать свои размышления. Но делают они это со страхом и трепетом пред Богом, потому что люди считают

это неправильным и неразумным. Бог же свидетельствует их совести, и это делает их весьма благодарными, так что они радуются из любви к Богу. Врагу нелегко уловить таких людей скорбью, потому что они пребывают в постоянном общении с Богом и ничего не ожидают от естественного света, человеческой мудрости или того, что лишь кажется добрым. Они не полагаются только на сладость общения и пылкое усердие, будто у них непременно всё благополучно и они соединены с Богом уже потому, что дела идут хорошо. Воображающие так более всех обмануты диаволом. Но им следует всё предоставить Богу, упражняться и испытывать себя внешне и внутренне и всеми силами, без всякого промедления прибегать к Богу. Хотя телу порою необходимо внешне отдохнуть от подвига, сердце не перестаёт благодарить Бога, чтить Его и противиться всему, что не согласно с потребностями тела. Эти люди молятся, чтобы Бог простил им грехи, потому что грехи неугодны Ему, а не для того, чтобы избежать адских мук или достигнуть вечной жизни. Они молятся, чтобы Бог делал с ними всё, чего и как Он хочет, пока они не придут к своей Цели, и чтобы здесь и в будущем Бог прославился в них. Они молятся, чтобы не оскорблять Бога своими грехами, но чтобы Он простил их; чтобы ничто не препятствовало им принимать благодать и чтобы они научились пребывать в добродетели. Они просят прощения грехов, а не освобождения от страдания: это они оставляют Богу. Заметьте, вот к чему приходит человек, если с этой целью упражняется в Страданиях Христовых и пребывает в том до конца.

9 Увы, как немногие этого достигают! И всё из-за своей поверхностности: они не обращаются просто к Богу в собственных сердцах. Потому в этой жизни один человек

весьма непохож на другого; и причина лишь в том, что один не может довольствоваться жизнью без внешнего труда и внутреннего подвига, а другой вполне доволен одним внешним трудом. Поэтому эта жемчужина даётся не всем одинаково. Отсюда происходит, что люди не понимают друг друга и временами причиняют друг другу боль; но когда известно, что это сделано по неведению, следует терпеливо сносить их, как следует терпеливо сносить и их слепоту. Через таких добросердечных людей Бог желает научить многих других и призвать их на правый путь, что они хорошо познали в своих сердцах. Ибо те, кто не отрёкся от себя прежде, чем вошёл внутрь, или кто поистине внутрь не вошёл, могут впасть во многие заблуждения прежде, чем заметят это: они легко находят то, что привлекает природу и услаждает чувства, и потому духовно не продвигаются. Если Бог и терпит такое плотское служение, оно всё же не угодно Ему: вся та великая плодотворность, о которой мы уже говорили, задерживается и в них, и во всех тех, кому они могли бы помочь, если бы избрали первый путь, сбросили свои плотские желания и затем заглянули в собственные сердца. Теперь же они остались в этом плотском служении, приносящем мало плода. Поистине хорошо было бы, если бы эти люди обратились и по мере сил покорились благословенной воле Божией, тем прославляя Бога и принося пользу тем людям, на которых Бог гневается и которые вовлекли многих во грех.

[10] Итак, как я уже показал, эта жемчужина, впервые найденная в сладости, исповеди, любви и всяком подвиге, может стать весьма плодотворной. Но затем человеку придётся вновь сойти от сладости к горечи, в преданности и страдании из любви, и так умереть для себя. Чем свободнее человек от самоуслаждения, тем свободнее он

будет от сетей диавола, от искушений и бедствий нынешних времён, от ада и чистилища; и тем менее вероятно, что он вновь впадёт в грех, если только не обратится к нему опять всем сердцем и душой, — а это едва ли произойдёт. Как первое состояние пыла требует добродетельных дел, совершаемых со сладостью, так эта ступень требует добродетельных дел, совершаемых в тяжком труде, с угрызениями совести и суровым подвигом. Всё это надо переносить в простой вере и уповании на Бога, что Он не оставит человека ни ныне, ни в будущем. Если же ему кажется, будто Бог оставит его, он должен твёрдо стоять в надежде и доверять Богу во всём, что Тот сочтёт нужным с ним сделать, во времени и в вечности. Видите, что рождается из размышления о Страданиях Бога. Эти люди несут боль страдания по мере своих сил; к такому завершению приходит человек, который сперва просто обращается всеми помыслами к Страданиям и Жизни Христовым, так что под конец он приходит даже к тому, чтобы избирать горечь. Да дарует Бог и нам найти эту драгоценную жемчужину и да приведёт она нас ко всей благости Божией. Аминь.

Проповедь XXIX. На праздник двенадцати апостолов

[1] О жизни людей, служащих Богу и желающих угождать Ему в совершенной любви. Отчего так мало людей поистине духовных.

[2] *Si dilegitis me, mandata mea servate.*

[3] «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди». [116]

[4] Святой Иоанн говорит нам в своём Евангелии и свидетельствует, что как возлюбленный Господь наш возлюбил Своих, бывших в мире, так возлюбил их до самого конца, явив им многие знаки Своей утешающей любви. Особенно Он явил её словом и делом на Тайной вечери, которую так горячо желал разделить с ними. Он увещевал их также к той любви, которой они по праву были Ему обязаны; и поскольку они могли истинно показать её лишь соблюдением Его заповедей, Он обещал умолить Своего Небесного Отца, чтобы Тот послал и дал им другого Утешителя, Духа истины, Который пребудет с ними вовек и Которого мир не может принять, потому что не видел Его, Иисуса, и не познал Его.

[5] Поэтому, возлюбленные дети, я ещё раз буду говорить о любви: говорить о ней всегда сладостно и приятно, но гораздо слаще вкусить её и испытать. Бог велит всем дорогим Ему людям являть любовь к Нему соблюдением Его заповедей; потому тот, кто открыто нарушает их или не соблюдает, не может любить Его. Всем ясно, что Бог ненавидит живущих во грехе; потому я не стану больше говорить о них, но насколько сумею скажу о жизни тех, кто служит Богу в высочайшей любви.

[6] Желающие любить Бога должны соблюдать Его заповеди, то есть быть готовыми исполнять волю Божию и не иметь собственной воли, но иметь возможность сказать поистине: «Не моя воля, но Твоя да будет». Воля Божия — истинная любовь; а истинная любовь не любит себя, но любит себя лишь ради тех, кого любит. Для этого нужны три вещи. Во-первых, мы должны усердно охранять наши внешние чувства, чтобы научиться затворять врата пяти чувств и внимательно бодрствовать у них, противясь всем беспорядочным желаниям, сразу побеждая их, всегда пристально за ними наблюдая и никогда им не уступая. [117]

[7] Во-вторых, нам нужно научиться умирать для всех внутренних наслаждений, собственных путей и образов жизни, ни в чём им не потакая и особенно остерегаясь пяти духовных врат ада: собственной воли, или самолюбия; самодовольства, или самонадеянности; собственных духовных наслаждений; собственного суждения; и собственной мудрости.

[8] В-третьих, любящая душа должна иметь ежедневный труд и подвиг по отношению к Богу и к себе, чтобы из чистой любви приносить себя Богу как живую жертву, в совершенном страхе, перед всеми людьми. Это совершается в столь дивной любви, что её невозможно как следует выразить словами; лучше нам испытать и вкусить её, ибо она превосходит все силы природы и чувств. Душа преисполняется дарованной ей свободой духа, идёт к Небесному Отцу и насколько может соединяется с Ним через полное уничтожение своего «я», к Его высочайшей и блаженной хвале. Она всецело предаёт себя Ему в бездонном ничтожестве, в бездне Его Божества, и умоляет сделать её плодоносной в Его

служении; и поскольку Он от вечности возлюбил и избрал её, просит, чтобы Он совершил в ней и во всех творениях то, ради чего их создал, по Своей драгоценнейшей и сладчайшей воле, какой бы она ни была, без всякого собственного выбора. Так душа желает быть примером и образцом праведности и милосердия, если это угодно Ему, а не заслуживать осуждение своими делами. Потому она возносится в молитве к Богу о силе исполнить Его благословенную волю.

[9] От Отца она идёт к вечной Премудрости и предаёт себя в истинной простоте, готовая сама по себе быть ничем, ничего не знать, ничего не видеть и ничего не вкушать, лишь бы всё, что она делает или оставляет несделанным, служило Его хвале и было согласно с Его возлюбленной волей. Она умоляет Его по Своей Божественной Премудрости совершить в ней и во всех творениях всё, что Он находит правым, наиболее достойным хвалы в Его очах и наиболее плодотворным для всех людей. Она не смотрит на себя, но в истинной простоте довольствуется всем и ожидает действия Божия. Она верует и ожидает, нисколько не сомневаясь, что Он совершит это, уповая на то, что всё приходит от Бога. И всё, что случается с душой во славу Божию, она принимает как из руки Божией. Она не стремится ничего доказывать или испытывать, но просто делает всё, что считает Его волей, — не зная наверняка, но веруя. Если бы душа следовала собственным представлениям, многое часто казалось бы ей противным её цельности; но так поступать ей не следует: она должна покоиться в вере и совершенном уповании на Бога. Так Бог возвеличивается в ней по Своей Премудрости, а её разум умаляется. Любящая душа дорожит этим упражнением и применяет его также в малых и незначительных вещах. Так Премудрость Божия

очищает её в истинной простоте, и она приходит к неисследимому Божеству во мраке Его сокровенности, где Он превознесён и непостижим для всех творений. Ибо Он — чистое Существо, Которого сотворённые силы человека не могут достигнуть, хотя могут соединиться с Ним верою, надеждой и любовью.

10 Когда всё это совершилось, любящая душа идёт к Святому Духу, исходящему от Отца и Сына, и покоряется Ему, соединяясь с Ним так всецело, что возвышается над всем сотворённым и восходит превыше веры, надежды и любви в Боге. Она соединяется с этой любовью, далеко превыше всех даров, в бездне Его несотворённости, столь глубоко и тесно, что лишь немногие сотворённые существа могут достигнуть этого разумением. Ибо существующие здесь единение и свобода непостижимы для всех творений; и так человек, если можно выразиться подобным образом, в малой мере приобщается человечеству Христову, не стыдится, но имеет общение и единение со Христом. Поэтому, желая попросить о чём-либо Отца, он берёт с собой Христа, чтобы молить Отца. Особенно это совершается в Святом Таинстве; и так они вместе приносят себя вечному Отцу в той же силе и плодотворности Святой Церкви, в которой Христос принёс Себя на Кресте, говоря: «В руки Твои предаю дух Мой». Тогда человек вновь говорит в иной любви: «О Господи, будь милосерд ко мне, как Твой Отец был милосерд к Тебе, и помоги мне молиться, чтобы воля Святой Троицы исполнилась во мне, по мере моих жалких несовершенств, столь же совершенно, как она исполнилась в Тебе; и дай мне быть единым с Тобой в страхе Святой Церкви. О Господи, Ты однажды пострадал и искупил мир; потому Ты уже не можешь страдать; но я желаю страдать на Твоём месте. Поэтому не щади меня, как Твой Отец не

пощадил Тебя: сердце моё готово ко всему, что может быть угодно Тебе во времени и в вечности. О Господи, Ты знаешь, как я могу наиболее достойно благодарить Тебя и быть полезным всем людям. Потому, о Господи, повели мне». Так мы всё вверяем Богу, чтобы всё служило Его славе; но прежде чем душа станет способна принести себя в жертву, ей предстоит пройти многими неведомыми, мучительными и пустынными путями. [118]

[11] Бог приходит к тем, кто прошёл этими двумя путями, Сам вводит любящую душу внутрь и наставляет её в третьем пути любви. Так она поистине соединяется с Богом, о чём уже было сказано немного. Увы, увы, как мало людей поистине духовных! Это происходит оттого, что люди не желают идти этим и подобными ему путями и потому не приносят плода перед всеми людьми. Человек, пожелавший так посвятить себя велениям любви, должен был бы быть плодоноснее и полезнее десяти других, тоже желающих служить Богу, но в неосторожных порывах нетерпения, — не в простоте, а во внешнем деятельном служении; не в созерцательной любви, как было сказано.

[12] Так люди выходят из сна тьмы в истинный Свет. Ибо ныне нам предлагается новая благодать; и если мы не ухватимся за неё, она убежит от нас и исчезнет, и мы не узнаем как. Потому соединимся все в молитве к Богу об истинной простоте и смирении, чтобы из глубины сердца смирять и презирать себя и считать себя самыми презренными, самыми отверженными и самыми недостойными из всех людей, какие есть в этом мире; чтобы все видящие нас качали головами и насмехались над нами, и чтобы мы были столь недостойны, что все творения восставали бы против нас. Так мы сможем поистине научиться умирать для собственной воли,

хранить себя свободными от себя и внешне, и внутренне, а затем научиться приносить себя во славу Божию, исполняя волю Божию, не отступая снова назад и ничего не выбирая для себя ни во времени, ни в вечности. Да дарует Бог нам поступать так не ради собственного удовольствия, но из желания быть Ему благоугодными, как я пытался показать. Аминь.

Проповедь XXX. На праздник мучеников

[1] О двух видах страдания в жизни умирания для себя и в духовной жизни, в истинной преданности. Как Бог указывает путь Своим друзьям и учит их истинной преданности в высочайшем смысле, по примеру Христа Господа, вкусившего эту чашу. Не только двенадцать апостолов и мученики пили, подобно Ему, из этой чаши, но и все поистине преданные Богу люди, о которых Церковь Христова поёт: «Они испили чашу Господню и стали друзьями Божиими».

[2] *Calicem Domini biberunt, et amici Dei facti sunt.*

[3] «Они испили из чаши Господней и стали друзьями Божиими». [119]

[4] Сегодня мы празднуем память святых мучеников, которых Бог, Небесный Отец, удостоил особой чести — сообразоваться Его Единородному Сыну через горечь и боль драгоценной и прекрасной чаши, из которой они испили подобно Сыну Божию. Это значит, что они добровольно приняли мученичество за исповедание Его Имени. Их особая честь состоит в том, что по благодати они смогли достигнуть достоинства, к которому Он был вознесён чашей горьких страданий и смертью, претерпенной за нас и за всех людей. Потому мы поём об этих бесстрашных рыцарях и возлюбленных друзьях Божиих, что они испили чашу Господню и стали друзьями Божиими.

[5] Заметьте же, возлюбленные дети: когда мы говорим о мучениках, есть два вида мученичества. Есть внешние

мученики — от меча, и внутренние — от любви, умирающей для себя. О святом Мартине мы читаем, что он не был лишён мученической чести, хотя и не был взят отсюда мечом. Здесь вам следует заметить, что мы можем испытать и познать Страдание Бога через достойное сокрушение в жизни умирания для себя и так стать друзьями Божиими. Желающий этого должен предаться страданию; страдание же совершается двояко.

6 Первый вид страдания в жизни умирания для себя — внешний: люди борются со своей греховной жизнью, любящей удовольствия. О них святой Павел говорит: «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями». [120]

7 Второй вид страдания состоит в духовном смятении, бесплодии или лишении ощутимой благодати. Здесь человек часто совершенно теряется, и порою это побуждает его ещё более обращаться к Богу. Некоторые полагают, что всё потеряно, если они не обладают мудростью, разумением и проницательностью, если не подвергаются сильным искушениям и не исполнены пыла. Верно, что всё это весьма нужно начинающему, но не тем, кто жаждет благороднейшей добродетели — любви; последние ставят это невысоко. Правда, это хорошее приготовление к следующей ступени, но само по себе оно малоценно. Очень немногих можно найти поистине любящих. Все хотят следовать за Христом в сладости; а когда не могут вкусить ничего сладостного и их влечёт уязвлённая любовь, они не желают следовать за Богом никаким другим путём. Когда Бог видит, что может вести их лишь сладостью и никак иначе, Он привлекает их сначала уязвлённой любовью, а затем любовью пленённой, так что они не могут от Него уйти. После

этого они приходят к пламенеющей любви и становятся так сильны, что всё утешает их и они готовы ради славы Божией броситься в любое страдание или скорбь, какие Богу будет угодно им послать. Тогда они приносят себя в сокровенную бездну Божества и с полным доверием говорят: «О Господи, сохранишь ли Ты нас или осудишь — Ты всемогущ; да будет в нас Твоя воля». Когда человек приходит к этому, он обрёл искомое; и для Бога всё равно, какой дорогой и каким образом он к этому пришёл.

[8] Бог щедро изливает Свои дары, чтобы привлечь к Себе все души, и так обильно снабжает нас Своей благодатью, чтобы мы могли принести Ему свои души в истинной преданности, без колебания и возражения. Как мы уже говорили, когда Бог даёт душе великую благодать и привлекает её сладостью, Он желает отвлечь её от самой себя. Когда это совершилось и Он затем отвёл душу от сладости к бесплодию, Он ставит её на более высокую ступень. Ибо Он вновь отнимет у неё всё, что когда-либо дал, и попустит человеку быть нищим и скорбящим, чтобы тот начал учиться преданности и не находил покоя ни в чём, кроме одного Бога.

[9] Есть два пути, которыми мы можем прийти к истинной любви Божией. Первый — наслаждение благодатью Божией. Человеку приятно совершать добрые упражнения, и Бог допускает это, чтобы случайные вожделения тем скорее угасли в нём. Человек готов продать себя ради любви; то есть он испытывает такое острое презрение ко всем временным удовольствиям, на которые больше не обращает внимания из-за великой любви, что все видящие его дивятся. Так мы читаем о многих святых, что они столь быстро удалились от мирских радостей и всех наслаждений и столь

мужественно отвернулись от всего этого, что все люди удивлялись. Несомненно, это совершает Святой Дух Своей могучей любовью, крепкой, как смерть.

[10] Второй путь — терпение и страдание; как мы уже сказали, на этом пути человек лишается всякого духовного утешения. Так духовная сила мучеников рождается в бесплодии и сухости их размышлений и усердия; и хотя эти духовные мученики исполнены многих скорбей, они любят Бога и жаждут истинной добродетели не меньше других. В этой жизни они сильно стеснены и от скорби не знают, куда обратиться. Однако в великом мраке они опираются лишь на веру, надежду и любовь: что бы с ними ни случилось, они не желают грешить, ибо всегда носят в себе чистое и смиренное сердце. Их сильно огорчает вид благодати, которой наслаждаются другие люди; они всё думают, что сами виноваты в том, что не имеют такой же благодати, и недостаточно стараются её стяжать. Но когда они ищут её усерднее, то становятся внутри лишь всё более бесплодными и твёрдыми, словно камень; временами они теряют всякое терпение и делаются ещё безутешнее и несчастнее. Тогда они страшатся, что ревнуют к благодати, данной другим, или завидуют им, и этим умножают страдания. Все эти и подобные им беды так изнуряют их, что они не знают, что делать. Они не хотели бы изменять Богу в добродетели, но не знают, как её приобрести; или им кажется, что своим нетерпением, отчаянием или угрюмостью они прогневят Бога, и это пронзает им сердце. Они ненавидят всякий грех, потому что грех неугоден и отвратителен Богу; и так хорошо знают это, что ни за что не хотели бы гневить Его. Наконец они решаются терпеть, хотя это тяжело им; страдают и ждут, пока Бог пошлёт облегчение, ибо видят,

что не могут продвинуться. Так Бог учит их преданности и покорности, оставлению всего в Его руках. Так они уподобляются другим, процветающим в большей благодати; в одном же отношении они гораздо благороднее, ибо на этой ступени люди более подобны Христу, Чья жизнь была исполнена страдания.

11 Эти духовные мученики в собственных глазах беднее всех, а в очах Божиих — богаче всех; по своему представлению они дальше всех от Бога, а на деле ближе всех. Они воображают, что из всех людей именно они отвержены, а между тем они — избранные. По собственному чувству они всех невернее Богу, хотя они вернее и усерднее всех стараются умножить Его славу и не допустить Его бесчестия, — ведь ради этого они и страдают. Они видят, что из-за своей нищеты подвергаются многим искушениям, на которые не желают соглашаться; но эти искушения причиняют им больше страдания, чем естественная смерть, особенно если им кажется, что в чём-либо они были побеждены. Они стремятся преодолеть свои немощи и упражняться в добродетели и не могут этого сделать. Это и подобное этому порою причиняет им такие великие внутренние страдания и скорби, словно они терпят адские муки; но всё это происходит от великой верности и любви к Богу, которые они носят в сердце, хотя сами того не сознают. Они считают себя самыми злыми из всех людей на свете, тогда как в очах Божиих они самые чистые. Они часто этим гневят Бога, причиняя себе столько горя, так что Бог порою попускает им впадать в нетерпение и другие немощи, не согласные с чистой любовью. Они никогда не уступили бы им, если бы были поистине преданы Богу во всём: тогда они пребывали бы в мире и продвигались быстрее других людей. Так своим унынием и неумеренной

печалью они обкрадывают себя. Это происходит от их знания истинного плода, который рождается из этого или из их самоотречения, отчего они не довольствуются страданием; либо им кажется слишком долгим терпеть до конца. Но им следует знать, что так они лишь продлевают своё страдание и делают его ещё тяжелее. Тем самым они лишают себя и подлинного плода, который мог бы быстро созреть, если бы они страдали незлобиво и добровольно и с любовью предавали себя Богу. Чем проще они будут это делать, тем благороднее обретут его и тем благороднее преобразятся. Ибо поистине, если человек идёт прямо, после тёмной ночи взойдёт яркий свет, который озарит всё его сердце вечной Истиной. Тогда в собственном сердце и пред Богом, хотя и не перед миром, он будет уверен, что может достигнуть высочайшей и чистейшей Любви, в которой человек теряет и оставляет себя и всё своё ради Бога, так что никто не может смутить или разрушить его мир. Бог покоится в нём со всеми Своими избранными, и там исчезают своеволие и гнев. Да поможет нам Бог, чтобы всё это совершилось в нас.

[12] Кроме того, о спасении нам следует помнить вот что: «О душа моя, размышляй и размышляй вновь и вновь, сколь велики и невыразимы будут радость, блаженство, слава и честь тех, кто ясно, лицом к лицу увидит радостный и любящий Лик Божий. Как они будут наслаждаться лучшим и высочайшим благом — Самим Богом; ибо в Нём, и только в Нём, все наслаждения, сила, радость и всё прекраснейшее». Они будут обладать в Боге всем добрым и желанным, в безопасности и вечной радости, так что преобразятся в Бога и никогда более не разлучатся с Ним. О, сколь неизмерима будет радость, с которой они увидят Святую Троицу, Марию, Матерь Христа, возлюбленного Господа нашего, все сонмы

Ангелов по их чинам, всех патриархов и пророков, апостолов, мучеников, исповедников и девственников со всеми святыми! Они так соединены, что, будь это возможно, первый и величайший святой на небесах охотно разделил бы свою радость с самым малым из всех святых; а самый малый из святых не завидовал бы его радости, разделяя её вместе со своей. Мы не можем ни представить, ни описать также всепобеждающую любовь Божию, которая воспламенится в них. О, как неразумны люди, способные ради малого плотского удовольствия, ради временных благ и почестей настолько забыть, потерять и отогнать от себя вечное спасение! Потому соберись в себе, о душа моя, усердно и прилежно, пока день благодати твоей ещё не миновал; твори добрые дела, чтобы не утратить вечного спасения. Примись за дело, не теряй времени, совершенствуясь в добродетели; пусть ничто не смущает тебя, но верно трудись в этой краткой жизни, чтобы достигнуть вечных благ и вечной радости. Ничто в мире не должно быть тебе столь дорого, чтобы ради него ты была готова лишиться вечной славы и радости. Ты должна внимательно замечать, что все страдания, скорби, невзгоды и бедствия этого мира несравнимы с радостью вечной жизни. В своём воображении ты должна поставить перед собой как образец всех возлюбленных святых, вошедших туда благодаря доброй и праведной жизни, чтобы последовать за ними и вместе с ними стать причастницей безмерно великой награды. О душа моя, размышляй о великой чести, радости и достоинстве в небесном граде Иерусалиме, обо всех возлюбленных святых, собравшихся там и нашедших безопасный путь, которым они перешли из этой преходящей юдоли скорби к вечной жизни.

13 Далее Господь говорит нам в Евангелии о пяти вещах, которые должны делать верующие. Во-первых, они должны изгонять диавола именем Иисуса; это могут все, кто исповедует свои грехи с истинным покаянием и скорбью. Во-вторых, они должны говорить новыми языками. Так поступают все, кто оставляет греховные и бесполезные разговоры и употребляет лишь добрые слова, какие находятся в Слове Божием, в Святом Евангелии и в пламенных молитвах; кто обличает грешников и наставляет неразумных. Третье — они попирают змей, не терпя вреда. Это делают те, кто противится всем злым помыслам и усердно искореняет их. Четвёртое знамение — они могут есть и пить яд без вреда. Это делают все, кто терпит презрение и гонение за правду. Скорбящих и презираемых, но терпеливых яд гонения повредить не может. Пятое и последнее знамение: истинно верующие возлагают руки на больных, и те выздоравливают. Это делают все, кто по любящей доброте добровольно прощает своим врагам всё, что те когда-либо сделали против них, а также подаёт милостыню бедным и нуждающимся. Обо всех людях, в которых явлены эти пять знамений Святого Евангелия, мы поистине можем сказать, что они истинно верующие и будут приняты Христом в вечную жизнь. Да поможет нам всем Бог достигнуть этого. Аминь.

Проповедь XXXI. На день святого мученика

[1] О трёх корнях духовного искушения, которыми святые люди подвергаются тайным нападениям: духовном нецеломудрии, любостяжании и гордости.

[2] *Beatus vir gui suffert tentationem.*

[3] «Блажен человек, который переносит искушение». [121]

[4] Вся наша жизнь, говорит Иов, пока мы на земле, исполнена борьбы и искушений, так что святые называют её не жизнью, а искушением. Едва оканчивается одно искушение, как нас уже поджидают другие; причина же в том, что Господь наш хочет, чтобы мы шли и приносили плод, а плод — ходить путями Божиими и продвигаться вперёд. Ибо плод состоит в самом преодолении искушения, из которого мы можем извлечь сокровенную духовную сладость, как пчёлы собирают мёд и с терновых кустов, и со всех других цветов. Кто ещё не был искушаем, тот ничего не знает и ещё не живёт, говорят мудрец Соломон и святой учитель Бернард. В Писании мы находим более тысячи свидетельств о великой пользе искушения: ведь подвергаться искушению и при этом быть сохраняемым от падения — особый знак любви Божией к человеку. Через это он должен и несомненно получит венец, подобно мученику, чью кончину христианская Церковь ныне вспоминает, воспевая, что он блажен, потому что претерпел искушение и был в нём испытан и проверен, чтобы получить венец жизни, обещанный Господом любящим Его.

[5] Заметьте же, возлюбленные дети: есть два вида искушения. Один — плотский; область его — царство чувств в нынешней жизни. Так бывает, когда человек через внешние чувства искушается искать счастья в других людях — друзьях ли, родственниках или ком-либо ещё — либо чрезмерно привязываться к внешнему убранству жизни: одежде, драгоценностям, книгам, инструментам, приятному жилищу и иным преходящим творениям. Он по своей воле прилепляется к ним множеством привязанностей, и они цепляются к нему, как репей. Порою наши внешние чувства оставлены в покое и свободны от всяких нападений, но человек странным образом подвергается внутри, в плоти и крови, нападению непристойных помыслов. Однако как бы нечисты ни были эти искушения и как бы ужасно они ни выглядели, сами по себе они не могут осквернить чистоту человека. Святой Григорий говорит: «Искушения не оскверняют человека иначе как через его собственную нерадивость и недостаток усердия в уклонении от них».

[6] Другой род искушения — внутренний и духовный; место его — область разума. Пока мы пребываем в нынешней жизни, действия Духа и природы так смешаны и переплетены, что все наши внутренние упражнения и общение с Богом совершаются одновременно со всеми движениями и действиями природы. Кроме того, Господь наш ради нашего блага устроил так, что злой ангел, сатана, может перед внутренним оком ума принимать вид ангела света; особенно он делает это тогда, когда человек собирает все свои силы, чтобы вступить в общение с Богом. Заметьте, возлюбленные дети: святой Иоанн разделяет грех на три вида, говоря, что всё мирское есть «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская». Как эти три греха, царствующие в мире, сосуществуют во

плоти, так они царствуют и внутри, в уме, под духовным обличьем. Внешние грехи очень ясны, их легко увидеть, если человек хочет наблюдать за собой; но эти грехи ума во многом более сокрыты и могут принять столь благовидный вид, что мы часто едва замечаем близкое тяжкое падение.

[7] Заметьте: духовным нецеломудрием или распущенностью следует считать то, когда человек слишком ищет самого себя и с жадным желанием стремится к теплоте и ощутимому благочестию, чтобы всегда пребывать в довольстве и чтобы никто не имел права его упрекнуть. При этом он предаётся своим особым молитвам и духовным упражнениям, оставляя неисполненным труд, который составляет его обязанность. Когда у такого человека нет этих сладостных чувств, он совершенно расстраивается, становится раздражительным и очень нетерпеливым при мелких неприятностях, которые случаются с ним, хотя они на самом деле совершенно незначительны. А когда он не может получить радости или внутреннего мира по своему желанию, то жалуется на великие тяготы и искушения, которые приходится терпеть. Святой Бернард говорит, что Господь наш дарует такую благодать ощутимого чувства тем, кто ничем её не заслужил и недостоин её; но делает это по милосердию, чтобы привлечь их к Своей любви. У иных же, прошедших долгие и мучительные упражнения и вполне приготовленных к её принятию, Он удерживает эти дары; да, у некоторых удерживает их всю жизнь, но в будущей жизни даст им за это великую награду. Причина такого удержания ощутимой сладости в том, что наша духовная плодотворность и высшее блаженство заключаются не в ней, а во внутреннем доверии и прилеплении к Богу; в том, чтобы не искать себя ни в

скорби, ни в радости, но через радость и скорбь посвящать себя Богу и, как бедные недостойные слуги, приносить себя Ему за свой счёт, даже если бы так пришлось служить Ему вечно. И всё же молодому, немощному христианину в начале пути может быть дозволено просить у благого Бога таких благодатных даров, чтобы деятельнее прославлять Его и крепче укореняться в Его любви. Но когда мы желаем такого внутреннего пыла и сладостного мира — Его даров, а не наших заслуг — больше ради них самих, чем ради самого Подателя, мы впадаем в духовную распущенность и чёрную неверность, которой наш благой Бог при Своём совершенном внешнем и внутреннем отречении от Себя от нас не заслужил.

[8] Духовное любостяжание бывает тогда, когда человек, совершая это земное странствие, всегда жаждет иметь больше самого необходимого. Ибо что ещё следует брать страннику в дорогу, кроме того, что нужно для поддержания сил, пока он благополучно не придёт домой? Поверьте мне: желать чего-либо сверх необходимого — большой изъян в истинной внешней нищете; тем более велик этот изъян во внутренней нищете духа. Ах, кто когда-либо был так нищ, как Тот, Кто в совершенной нищете духа стоял оставленный Небом и творениями, одиноко отверженный в полном изгнании, когда издал тот горький вопль: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» И всё это — чтобы быть нам примером, утешить нашу нищету и лишённость, научая истинной покорности. Я слышу, как ты говоришь: «Да, если бы не моя собственная вина, если бы я по своему нерадению не упустил благословения или по преступному безумию не отверг его, мне легче было бы всё перенести; о чём тогда было бы скорбеть? Но теперь всё это моих рук

дело; я сам навлёк на себя беду». Отвечаю: не дай этому сбить тебя с пути. Разве ты не знаешь написанного: «Семь раз упадёт праведник и встанет»? А ты думаешь всегда устоять? Да, я вместе с тобой утверждаю и признаю, что виноват ты сам, что сам навлёк это на себя и вполне заслужил. И всё же лучше тебе с твёрдым упованием просить у милостивого Бога Его мира — Он знает твою немощь и готов прощать твои прегрешения семьдесят раз по семь за день, — чем таким малодушием отбрасывать себя назад на пути. О дитя, ты упал? Встань и с детским доверием иди к Отцу, как блудный сын, и смиренно скажи сердцем и устами: «Отче, я согрешил против неба и пред Тобою и уже недостоин называться сыном Твоим; прими меня в число наёмников Твоих». Что же сделает твой Небесный Отец, как не то, что сделал отец в притче? Несомненно, Он не изменит Своей сущности, которая есть Любовь, из-за твоих проступков. Разве простить тебе прегрешения, если веруешь в Него, — не Его собственное драгоценное сокровище и не малое для Него дело? Ибо рука Его не сократилась так, чтобы Он не мог сделать тебя способным ко спасению. Поэтому берегись духовного любостяжания: чем беднее ты в собственных глазах, приходя к Нему, тем угоднее в Его очах и тем щедрее Он одарит и облечёт тебя из Своих сокровищ.

[9] Духовная гордость бывает тогда, когда человек не желает быть посрамлённым в собственных глазах из-за своих прегрешений, но всегда старается оправдывать и прикрашивать свои недостатки и всегда готов щадить себя даже в малом. Это часто побуждает людей произносить множество бесполезных и неверных речей, чтобы оправдаться и обелить себя во всех отношениях, словно говоря: «Не таков я, чтобы меня можно было обвинить в том или другом». Они не желают помнить или

принимать во внимание, что тому, кто не может оправдаться простой истиной, не помогут неправды, которыми он часто лишь умножает свою вину; и что человек, смиряющий себя пред Богом, больше в Его очах, чем надменный, уверенный в своей праведности человек, полагающий, что собственной праведностью может ответить за все свои дела. Послушай, возлюбленное дитя: к чему в конце концов сводится вся наша праведность? Исаия говорит: «Вся праведность наша — как запачканная одежда». Как бы велика ни была или ни могла стать наша праведность, если бы Господь сел судить нас, нам, несомненно, пришлось бы признать себя Его должниками и возложить все надежды на Его милосердие. Господь наш часто воспитывает человека через его собственные падения, если тот смиряется под ними и бросается к ногам Божиим; ибо Бог хочет, чтобы всякое колено преклонилось пред Ним и чтобы Ему принадлежали хвала и слава за всякое добро. Отсюда мы можем заметить, что в нас часто таится гордость, из которой вырастает многое неприглядное. Но тот, кто усердно остерегается духовной распущенности, любостяжания и гордости, будет сохранён от уклонения с путей Божиих и от заблуждения во внутренних упражнениях.

[10] Но чтобы сохранить себя от этих грехов и противостать таким искушениям, вам следует соблюдать правила, о которых я скажу. Первое таково: ни внутренние трудности, поднимающиеся изнутри, ни неблагоприятные обстоятельства, останавливающие наши труды, — всё, чем нас влекут или понуждают к сходству и сообразности со смиренным образом Христа и Его святых, не только внешним, но и с их внутренним состоянием, — не могут быть делом злых духов или природы, но несомненно

исходят от Бога. Ибо Он — Высшее Благо, а из Высшего Блага не может истекать ничего, кроме добра. И всякое благо, которым Бог одаряет нас из Своих сокровищ и которое мы вновь возвращаем Ему, вышло из Него как из своего Источника — подобно тому, как все потоки вновь возвращаются к своему источнику, океану, откуда они произошли; и всё радуется своему возвращению. Всё же, что влечёт нас в сторону и уводит от такой сообразности и подобия, несомненно, происходит от духа злобы, который всегда подстерегает случай смутить нас и увлечь вниз, как сказал Господь наш: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает». Это правило направлено против первого духовного порока — распущенности.

11 Второе правило таково: всё, что происходит с человеком внутри и приводит его к более тесному и ощутимому собиранию всех привязанностей и порывов в простоте сердца, к непоколебимому доверию и любви к Отчей милости, а не к собственным делам и переживаниям, — от Бога. И кто всегда видит в себе бедного нищего, как бы прекрасны ни казались его дела, тот, чем пристальнее заглядывает в собственное сердце и чем более овладевает собой, тем больше обнаруживает свою наготу и отсутствие всякой добродетели. Он сознаёт в себе, что он лишь пустой, негодный сосуд, приготовленный не к чести, а к вечной погибели, — сосуд, который один Бог должен и желает наполнить Своей благодатью. Когда мы прилепляемся к Нему, допускаем Его к нашему духу и не защищаем себя самими собой, то действие, которым человек обращается внутрь, чтобы познать свою нищету, несомненно, от Бога. Но внушения врага и природы обкрадывают человека и лишают всех благ его добродетелей. Так бывает всякий раз, когда

человек не знает своего действительного состояния, думает, будто обладает тем, чего никогда не имел, и говорит, как написано: «Я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды», — и не знает, что он «несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг». Это правило против духовного любостяжания.

12 Третье правило таково: всё случающееся с человеком, что умаляет и смиряет его в самых сокровенных чувствах и заставляет преклониться под всемогущую руку Божию, ниже всех творений, уничижая и уничтожая себя в истинном смирении, — несомненно, происходит от Бога. Ибо как Люцифер и его последователи пожелали быть великими и высокими и потому были низвергнуты с Неба, так нас самоуничижение ведёт обратно на Небо; как о царях с Востока сказано, что они возвратились в свою страну иным путём.

13 Так всякое существо действует и учит сообразно своей сущности, насколько может привлекая к собственному подобию всех, кого возможно привлечь. Злой дух надмевается своим упрямым самомнением и на высоте гордыни настолько ожесточён и несгибаем в своевольной воле и намерении, что ни ради приобретения Неба, ни ради чего другого не смирится ни на мгновение: так он утвердился в своём злом расположении. То же и со всеми гордыми, научившимися у него доверять своему разумению больше, чем мнению и рассуждению всех прочих людей. Потому они впадают в распри и раздоры с ближними, от чего рождается много смятения и сердечного беспокойства, а отсюда — многие нарушения братской любви. Они ни от кого не принимают обличения и так ожесточаются в своей упрямой злой воле, так держатся собственных намерений, что безрассудно

дерзают противиться всем наставлениям Бога и Его друзей, как иудейские книжники и священники противились нашему благословенному Господу. О таких пророк Исаия, говоря от лица Христа, сетует: «Весь день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путём недобрым, по своим помышлениям».

[14] Напротив, наш благословенный Господь кроток и смирен; да, Он Сам — сущность смирения, к которому непрестанно привлекает всех людей, кого можно привлечь и кто желает быть привлечённым. Его Существо — причина, сущность и начало всего. Он — Жизнь живых, Воскресение мёртвых, Восстановитель всего искажённого и негодного и тех, кто развратил и разорил себя грехом. Он призывает назад отпавших и заблудившихся вдали от Его стада. Он поднимает и укрепляет пребывающих в искушении. Он — Оплот стоящих, Пробуждающий и Водитель всех, кто взирает и стремится вверх к Нему, Источник всякого света, Светильник всех ходящих во свете, Открыватель тайн — в той мере, в какой нам подобает их знать, — и Начало всех начал. Его Сущность непостижима, неизреченна и безымянна. Потому нам следует чтить и прославлять Его неизреченную Тайну святым благоговением и молчанием и никогда более не жаждать постичь или вкусить что-либо сверх того, что служит Его чести и нашей пользе. Но всегда с подобающим благоговением и благочестием, всеми силами, в стыдливом трепете обращаться к созерцанию сияния Его светлого и незапятнанного Зерцала. Человеку надлежит всегда пребывать в страхе и помнить слово, сказанное Богом, Господом нашим, устами Моисея: «Если человек или зверь прикоснётся к горе, будет побит камнями». Это означает, что наши животные чувства не должны дерзать восходить на гору Божественной

Сущности, но должны оставаться внизу и занимать ближайшее место, пока не придёт время, когда человеку будет сказано: «Друг, пересядь выше». Тогда он взойдёт не сам собой, но позволит вести себя вверх; его чувственная природа очистится и будет наделена светом Божиим, через который он получит больше света, чем когда-либо мог бы приобрести всем своим великим и напряжённым трудом. Ибо Божественная природа Христа — магнит, привлекающий к Себе все духи и сердца, носящие Его подобие, и ежедневно соединяющий их с Собой через любовь.

[15] Рихард Сен-Викторский говорит: «Я принимаю Христа не только на Кресте, но также в Его Преображении на горе Фавор. Но там я могу принять Его лишь тогда, когда нахожу с Ним Иакова, Петра и Иоанна, Моисея и Илию, свидетельствующих мне, что это поистине Христос». Это значит: во всех наших скорбях, во всей мучительной внутренней нищете мы можем дерзновенно веровать, что Христос пребывает с нами; но если Он является нам на горе внутреннего созерцания, нам нужны эти свидетели, чтобы мы не наслаждались плодами Его даров в распущенном духе, удовлетворяя собственные желания, и не жаждали слишком горячо большего количества Его благих даров, чем можем употребить во благо; но всегда смиряли себя так глубоко, чтобы не впасть ни в какую духовную гордость. Вот истинные свидетели, позволяющие нам свободно, без препятствия и заблуждения, принять Христа в Его славе на высотах горы Фавор; ибо там, где эти свидетели присутствуют поистине, дух лжи не может нас обмануть. Да поможет нам всемогущий Бог так поступать! Аминь.

Проповедь XXXII. На праздник святого епископа

[1] О том, как человеку надлежит возвеличивать и чтить одно лишь святое Имя Божие, а собственное имя презирать, отвергать и избегать его прославления в истинном смирении и подлинном предании себя Богу. О том, что юношей, возрастающих в благодати, следует сначала направлять к этому, а затем вести к этому всевозможными посильными упражнениями и обличениями, чтобы впоследствии они ещё полнее отказывались от собственной воли во всём.

[2] *In nomine meo exaltabitur cornu ejus.*

[3] «Именем Моим возвысится рог его». [122]

[4] Вы знаете, дорогие дети, что никакие грехи не столь неугодны Богу богов, как надменное высокомерие человека и горделивое хвастовство собственным именем. Ведь так человек присваивает себе честь, принадлежащую одному Богу, и не может вынести презрения к своему имени. Бог дал ему это имя и эту честь взаймы, чтобы другие люди становились лучше, видя, как такой сановник или прелат употребляет свою власть и своё начальствование повсюду лишь во славу Божию, нисколько не ища и не желая собственной славы. Мы ясно узнаём и видим это в той святой жизни, которую вёл на земле епископ, чью память мы сегодня празднуем; поэтому и поём о нём словами Псалтири: «Именем Моим возвысится честь его», — словно Бог говорит о нём: «Не его именем, ибо он этого не ищет и не желает, но Моим Именем возвысится и вознесётся рог его». [123]

5 В другом месте пророк говорит о Боге: «Имя Его единого превознесено». Ничто не бывает столь неугодно и отвратительно Богу, как стремление к громкому имени. У многих людей этот недуг нередко так скрыт и сокровенен, что они едва сознают, в какой великой опасности находятся. Часто случается, что они даже пренебрегают ею и воображают, будто вправе требовать, чтобы люди высоко их ценили; они не выносят, когда кто-либо скажет или сделает что-нибудь, затрагивающее их честь, или хоть в чём-нибудь пренебрежёт ими. О таких тайных грехах Давид говорит: «От тайных моих очисти меня, Господи», — то есть очисти меня от желания иметь громкое имя. Он говорит также: «Да не наступит на меня нога гордыни», — то есть желание и стремление к ней, — «да не сдвинет меня рука. Там пали делающие беззаконие». Бог не примет ничего твоего, как бы хорошо оно ни было. Святой Златоуст говорит: «Откажись от своего громкого имени, и тогда легко одолеешь мучения и страдания». Если бы Бог каким-либо путём мог привести человека к столь же глубокому, горькому и уничижительному презрению к себе, какова прежде была его надменная, самодовольная гордыня, Бог достиг бы того, чего желал. Ибо всё, чем Бог внутренне исправляет людей, совершается для того, чтобы человек смирился и умалился в собственных глазах. Если же такими вразумлениями и унижениями Бог не достигает этого, Он нередко попускает Своим друзьям впасть в явное бесчестие и беду, чтобы все люди жалели их и чтобы так они умалились в собственных глазах. [124] [125] [126] [127]

6 Знайте же: когда другие люди чрезмерно превозносят человека, приписывают ему больше добродетели и святости и окружают его имя большей славой, нежели оно поистине заслуживает перед Богом из-за

какого-нибудь тайного греха, известного только ему и Богу, — такая великая добрая слава может принести ему лишь вред, стыд и боль, здесь или в ином мире. Ибо этот незаслуженный духовный дар оказываемой ему чести неизбежно должен в нынешней жизни обратиться в бесчестие и насмешку, если человеку суждено иначе сохранить его в вечности. Если же человек не величается своим добрым именем и не услаждается собой — а если услаждается, это причинит ему великий вред и отомстит ему, — тогда его имя будет весьма полезно ему, послужит благословением и помощью, ибо тогда оно чисто и благотворно. Даже обладая громким именем, он может благодатью Божией сохраняться в страхе и смирении, признавая свою ничтожность, немощь и греховность. Если при всех этих добродетелях он ничего о себе не мнит, считая себя лишь посланником, недостойным слугой и хранителем этих Божиих даров, то видит себя ничуть не лучше и не достойнее, чем был прежде, а исполняет своё служение просто во славу Бога и святой Церкви и ради содействия спасению ближних. Смотрите, сколь плодоносно это перед Богом и какие великие благословения приносит другим людям. Даже если мирские люди называют его великим, перед Богом он всё равно остаётся ничем; и в сердце своём он чувствует, что желает последнего места и всегда занимает его. Если бы его лишили положения или почестей, это не смутило бы его, потому что для него всё это равно.

[7] Дорогие дети, поэтому великая слава высшего духовенства весьма опасна: её следует избегать или по меньшей мере презирать. Ибо когда человек не живёт сообразно тому, кем хочет казаться, и недостойно величается или радуется своему имени и чести, впоследствии, здесь или в ином мире, он должен будет

расплатиться за это или искупить это стыдом и скорбью, потому что его имя было перед Богом больше, чем его жизнь.

[8] Но если некоторые люди робеют и временами падают духом из-за своей большой известности, опасаясь, что их намерения не вполне чисты и что они нередко больше думают о достоинстве своего имени, нежели о повелении послушания, всё же им следует делать добро. Ибо во всякое время человеку надлежит делать добро; и даже когда его намерения не вполне чисты, ему следует стремиться к исправлению — тогда и его добродетели станут достойными. Но если громкое имя повсюду прославляют, а человек делает добро, чтобы понравиться другим, или по дурным побуждениям, он станет гордым и надменным и собьётся с пути, желая и впредь что-либо делать лишь при условии, что его будут называть великим. Во всех своих делах он будет желать людской хвалы и того, чтобы его видели. Поэтому он со всем усердием старается показать свою способность к церковному служению и своё нравственное поведение преимущественно в присутствии других людей, чтобы они это видели. Он не станет ничего делать, если не сможет сделать это гораздо лучше всех остальных и тем заслужить награду.

[9] Мы можем узнать людей, стоящих на этом дурном основании человекоугодия, а не в вере, надежде и любви Божией, по тому, что они не уповают на любовь Бога. Они не верят Ему и не смеют поверить, что Он — верный Помощник Своих истинных слуг. Поэтому они вскоре начинают сомневаться и не доверять Богу и подвергаются великой опасности самого худшего, что может с ними случиться. Таких людей можно распознать, поручив им

дело, к которому они не пригодны или которого не умеют делать. Их невозможно побудить к нему, потому что они боятся: другие заметят их неспособность или неумение, станут меньше их ценить и сочтут их столь же малыми, каковы они на самом деле. Всего Писания недостаточно, чтобы убедить их в великой верности Божией, которую Он являет уповающим на Него, и сделать их готовыми предоставить всё Богу, довериться Ему и ради Него позволить обнаружиться собственному неумению. Нет, и десять проповедников не сумели бы убедить их в этом. Потому они и остаются в своей жестокосердности и гордыне и не могут снискать истинной любви у людей правого сердца. Если бы только они оставили это, то тотчас могли бы озариться новым, особым, Божественным и радостным Светом, который совершенно рассеял бы их прежнюю дурную печаль и приобрёл бы им отрадную любовь всех людей, с которыми они имеют дело и живут. Но поскольку они так не поступают, им приходится оставаться в озлоблении и недоброжелательстве к ближним, так что всякая братская любовь становится им в тягость, а всякий добрый и любящий поступок мучит и тревожит их. Поэтому они вынуждены искать уединения и отделяться от людей, чтобы не видеть и не слышать ничего, что могло бы причинить им беспокойство или скорбь. Они также стараются ни о ком не заботиться и воображают, будто таким путём достигнут мира. Но, дорогие дети, это не путь мира. Чем больше такие люди удаляются и держатся в стороне от других, надеясь обрести тайный покой, тем больше в них беспокойства, злого завистливого смятения, недоброжелательства и осуждения. Ибо в этих дурных, гордых сердцах обитает злой враг и никогда не допускает туда мира.

10 Но если эти люди хотят когда-нибудь достичь истинного мира и радости, они должны научиться познавать собственные сердца и очищать их от всякой гордыни и уверенности в своей праведности. Насколько это прилично, им следует открывать другим свои слабости, ничтожность и бесполезность, желая, чтобы их считали ничтожными, бесполезными и слабыми, и упражняться в этом так долго и усердно, как долго они ощущают в сердце дурное желание людской хвалы. Если они будут так поступать, то достигнут истинного мира и любви и обретут вкус к умелому исполнению своих занятий; иначе — никогда. Если бы я позволил им исповедоваться каждый день по три часа, это нисколько им не помогло бы: они всё равно оставались бы в смятении и печали, ненавидя ближних. Чем больше они исповедовались бы, тем больше злой дух находил бы поводов для их гнева, ненависти, зависти, скорби и мрака — в них самих и по отношению к другим. Иногда он даже выискивает и поднимает то, что было сказано или сделано десять, двадцать или тридцать лет назад, и мыслью об этом ещё дальше уводит таких людей с пути, чем ему прежде удалось самими событиями. Всё это им придётся терпеть, пока они не захотят признать свою немощь, а будут желать людской хвалы за свои внешние дела и обычаи.

11 Люди говорят, что должны подавать другим добрый пример и никого не раздражать. Я же говорю вам: если вы хотите подавать добрый пример тем, с кем общаетесь, и никого не раздражать, покажите себя такими, каковы вы на самом деле, и дайте узнать себя в истине, насколько это необходимо. Будьте чисты, долготерпеливы и благопристойны и с доброй любовью желайте быть

презираемыми и отвергнутыми — тогда всё будет с вами хорошо.

12 О дети! Этих людей упустили в юности: их никогда не воспитывали как следует презрением и многими противодействиями, но временами позволяли им видеть, как довольны люди тем, что они делают или чем кажутся. Так они и ожесточились, что впоследствии уже не могли и не хотели делать ничего, за что не получали бы похвалы или славы; добиться же от них чего-нибудь можно было лишь просьбами и мольбами.

13 О, всё это крайне дурно и достойно сожаления! Ведь это те, о ком Господь говорит: «Они уже получают награду свою». Хвалящие их считаются перед Богом убийцами, ибо они обманывают и сбивают с пути неразумных людей, которые были добросердечны, расположены воздавать славу Богу и вполне способны к этому, но становятся жестокосердными, жаждут людской хвалы, высокого мнения о себе и исполнены самодовольства. А оно причиняет вечную смерть души, её отвержение и изгнание из истинной вечной жизни и из общения всех святых. Эти предатели поступают так, чтобы славой и похвалой склонить неразумные сердца к своей воле, сделать их ещё усерднее в подчинении себе временных вещей и устроить всё к собственной выгоде, на которую надеются. [128]

14 О дети! Стремление к временному ведёт к подлинному отчуждению от вечного. Если бы мы прежде искали того, что будет полезно нам в вечности и послужит нашему спасению, Бог, несомненно, не только не отнял бы у нас временного, но и возвратил бы его с приумножением. Теперь же ради малой выгоды мы губим и предаём эти простые сердца, пробуждая в них дурное желание

людской хвалы и собственного услаждения, — злой источник гордыни, которой Бог всегда противится. Он никогда не принимает таких людей в Своё благоволение, но попускает лукавому увлекать их во всяческое зло. Едва ли найдётся грех настолько бесчеловечный, чтобы они не испытали искушения им; и всё происходит от этого дьявольского корня внутреннего горделивого самодовольства, которому не воспрепятствовали вначале. Поэтому с юности он пустил такие глубокие корни, что в старости приходится тяжким трудом стараться изгнать этот недуг.

15 Поэтому простых людей, стремящихся преуспевать, нужно тщательно оберегать и наставлять, чтобы они ничего не делали ради похвалы, но всё — во славу Бога. Он не нуждается в нашей хвале, но смирил Себя даже до смерти, чтобы приобрести для нас силу, знание, рассудительность и многие иные дары и благодатные помощи, дабы мы совершали своё спасение. Дети, было бы гораздо лучше и милосерднее обличать этих людей и учить их считать себя малыми или ничем в собственных глазах, воспитывая в них отвергнутое ими смирение: тогда они могли бы стать великими и святыми людьми. Но похвалой и славой их портят; и позднее, когда они состарятся, а мы захотим их наставить, они окажутся столь утвердившимися в этом дурном и злом состоянии, что никакое полезное наставление уже не сможет их изменить. Тех, кто не хвалит их, они считают ненавистными; нередко бывают недовольны своими начальствующими и духовниками, не повинуются им и остаются в печали, мраке и ложных подозрениях. Они воображают, что их недостаточно ценят и никто ими не интересуется, и постоянно ссылаются на свои великие дела, на своё трудолюбие и тому подобное. Они говорят,

как много пользы принесли, рассказывают об этом другим, жалуются и едва ли не ропщут, если никто ими не интересуется.

16 Смотрите, дорогие дети, как вся эта беда навлекается на неразумных людей похвалой и лестью, так что даже их спасение оказывается в великой опасности. Кто в нынешней жизни не может прийти к мирной, дружелюбной, братской любви к ближнему и не может поистине отказаться от своей воли и быть послушным начальствующим, тот находится в великой опасности лишиться вечного спасения. Тому, кто не живёт так, не помогут ни все его посты и бдения, ни пение и чтение, ни земные поклоны, ни умерщвление плоти, ни что бы то ни было иное, сколь бы важным оно ни казалось. Для людей было бы гораздо лучше и полезнее отложить все видимые и внешние дела и упражнения, пока они не усвоят истинных, подлинных добродетелей любви и предания себя Богу и не обретут настоящего желания делать всё только из любви к Богу и ближним.

17 Заметьте далее: как только человек сознаёт, что ему нет дела до громкого имени и высокого положения, но он хочет всегда оставаться сокровенным, жаждет уничижения и простоты, желает быть отвергнутым и незамеченным среди других людей, тогда Бог совершит великие дела в его имени. Если человек не ищет почестей, не желает громкого имени и высокого положения и, когда никто не хочет оказывать ему честь, готов всё это принять и всегда желает последнего места, тогда всё будет с ним хорошо. Смотрите: тогда его громкое имя среди людей уже не вредит ему. Но ему надлежит научиться преодолевать себя и в этом, быть готовым слышать о своём имени, чтобы приобрести

ближнего. Ибо и это — ступень внутреннего умирания: быть способным вынести такое положение и научиться отказываться от собственной воли даже в этом. Он непременно обнаружит, что стал больше в Боге, и Бог просветит его и наполнит Божественным Светом. Тогда окажется, что всё это совершенно непостижимо для человеческого рассудка тех, кто прежде не шёл этим путём.

[18] Но поскольку великое дело — прямо стоять на этом пути, весьма опасно и упасть на нём, начав услаждаться собственным именем. Поэтому каждому следует избегать его возвеличивания, пока он может и вправе это делать, чтобы не возвышаться в нынешней жизни. Ибо тот, кого Бог призывает к этому в нынешней жизни, должен пройти многими тёмными, неведомыми ему путями. Он покоится лишь в уповании на Бога и в уверенной вере и говорит: «Господи, я хочу служить Тебе; поэтому верю, что во всём, что предстаёт предо мною на этом дивном пути, нет обмана, и всегда буду это нести». Временами его покидают вера, надежда и любовь, и во всём его поддерживает одно лишь намерение. Временами он ещё сознаёт и любит на двух низших ступенях — в природной жизни и в разумном общении, — ибо тогда любовь лежит совершенно сокрытой на низшей ступени. Пока он хотя бы в какой-то мере остаётся верен Богу в отречении от собственной природной воли и речи, доволен этим преданием себя и не впадает в неуместное утешение пороком или чувственностью, с помощью которых мог бы избавиться от страдания, всё будет хорошо. Но если он ищет удовлетворения в чувственных вещах или предаётся внешним заботам, пусть даже добрым и религиозным, чтобы освободиться от гнетущей тяжести, он свяжет и растерзает любовь; тогда время от времени будет

отпадать от любви, хотя сам этого не знает. Но несомненно: если он твёрдо устоит в этом и останется верен Богу в этом таинственном предании себя, он достиг высшей ступени любви, хотя и не знает об этом. Пройдя через это, его сердце совершенно освобождается от себя самого; он приносит много плода даже перед другими людьми и обнаруживает, что Бог с любовью пребывает в нём, а он — в Боге во всём.

[19] Нам было бы лучше испытать это, чем говорить об этом. Кто не вкусит и не испытает, тот никогда не сможет понять, что значит поистине обладать Богом. Да поможет нам Бог чтить и превозносить одно лишь Его Имя, а не своё, поистине умаляя себя в этом мире в подлинном предании себя Ему. Аминь.

Проповедь XXXIII. На праздник святого исповедника

[1] О том, что никто не должен полагаться на внешние дела, совершаемые телом, на обычаи и обряды, то есть на религиозные обычаи и жесты, в надежде исправиться ими одними; но прежде всего человек должен со всем усердием учиться познавать самую глубину своего сердца и умирать для всех злых наклонностей и немощей.

[2] *Lucerna corporis tui est oculus tuus.*

[3] «Светильник тела твоего есть око твоё». [129]

[4] Сегодня, дорогие дети, мы совершаем память святого угодника Божия N., который своей христианской жизнью являл, исповедовал и распространял хвалу и славу Иисуса Христа — не только добрым примером и образцом своей добродетельной жизни и своего нрава, но и внутренне; ибо его сердце, ум и дух пребывали в истинной преданности Богу и в чистой глубине умерщвлённых чувств, всегда желая усердно служить Богу и угождать Ему одному. Поистине это была подлинно благочестивая и святая жизнь.

[5] Заметьте же: в наши дни есть много людей, которых называют благочестивыми и которые кажутся таковыми, однако все силы они прилагают не к тому, к чему следует. Они подвергают себя суровой дисциплине, надеясь с её помощью, по благодати, стать иными, нежели они по природе. Они постятся, бодрствуют, молятся и часто исповедуются; принимают Святое Таинство Алтаря, размышляют о высочайших Страданиях Христовых, творят дела милосердия и часто ищут отпущения грехов;

или предаются иным подобным упражнениям, каким бы то ни было. И всё же вся эта дисциплина не меняет их: они расточают свои силы и способности вдали от Бога, не приобретая ни похвалы, ни пользы для души, а скорее низводя себя этим в ад. Ведь они не заглядывают внутрь себя и не учатся познавать собственное сердце; и там, где им следовало бы идти вперёд, они отступают. Они высокого мнения о себе, а между тем они ничто и служат Богу небрежно. Они думают, что ищут Бога, но это не так; и пока они продолжают беспечно жить по своим необузданным желаниям, позволяя чувствам возбуждать воображение, никакие дела не смогут сделать их лучше. Чем старше они становятся и чем дольше так живут, тем нетерпеливее делаются и тем меньше берегутся греха в слове и деле; так бывает и с теми, кто ищет высоких должностей в монастырях. Вот к чему приводит служение Богу по собственному вкусу и со своевольными желаниями. Когда у них появляется расположение к добрым делам, они отдаются им нередко сверх своих сил: то делают одно, то другое, а потом воображают, будто одно им помогает, а другое препятствует. Так они беспечно переходят от одного упражнения к другому, полагая, что всё будет внутренне полезно им, поскольку всё удовлетворяет их природным желаниям; они вполне довольны, но когда не чувствуют внутреннего удовлетворения, им кажется, что ничто им не помогает. Так они становятся непостоянными; никакая дисциплина не нравится им долго, ибо, как бы они ни жили, до своей истинной глубины они никогда не доберутся. Чему бы они ни посвящали себя столь неумелым образом и какими бы добрыми ни были их намерения, они всё же останутся в обмане, хотя и позволяют себе воображать, будто все их мысли — только о Боге. Разве кто-нибудь желает служить

злому духу? Конечно, этого не желает никто. Мы не хотим этого, не желаем иметь его своим господином — и всё-таки исполняем его волю. Ибо, пока мы служим Богу лишь внешними делами, мы ещё не начали служить Ему по-настоящему, в истине и с подлинным благоговением. Верное основание совершенной христианской жизни состоит не в одних внешних делах, хотя они и помогают, а гораздо более в добром делании сердца, посредством которого человек уклоняется от греха и приносит плод добродетели.

6 Ещё скажу: вы можете встретить в монастырях людей, которые внешними телесными делами соблюдают строгие правила своего ордена. Есть и в миру люди, истязающие тело бдениями, постами и иной дисциплиной, щедро раздающие милостыню, но не хранящие глубины своего сердца и не очищающие её от всякого греха. Совершая все эти великие внешние дела, они остаются гневливыми, завистливыми и гордыми. Они клевещут на ближних, стараясь при этом приобрести доброе имя себе; делают и другие подобные вещи, показывающие, что они связаны узами злого духа. Эти люди обманывают себя и друг друга. Им кажется, что одними внешними делами они будут оправданы и спасены, но этого не будет во веки. Их вполне можно сравнить с изваяниями, которые снаружи кажутся золотыми, а внутри — камень или дерево. В Евангелии Господь сравнивает их с гробами умерших, красивыми снаружи, а внутри полными мёртвых костей. Поэтому говорю: человеку бесполезно поститься, молиться и совершать другие дела благочестия, если его ум не очищен и не избавлен от всякого зла. Увы, редко человек живёт праведно; а между тем это вовсе не невозможно, если бы он проявил хоть немного заботы. Он не обращает внимания на то, от чего зависит всё, и

надеется обрести великое блаженство посредством того, от чего ничто не зависит; потому он испытывает большие трудности, тяжело трудится и долго ищет Бога, но редко находит Его как должно, таким, каким Его надлежит найти. Вот грехи, из-за которых люди так часто терпят неудачу: они стремятся к невозможному, а того, что могли бы делать и в чём никто не мог бы им помешать, делать не хотят, потому что не имеют к этому ни любви, ни склонности, тогда как невозможное охотно желали бы получить. Они берутся за то, что им нравится или что им вздумается, с безудержной привязанностью и желанием, следуя руководству внешнего человека; и говорят, что поступают так потому, что не знают, что им следует делать и чего не делать. Они скоро поняли бы, почему так говорят, если бы только старались прямо идти путём истины и праведности. Причина вовсе не в том, что они чего-то не знают: иначе совесть не укоряла бы их за нерадение; они поступали бы правильно в меру своего знания, великого или малого, и Бог не требовал бы от них большего; ибо, если бы Он требовал большего, Он дал бы им и больше знания.

[7] Наконец, обратите внимание вот на что, дорогие дети. Человек, желающий по благодати стать иным, нежели он по природе, должен стремиться к той духовности, которая заключает в себе праведность, должную быть уделом каждого христианина; ведь истинная праведность требует истинного благочестия. Что же такое истинное благочестие? Некоторые думают, будто оно состоит в сладостных стремлениях; порой это бывает так, но не всегда, ибо иногда человек испытывает подобную сладость от природы, и этим многие вводятся в заблуждение и обман. Истинное благочестие есть добровольная покорность служению Богу. Подлинно

духовный человек будет внимательно испытывать собственное сердце, исследовать все свои мысли, слова и дела, всю свою жизнь, учась таким образом узнавать свои недостатки. Едва ли он не обнаружит чего-нибудь, что бы это ни было; и если он хочет освободиться от своего недостатка, то должен научиться признавать его; за признанием же следует раскаяние. Человек должен усердно исследовать, как лучше освободиться от прежней жизни, истребить в себе всякий порок и ревностно посвятить себя соблюдению Божиих заповедей. Они предписываются не в одинаковой мере духовным лицам и простым мирянам: от духовных требуется больше, чем от мирян, и они должны быть строже к себе. Им надлежит также участвовать в повседневной жизни Святой Христианской Церкви, сообразно уставу своего ордена или образу духовной жизни. Всё это нужнее любой суровой дисциплины и лишений — постов, бдений, трудов и прочего. Эти посты, бдения, труды и прочее — лишь указатели на пути духовного преуспеяния, но сами по себе ещё не подлинная и действительная религия. Можно встретить немало людей, упражняющихся в таких делах и всё же исполненных зла, своевольных, непокорных, гордых, гневливых и тому подобного. Да дарует Бог всем нам предаться истинному благочестию. Аминь.

Проповедь XXXIV. На праздник святой девы

[1] Как мудрым и благоразумным девам надлежит украшать себя внешне и внутренне, чтобы быть принятыми на вечный брачный пир Христа и войти в него. О благородной и драгоценной добродетели истинной и смиренной любви, которой мы можем достигнуть лишь через преданность Богу, страдание и любовь.

[2] *Quinque ex eis erant fatuae, et quinque prudentes*

[3] «Из них пять было неразумных и пять мудрых». [130]

[4] Наш возлюбленный Господь уподобляет Царство Небесное десяти девам, которые взяли свои светильники и вышли навстречу жениху и невесте. Пять из них были неразумны, а пять мудры. Они весьма различны: неразумные живут по плоти, в мире и искушении. Мудрые видят всё это и живут по духу. Мудрые девы владеют собой во всём, и внешне и внутренне, тогда как неразумные об этом не заботятся.

[5] Есть пять вещей, необходимых всем для обуздания внешнего человека, если они желают уподобиться пяти мудрым девам. Первая — умеренность в еде и питье, одежде, бдениях, постах и во всём остальном, чего требует природа и чем следует пользоваться для удовлетворения её нужд, а не для содействия греху. Вторая — простота во всём. Им следует носить грубую, простую одежду; быть простыми в приходе и уходе, твёрдыми и простыми в поведении и скромными во всём.

[6] В-третьих, им следует избегать всякого неразумного общества, особенно общества тех, кто произносит суетные слова и щепетилен во множестве вещей.

[7] В-четвёртых, они должны жить трудом собственных рук и не предаваться праздности, даже если богаты, ибо праздность — дверь ко всякой нечистоте.

[8] В-пятых, они должны быть усердны и постоянно трудиться. Им надлежит держать в повиновении свои чувства и все члены тела, держаться в стороне и отворачиваться от любых искушений, которые могут встретиться; этим искушениям следует решительно противиться и никогда не соглашаться с ними. Ничто не поможет в этом лучше, чем смиренно и полностью открыть свои искушения какому-нибудь святому человеку, посоветоваться с ним и ревностно, но рассудительно принять телесное покаяние, с горячей молитвой к Богу. Все, кто не управляет таким образом внешним человеком, считаются перед Богом неразумными девами.

[9] Теперь мудрым девам подобает украшать себя во внутреннем человеке. Основание этого — смиренномудрие, ибо, исполняя волю Божию, они должны стать сёстрами Бога; поэтому они не должны осуждать других, говоря, будто живущие в браке нечестивы. Своими духовными добродетелями они должны стремиться угождать одному Богу, а не кому-либо ещё, иначе уподобятся фарисеям. Хранить девство им не заповедано, а быть смиренными заповедано. Гордая дева перед Богом в тысячу раз хуже и нечистее смиренной замужней женщины. Дева не питает ненависти ни к кому, но должна любить всех; ей нельзя быть высокого мнения о себе, но надлежит всегда пребывать в страхе и трепете.

Когда грехи начинают расти и доставлять удовольствие, любовь и все прочие добродетели охлаждаются. Дева может следовать за Агнцем Божиим всюду, куда Он идёт, лишь будучи истинно чистой и смиренной; если же она запятнана гордостью или иным тяжким грехом, благочестивые люди, живущие в браке, стоят гораздо выше неё.

10 Девство имеет своё начало в Самом Боге. Ангелы научились ему от Бога, ибо оно существует на небесах и останется там навеки, после Судного дня. Когда эти девы воскреснут из мёртвых, они не будут выходить замуж, но станут подобны ангелам Божиим и будут навечно соединены с Богом. Они свободны от всех людей и соединены только с Богом, чтобы приносить вечный плод. Они имеют великую власть над дьяволом; они одни поют новую песнь, которую никто другой петь не может. В этих воспитанных так дочерях Бог поставил Свой престол. Ему отрадно быть с ними, если они живут по внутреннему человеку — в смирении, целомудрии и преданности, с сердцами, покорёнными любви Божией.

11 Никто не может достигнуть любви Божией без смирения, а оно — Божий дар, превосходящий все временные дары. Смирение приносит сердцу человека истинный мир, ибо ссорится и грешит тот, кому недостаёт мира. Если бы человек был поистине смирен, он больше никогда не согрешил бы. Мария не могла грешить, потому что была истинно смиренна; и везде, где Бог находит смирение, Он совершает великое. Августин говорит: «Самый смиренный на земле есть и самый святой».

12 Вот признаки смиренного человека. Прежде всего он всегда учится познавать себя и признаёт себя недостойным всех даров. Он считает себя недостойным

того, чтобы Бог помыслил о нём и сотворил его человеком. Он исповедует, что недостоин того, чтобы Бог постоянно питал и сохранял его, и потому непрестанно, с глубоким смирением благодарит Бога за все эти дары. Ни в чём, что бы это ни было, он не возвышает, не превозносит и не хвалит себя, но признаёт, что всё более обязан Богу за все Его дары; при этом во всём его первая и последняя мысль — Бог. Ни одна мудрая дева не будет иметь в каком-либо деле двух целей или намерений, чтобы одновременно думать и о Боге, и о чём-либо временном. То же, что она любит помимо Бога, должно помогать ей, быть подчинено Богу и предназначено к славе Божией; оно должно помогать ей прийти к Богу. Вот кто мудрая дева, а не кто иной. Человек должен любить Бога больше всех Его вестников, которых Он посылает и которых мы называем Его дарами.

13 Мудрая дева благодаря своим дарам думает о себе не больше, чем о том, чем она была до своего рождения. Какие бы дары ни дал ей Бог, вместе с ними Он отдаёт ей Самого Себя, ибо здесь особенно человек не препятствует Ему, и потому Он может действовать, как пожелает. Поэтому Бог совершенствует её наилучшим образом; по Своей благости Он не может этого не делать, когда видит её верность Ему, когда она даёт Ему место для обитания, принимает Его действие, следует Ему и трудится вместе с Ним без всякого самолюбия. Смиренный человек считает себя недостойным занимать то место, где находится; с кем бы он ни был, он всегда занимает последнее место. Во всём, даже в необходимом, он желает самой убогой доли. Он никому не жалуется на своё страдание; не жалуется и Богу — ни на страдание, ни на что-либо другое; но в страхе и трепете, когда страдание очень велико, принимает всё из руки Божией. Поэтому он не умеет

жаловаться ни на какое создание, как бы недостойно оно с ним ни обращалось. Не укоряет он и того, кто причиняет ему зло, ибо принимает всё от Бога и потому считает это правильным: Бог не посылает никому ничего, что не служило бы его благу. Так эти девы живут и умирают без преткновения.

[14] Заметьте: это кратчайший путь к Богу и в сообщество мудрых дев; не идущие им принадлежат к числу неразумных, хотя сами этому не верят. Все, кто поистине желает пребывать в Боге, должны стать неразумными в собственных глазах и в глазах других людей; ибо желающий спасти душу должен утратить и оставить суетную славу в этой жизни, а желающий достигнуть истинной и смиренной любви должен научиться твёрдо хранить три вещи: преданность Богу, страдание и любовь. Тому, кто хочет научиться преданности, недостаточно оставить тяжкие грехи, внешние и внутренние: и во внутренних духовных делах он не должен искать собственного удовольствия в своём добре — в посте, бдении, молитве, чтении, размышлении, в утешении, сладости, переживании, знании, в жажде и желании награды после Святого Таинства. Он должен владеть собой в духовном восхищении, в видениях, созерцании и тому подобном. Затем ему следует думать, что нет человека более жалкого, неугодного Богу, холодного и нерадивого, чем он, и всё же он не должен сознательно упускать ничего или искать освобождения от какого-либо своего долга. Вот так человек становится ничем в себе: исчезают его своеволие, собственная мудрость, высокое мнение о себе, самоуслаждение и наслаждение добрыми делами. Чем полнее это совершается, тем оно истиннее; и это низложение себя приводит его к Богу, ибо Бог — бездна смирения. В глубоком смирении душа его обретает

Бога, и Бог соединяется с его душой. Поэтому человек преображается в Боге и становится словно другим человеком. Это дело Святого Духа, Который обитает в нём и управляет им.

15 Второе — страдание. Чтобы быть смиренными, вы должны терпеливо и спокойно переносить все насмешки, насколько можете: в любви и презрении, вместе с другими или встречая противодействие, при равном или неравном обращении. Вы должны сносить презрение, уничижение и тому подобное, в приобретении или утрате, внешне или внутренне, как бы это ни случилось и кто бы ни стал тому причиной. Пусть порой вам кажется, насколько вы способны судить, что такой путь ни наилучший, ни наихудший, или, по вашим понятиям, может повредить вашей добродетели или спасению, — всё же терпите просто и охотно, как можете. Уповайте на Бога; и хотя вы не понимаете, почему всё произошло, переносите всё терпеливо: тогда принесёте плоды смирения. Ваше высокое мнение о себе и собственная мудрость увянут, и всё обратится вам во благо, если только будете терпеть. И пусть временами вам кажется, что это повредит вашим временным и духовным начинаниям, — именно через такую смиренную, терпеливую преданность вы в сто раз дальше продвинетесь в Боге, в подлинной и истинной добродетели.

16 Третье — любовь, служащая смирению; ибо нигде любовь не действует столь благородно, как в терпеливом перенесении страдания. Верно, что любовью человек может подняться так высоко, что обнимает Бога через соединение воли; но верно и то, что к человеку преданному и терпящему Бог нисходит всем Своим

существом. Там любящая душа обнимает Его, а Он в ответ обнимает её и поглощает её в Себе. Так душа теряет себя и возвращается к Источнику, откуда вышла, и уже здесь, в этой жизни, насколько это возможно, достоверно знает, что впоследствии будет наслаждаться Им вечно. Тому, кому достался этот удел, необходимо подлинное смирение, чтобы научиться и здесь видеть Бога, насколько это дозволено.

17 Далее необходимы три вещи. Во-первых, намерения человека должны быть чисты и ясны: он должен желать только Бога, любить только Бога, стремиться лишь угождать Ему и любить Его как должно. Вот такие люди обладают истинным видением в этой жизни.

18 Во-вторых, желающие видеть Божии блага должны быть готовы всё нести и всё терпеть в любви; им следует смиряться из самой глубины сердца и не превозноситься, сколько бы Бог ни открывал им и сколь бы сокровенными ни были эти откровения.

19 В-третьих, нужны ревность и усердие в духовных упражнениях, чтобы человек возносил душу к Богу тем способом и в той форме, которые ему наиболее приятны и полезны: пребывая мыслью в человечестве Бога, Его Божестве или Святой Троице, в сокровенной жизни Господа нашего Иисуса Христа, возлюбленной Владычицы или других святых, в том, как они проводили повседневную жизнь; ибо каждый слог Священного Писания заключает божественный смысл, который можно из него извлечь. Если человек соблюдает эти три вещи, он должен иметь возможность получить от Бога всё необходимое: если намерения его чисты, он готов страдать и терпеть в любви и смирении и ревностен в духовных упражнениях. Добрый нрав, крепкий ум и

податливый, тонкий разум очень помогают этому. Человек, которому удаётся это и который получает благодать от Бога, далеко продвинется в духовной жизни.

[20] Всякая добродетель и всякое добродетельное дело зависят от этих шести положений. Первое — истинное смирение; второе — терпеливое страдание; третье — совершенная преданность Богу во всём; четвёртое — подлинная любовь; пятое — обращённое к Богу намерение во всём; шестое — ревность в духовных упражнениях. Да поможет нам Бог таким образом стать мудрыми девами. Аминь.

Проповедь XXXV. На праздник освящения храма

[1] Об обновлении внешнего и внутреннего человека: как человеку надлежит отречься от себя и умереть для всего, к чему он по природе прилепляется и привязан, и как тогда Бог устроит в нём Своё жилище. Притча о трёх видах крыльев, на которых Бог летает и парит над нами, и о желании видеть Бога самым благородным образом, во времени и в вечности.

[2] *In domu tua oportet me manere.*

[3] «Сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». [131]

[4] Дорогие дети, сегодня день освящения этого дома Божия; и всё богослужение Святой Христианской Церкви духовно обращает всех нас к внутреннему человеку, в котором, поистине, всегда должны совершаться освящение и подлинное примирение с Богом. Поэтому внешний обряд должен призывать и побуждать нас готовить себя в искренности и истине, чтобы Бог поистине и совершенно поселился у нас. Освящение храма означает примерно то же, что обновление; и это обновление должно непрестанно совершаться во внутреннем человеке. Тот, кто действительно принимает его, должен отречься от всех своих природных склонностей, сдержать и оставить привязанность ко всем, к кому прилепляется, будь то друзья или родные. Надлежит отказаться от всего, что бы это ни было, что естественным образом приходит к нему извне, а также от всего, в чём природа находит радость, утешение или удовольствие, — в мысли, слове или деле. Телесная дисциплина, например пост и бдение, также полезна и

хороша, если природа человека способна её переносить. Но вот что говорю вам: порочность нашей природы так сокровенна и она так тайно всегда ищет своего, что мы часто наслаждаемся тем, что, как нам кажется, делаем лишь по крайней необходимости. Поэтому человек должен всегда со всем усердием стремиться господствовать над своей внешней животной природой. Делать это он должен с величайшим старанием, хотя природе очень трудно умереть для всякого излишнего наслаждения едой и питьём, зрением и слухом, приходом и уходом, словами и делами. Говорю вам: если бы все эти животные удовольствия со всеми их излишествами были поистине умерщвлены в нас, мы стали бы благоуханным фимиамом пред Богом, как написано: «Мы — Христово благоухание». Когда все эти природные препятствия совершенно устранены, в человеке совершается написанное в Псалтири: «Ты делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра». Это значит: когда человек совершенно умертвил в себе все земные желания, Вечный Бог устраивает в нём Своё жилище. Что же мы читаем о трёх видах крыльев, на которых шествует Господь? Первые — крылья голубя; вторые — орлиные крылья; третьи — крылья ветра. [132] [133]

[5] Крылья голубя — те праведные люди, которые ходят в святой невинности, без желчи, горечи, зависти и общения с другими людьми; поэтому эти простосердечные люди тихи, кротки и добры и следуют за кротким и тихим Агнцем, Иисусом Христом, Вечным Сыном Божиим, Господом нашим. Потому Господь пребывает с ними во всех их восхождениях, в их желаниях, любви и намерениях. Во-вторых, Господь шествует на крыльях орла, ибо орёл летает так высоко, что никто не может его увидеть. Орёл — чистый человек, созданный по образу

Божию, который всеми силами, внешне и внутренне, взлетает в сокровенные обители Бога. Когда человек стремится туда всей своей мощью, внутренним и внешним человеком, он так высоко взлетает в познании и любви, что никакая чисто человеческая чувственная способность не может его достигнуть. На этих благородных крыльях парит и возлюбленный Господь. В-третьих, Господь шествует на крыльях ветра, ибо ветер так быстр и стремителен, что вы не знаете, откуда он приходит и куда уходит. Дети, этот ветер — самый внутренний и возвышенный человек, вылепленный и созданный по образу Божию. Этот чистый человек настолько выше всякого познания, что весь человеческий разум и все его дела не могут достигнуть Его и подняться к Нему, ибо Он далеко превосходит человеческий ум. Этот внутренний Богочеловек, созданный по образу Божию, летит обратно к Своему Божественному Источнику и к Своему первоначальному состоянию до сотворения; и там чистый дух становится Светом светов. В некоторой мере все прочие света гаснут в этом Свете, ибо всякий естественный и всякий дарованный свет, когда-либо озарявший человека, становится тьмою. Солнце, когда сияет всего ярче, затмевает свет всех звёзд на небе; так и Божественный Свет, воссияв в глубине души, затмевает все тварные света, когда-либо светившие в человеке. Тогда Дух, пребывающий в образе Божием, так ярко сияет в человеческой душе, что от чрезмерной яркости Божественного Света кажется тьмою духу, в котором сияет. Ибо разум всех созданий перед этим Божественным Светом подобен глазам ласточек перед чистым, ярким солнечным светом. Если ты захочешь слабыми глазами смотреть на солнечный круг, солнце покажется твоему взору тьмою — от его превосходящего

сияния и от слабости твоих глаз. Поэтому языческий учитель сказал: «После других светов Бог кажется душе тьмою, ибо мы познаём Его в неведении нашего ума». Какой великий стыд нам, христианам, что язычник понял это! Чем же заняты мы, бедные люди?

[6] Об освящении мы читаем в евангельском рассказе о Захарии (Закхее). Он охотно увидел бы Господа, но был слишком мал ростом. Что же он сделал? Он взобрался на бесплодную смоковницу. Так поступает благочестивый человек, желающий увидеть Того, Кто совершил в нём все эти чудеса; но он слишком низок и мал. Что ему делать? Он должен взобраться на высокую бесплодную смоковницу; в этом всё, что написано для нас. Это постоянное умирание для внешних сторон человеческой природы и всецелая жизнь во внутреннем человеке, в котором шествует Господь Бог, как вы уже слышали. Потому мудрецы мира почитают это величайшим безумием; случается даже встретить знаменитых священников, у которых книг на двести флоринов и которые столь довольны ими, что читают их с величайшим усердием; и всё же эти мудрецы мира думают, будто жизнь и бытие этих цельных людей — одна насмешка и глупость. Нет, говорю вам: жизнь этих добрых людей — благородное и блаженное безумие, ибо они избранники нашего милостивого Бога, как сказал Вечный Сын Божий Иисус Христос: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам». [134]

[7] Среди многого другого эти сокровенные тайны были открыты святой Хильдегарде; потому в её книге были написаны два небольших изображения. Одна фигура одета в синее платье и не имеет глаз, но её синее платье

полно глаз, означающих святой страх Божий. Это не тот страх, который вы называете страхом, а лишённое самоуверенности, усердное испытание себя, которое благородный, чистый дух человека, созданного по образу Божию, должен совершать всюду, на всех путях, во всех словах и делах. Поэтому этот благородный, богоподобный образ не имеет лица и глаз: он совершенно забывает себя и не знает, любят его или ненавидят, хвалят или порицают. У него нет и рук, ибо он стоит обнажённым и свободным от всякого наслаждения, в истинной и смиренной преданности Богу.

8 Другая фигура, помещённая рядом, одета в светлое платье и поднимает руки; обе босы. У этой фигуры нет головы; над нею — Божество в чистом, ярком золоте. Лица нет: всё — чистое золото; это означает непознаваемое, чистое Божество, изливающееся на фигуру вместо головы, ибо чистое Божество — её глава. Это изображение означает нищету духа. Глава этого образа — Сам Бог; белизна одежды означает невинность поведения, невосприимчивость к внешнему и чистую, обнажённую преданность. Обе фигуры босы, и это означает полное подражание истинному образу Господа нашего Иисуса Христа. Синее платье означает постоянство: человек не должен сегодня предаваться подвигу, а завтра спать; он должен пребывать в нём до конца и с простёртыми руками быть всегда готовым исполнять волю Божию в труде и страдании.[29]

9 Говорю вам: вот та засохшая смоковница, на которую должны взобраться все, желающие самым благородным образом служить Богу во времени и в вечности. Ибо Господь сказал Закхею: «Поспеши сойти, потому что из всего, что имеешь, ты ничего не можешь удержать, но

должен снова вернуться пустым и обнажённым в собственное ничтожество; это значит, что ты должен ничего не делать и быть ничем, и тогда Бог придёт в твой собственный дом, и это непременно должно совершиться». Когда же ты взобрался на смоковницу и Вечная Истина в некоторой мере просветила тебя, но ты ещё не вполне овладел ею, а она — тобою, потому что ты всё ещё к чему-то прилепляешься, тогда природа и Божия благодать всё ещё борются в тебе, и ты ещё не достиг настоящей, истинной преданности. Потому усвой: во всём, что делает природа, всегда есть изъян, и оно не вполне совершенно и чисто; оттого человеческая природа в человеке, находящемся на дереве, взывает к Богу. Это полное предание себя и постоянное отвержение природы во всех тех проявлениях, в которых человек всё ещё держится за обладание собою. Ибо *hodie*, что значит «сегодня», Бог непременно должен войти в твой дом. Дети, сегодня спасение пришло в этот благородный и святой дом Божий. Да дарует вечный и блаженный Бог, чтобы оно пришло и к нам. Аминь.

Проповедь XXXVI. На праздник освящения храма

[1] Как внутренний человек может стать чистым и святым домом молитвы. О торговцах, то есть злых помыслах и немощах, ведущих торговлю в этом храме и способных, быть может, принести человеку большую пользу и послужить ему. Что такое молитва и размышление; также о трёх вещах, посредством которых человек может войти во Внутреннее Царство: истинная вера, правое исповедание Бога и внутренняя горячая молитва.

[2] *Domus mea, domus orationis vocabitur.*

[3] «Дом Мой домом молитвы наречётся». [135]

[4] Господь наш Иисус Христос, Вечный Сын Божий, верно научил нас здесь тому, что нам делать, чтобы наши сердца стали чистыми и непорочными домами молитвы, ибо человек действительно и поистине есть святой храм Божий. Но сначала из этого храма Божия должны быть изгнаны все торговцы, то есть все мечтания и воображения, которые не от Бога, а также всякое услаждение тварью и собственной волей; поэтому храм прежде должен быть очищен слезами покаяния и любовью Божией, чтобы стать чистым и непорочным. Ведь храмы не становятся святыми лишь оттого, что их называют домами Божиими: освятить их может один Бог. Поэтому этот храм Божий — чистое, непорочное сердце; оно поистине храм Божий, где Вечный Бог всегда пребывает в истине, когда всё несходное с Ним изгнано и выброшено вон. Потому говорю вам: Бог не поселится в храме, который не очищен таким образом. Прежде чем в сердце человека появится одна чистая мысль о Боге, туда

входит тысяча иных мыслей, о временном, которые увлекают в сторону и прогоняют эти чистые мысли о Боге. Вот в каком смысле говорится о торговцах и объясняется, кто они. Итак, все люди, которые по собственной свободной воле живут в удовольствии и услаждении тварью, — эти торговцы. Несомненно, человек, желающий, чтобы Сам Бог обитал в нём Своею благодатью и творил в нём Свои дела, должен особенно и непременно избегать всякого согласия с вещами, порождающими любовь, услаждение и наслаждение тварью и не имеющими своим истинным Источником Бога. Поэтому тот, кто сказал бы, что десять поводов ко злу не вреднее одного, то есть что тайная любовь и дружба десяти людей вредили бы ему не больше, чем любовь одного, сказал бы неразумное; ведь легче преодолеть и изгнать что-то одно, чем десять. Но одну вещь вам особенно следует знать: десять грехов, которые человек признаёт грехами и исповедует, не столь тяжки и вредны для него, как один-единственный грех, которому он не придаёт значения, не считает грехом и в котором нечестиво продолжает пребывать. Поэтому человек должен всегда испытывать истинно смиренный страх пред Господом Богом из-за своих неведомых грехов, смиренно просить милости и благости Божией и во всякое время считать себя исполненным греха; тогда Божие милосердие и благодать непременно помогут ему. Но тот, кто оправдывает себя и сознательно продолжает грешить, подвергается великой опасности никогда не прийти к Истине. Поэтому берегитесь этого, как вечной смерти: человек, который всегда думает, что с ним всё правильно и хорошо, находится в опасном и страшном состоянии. Если бы вы спросили самого святого человека на земле, плакал ли он столько, сколько должен был, он ответил бы:

«Нет, я не пролил и тысячной доли тех слёз, которые должен был пролить. Но теперь я по-настоящему начну плакать о своих грехах и немощах».

5 Когда же внутренний храм человека очищен и торговцы изгнаны, то есть когда ты изгнал всё тварное со всеми его удовольствиями, чем прежде обладал в утешении, радости и наслаждении, и по своей воле не намерен принять всё это обратно или владеть этим с удовольствием, — тогда ты твёрдо стоишь в истине и праведности, и торговцы изгнаны из твоего храма.

6 Но когда злые торговцы снова приходят в твой храм, немедленно изгони их. Если же они остаются там некоторое время против твоей воли и без твоего согласия, знай: перед Богом это нисколько тебе не повредит. Пусть они пробудут там сколько захотят, всё же им придётся уйти той же дверью, которой вошли. Более того: если они найдут там какое-либо зло, то должны будут унести его с собой и очистить этот благородный храм, если вошли против воли человека и без его согласия. Это не может повредить ему, но очищает, омывает и готовит его для Господа, словно чистое золото, которое тем драгоценнее и чище, чем сильнее его раскаляет огонь. Так происходит с благородным человеком в испытании, сопровождающем его страдания, искушения и нападения на него: чем они нечистее, злее и страшнее, тем лучше будет он очищен и омыт. То, что происходит вопреки воле человека, никогда не может причинить греха к смерти, но готовит человека к великой награде и наслаждению вечной жизнью. Святой Павел говорит: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться». Претерпевший до конца будет принят со славой и честью. Говорю вам, дети: ничто совершающееся против моей

свободной воли, как бы зло и нечисто оно ни было, не может осквернить меня, но, напротив, очистит и омоет меня, приготовит для Господа и особой благодати. Поэтому мужайтесь, радуйтесь, не печальтесь и не мрачнейте, если временами вас посещают злые, нечистые помыслы; какими бы дурными они ни были, не придавайте им значения. Если они приходят вопреки вашей воле и желанию, дайте им снова уйти. И если это происходит особенно во время вашей молитвы Богу и общения с Ним, оставьте их в покое во имя Божие и переносите эти нападения и всю эту нечистоту с великой радостью, смирением и преданностью, как волю Божию. Знайте, дети: всё это следует смиренно нести как волю Божию; может даже случиться, что через это вам станут известны и откроются вещи, которых вы никогда не узнали бы, не пройдя этим путём. Но в этом испытании и страдании человек не должен пытаться помочь себе ни словами, ни делами, а должен покоиться лишь в Боге. Ему надлежит нести всё с добрым сердцем и не тревожиться об этом ни внешне, ни внутренне. Ибо, когда это будет угодно нашему Небесному Отцу, Он непременно сможет облегчить твою участь и после всех этих мучительных искушений в тысячу раз более усладить тебя Собою. Поэтому страдай с радостью, делай всё просто и в истине; и тогда, что бы ни пришло, не пытайся помочь себе сам. Тот, кто слишком старается помочь себе, непременно лишится помощи Божией и истины, ибо к доброму человеку всё приходит от Бога без чего-либо собственного, без собственного усилия добиться спасения. [136]

[7] Итак, дорогие дети, если внутренний ум человека должен стать святым домом молитвы Божиим, молитва должна заключать в себе благоговейную преданность. Что

это такое? Это *devotio*, то есть *se vovere Deo*, иначе говоря — внутреннее общение с Богом и устремление к вечности. Когда ты так соединяешься с Богом или хвалишь Его, ты благоговеешь: это значит, что, где бы ты ни был и что бы ни делал, ты должен направлять свои мысли к Богу, Чьи это дела. Не так страшно, если ты не всегда радуешься и наслаждаешься сладостным общением, ибо это бывает лишь по Божию изволению, — лишь бы ты сохранял самую сущность преданности. Это общение человека с Богом выше и важнее всех прочих дел.

[8] Святой Иларий пишет о трёх вещах, через которые человек должен войти во Внутреннее Царство. Первая — истинная вера; вторая — правое исповедание Бога; третья — благоговейная и горячая молитва.

[9] Что же за вера здесь подразумевается? Ведь не все христиане верны. Подобно тому как на кладбище много мертвецов, есть множество самых разных людей, которые казались обладателями живой веры, но в действительности не умерли и не мертвы в Боге. Что же такое чистая и живая вера? Это не что иное, как живое стремление к Богу, изнутри устремляющееся к Господу Богу и ко всему, что относится к вере. Так, когда человек видит или слышит что-либо, принадлежащее святой вере, — о Вечном Божестве или благородном человечестве нашего Господа, о превознесённой, благородной и славной Троице Божией, — он находит в себе истинную и живую веру в это, ясно указывающую ему, что есть Бог, и вместе с тем раскрывающую ему всё понятнее, чем могли бы любые учителя. Такой человек живёт и движется во Внутреннем Царстве, где жизнь поистине бьёт из собственного источника.

[10] К сожалению, есть много людей, которые, правда, держатся жизни веры, но могут смутиться и потерять её из виду от совсем небольшого, незначительного облачка. Это подобно тому, как если бы свет звёзд был чем-то живым и движущимся, исчезающим, когда проходит облако. Так и облако грехов может быть очень мало и незначительно, но оно изгоняет из человека истинный свет веры, скрывает его и лишает человека этого света. Когда же облако грехов проходит даже над избранным народом Божиим, ибо все люди грешны, Вечное и Божественное Солнце пробивается к жизни этих людей, и они быстро, без промедления вновь обращаются к своему первоначальному Источнику. Укоренённые в истинном саду Божием, они скоро возвращаются; с мужеством пробиваются сквозь всё, в чём не могут действительно и ясно найти Бога, и всегда избегают всего, что не позволило бы Богу войти в самую глубину их сердца. Потому, сколь бы слабо и едва ощутимо человек ни держался жизни веры, он всё же будет сохранён, если в остальном окажется верным до конца и будет стремиться войти в Царство Небесное; даже если путь его надолго задержится, он всё равно будет на дороге к вечной жизни. И всё-таки такие люди вполне могут впасть в великий и тяжкий грех, потому что пользуются весьма опасными и ненадёжными путями и средствами возвращения к себе; поэтому они постоянно пребывают во внешнем и становятся суетными, пустыми, сухими, холодными, теплохладными, столь чуждыми себе и непохожими на себя, что перед Богом достойны великого сожаления. Но живые люди, поистине живущие жизнью истины, сознают эту жизнь в себе; они знают внутреннюю жизнь и истину Божию, так что всё божественное, что может встретиться этим друзьям Божиим, пробуждает эту внутреннюю

жизнь с ревностными стремлениями, горячей Божественной любовью и услаждением в горячо любимой воле Божией. Всё это попросту означает, что такие люди пребывают во Внутреннем Царстве Бога; они причастны сокровенной сладости Божией, которая скрыта и должна быть скрыта от всех, кто никогда поистине не входил в это Внутреннее Царство.

11 Поэтому вторая вещь — истинное и правое исповедание Бога, обретаемое в этом Царстве. Его не нужно искать далеко: оно находится в этом Царстве и там открывается. В нём сияет этот Свет, и там человек поистине входит во Внутреннее Царство через Иисуса Христа, истинную и законную Дверь, которой людям надлежит войти, если они хотят прийти к совершенству. Тогда о них действительно можно сказать: «Царствие Божие внутрь вас есть». Здесь обретается та чистая и действительная Истина, которой не знают люди, не покоящиеся на этом основании и не хранящие себя свободными и отрешёнными от всех созданий, в которых Бог не есть всё во всём. Здесь они обретают своим разумением то, о чём писал и говорил святой Дионисий: «Что выше всякого разума, всякой мысли и всякого понимания? Обретение света в Свете». [137]

12 Дорогие дети, парижские магистры усердно читают свои большие книги и переворачивают страницы, и всё это очень хорошо; но эти другие люди читают истинную и живую Книгу, в которой всё живёт. Они перелистывают небо и землю и читают в них превосходящие всё чудеса Божии. В суждении они идут впереди святых, возлюбленных и возвышенных ангелов Божиих, и потому первыми постигают высочайшее Посланничество Святой и Превознесённой Троицы: как Бог Отец родил и рождает

Своего Сына Иисуса Христа в вечности; как Вечное Слово в Боге Отце вечно отражает сердце Своего Отца; как Бог Дух Святой вечно исходит от Отца и Сына; как Святая Блаженная Троица изливается на всех Своих избранных во времени и в вечности; и как вновь наслаждается в Себе истинным и вечным блаженством. Это то блаженство, о котором Иисус Христос, Сын Божий, сказал: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». Дети, это истинная жизнь во внутреннем храме Божием; это благородная, чистая и истинная награда, поставленная перед всеми избранными друзьями Божиими. Там Первосвященник в Своём святом, блаженном храме; там истинное, чистое присутствие Бога, в Котором всё живёт и движется, и там устранено всякое страдание. [138]

[13] Человек, поистине переживший всё это, хорошо знает, что здесь не может быть сомнения. Знание этого совершенно неведомо и сокрыто от учёных наставников мира, но избранные люди Божии обладают полным и ясным знанием и пониманием. Поэтому тот, кто в этой жизни узнаёт об этом больше всего и ближе всего подходит к этому основанию, будет ближе всего к Богу в вечной жизни и преимущественно там обретётся; все такие люди будут блаженнейшими. Третья вещь, упомянутая этим святым мужем, — благоговейная молитва. Это вознесение ума к Богу в вечной жизни, но в ином смысле. Такая молитва есть вступление в единение сотворённого духа с несотворённым Духом Божиим, плод замысла, который Святое Божество образовало в вечности. Эти люди — истинные поклонники Бога, поклоняющиеся Богу Отцу в духе и истине. Такого истинного поклонения Небесный Отец непрестанно требует от всех людей, как сказал Иисус Христос: «Это

истинные поклонники. Они получают также то, чего просят у Небесного Отца, и всегда находят то, чего ищут и желают в своих молитвах, ибо их молитвы обретаются и теряются». Здесь теряются храм и дух и всё, о чём мы говорили. Как же всё это произошло? Всё излилось в Бога и стало одним духом с Богом, как говорит святой Павел: «Соединяющийся с Господом есть один дух». Что это такое и как совершается, легче пережить, чем описать. Всё сказанное об этом столь же бедно и непохоже на него, как остриё иглы на небеса над нами. Да поможет нам Бог всем стремиться к этому, живя в смирении. Аминь. [139]

Наставление 1

[1] Первое наставление учит нас исповедоваться просто и искренне и исследовать самые глубины своего сердца.

[2] Дорогие дети, советую, увещеваю и умоляю вас: научитесь исповедовать Богу все ваши грехи просто и искренне; научитесь признавать, что вы воистину и действительно виновны пред Ним, и размышлять о своих грехах с глубокой скорбью. Не задавайтесь целью произносить долгую внешнюю исповедь: от неё мало пользы, а она отнимает драгоценное время духовников, доставляя им много труда и беспокойства. Дети, многословие не уничтожает греха; и, как я уже часто говорил, духовники не властны над грехом. Беседуйте с собственными сердцами и там исповедуйте свои грехи; ибо внешняя исповедь без внутренней мало помогает в том, что не является грехом к смерти, и служит признаком, что исповедующийся таким образом пренебрегает внутренним. Ведь там, где внутри присутствует истина, сами события могут быть настолько забыты, что о них нередко невозможно сказать ничего вполне определённого; и лучше всего нам поможет предоставление всего Богу. Я говорю теперь о повседневных грехах; от грехов к смерти да сохранит нас Бог!

[3] Итак, дети, нам весьма необходимо упражняться в таком самоисследовании. В человеке есть множество потаённых уголков, которые закрывают основание сердца и настолько заросли, что скрывают от него самого истину. Поэтому, хотя он знает многое другое, самого себя он по-настоящему не знает. Эти грехи воистину подобны тридцати или сорока кожам, как бы воловьим шкурам,

которые закрывают основание, лежа одна поверх другой; они так толсты и тверды, что вы не можете ни исповедать их, ни избавиться от них так, как вам представляется. Что же это за кожи? Всё то, что ты имеешь в себе, о чём помышляешь и чем пользуешься, но для чего Бог не является ни истинным началом, ни концом. Всё это идолы, образы вещей — такие, как своеволие, угождение себе и наслаждение чувственным. Человек цепляется за них, как Рахиль за своих идолов, когда сидела на них. Самонадеянность, беспечность, недостаток преданности в божественных вещах — все эти грехи образуют такие кожи. Не следует все их исповедовать только внешне: человек должен исследовать о них собственное сердце и смиренно признать их перед Богом, кротко припадая в самоуничижении к Его ногам. Если человек так всецело признает свою вину, всё будет с ним хорошо — при условии, что он усердно старается отвернуться от этих грехов, насколько способен, с помощью Всемогущего Бога.

Наставление 2

[1] Второе наставление даёт краткую форму общей исповеди монахов или монахинь и показывает, как они могут получить отпущение грехов.

[2] Наши повседневные грехи мы можем исповедовать в общих чертах такими словами:

[3] «Я виновен, ибо согрешал суетными мыслями во время семи часов и в своих молитвах, когда должен был занимать себя добрыми помыслами, но испортил их своей леностью. Я нарушал молчание бесполезными словами во время и в местах, где говорить запрещено. Я виновен в презрительных, поспешных, неразумных словах и делах, в неправдивых и недобрых словах, в нерадении о себе, о Боге, о своём ордене, хоре и правилах, в непослушании и неблагодарности. Я не люблю и не славлю Бога так, как должно; не внимаю Его предостережениям; не подаю своему брату надлежащего примера в бедности, целомудрии и послушании. Я не сохранил всех обетов, данных Богу и моему ордену. В этом и во многом другом признаю себя виновным».

[4] Затем можете просить отпущения грехов, помышляя и говоря:

[5] «Дорогой Господи, если бы я мог и был свободен, я искал бы отпущения грехов и шёл за ним даже сквозь мороз и снег, холод и сырость. Дорогой Господи, поскольку больше я ничего сделать не могу, умоляю Тебя: даруй мне отпущение по Твоей любви и сделай меня причастником всех добрых подвигов, совершённых в доме Божием и по всей земле; отпусти мне все мои грехи через

Твои Божественные и священные раны, из которых истекает всякая благодать».

[6] Об этом ты можешь просить с твёрдой, крепкой верой и упованием на Бога; и это станет для тебя таким благословением, что впоследствии ты сможешь судить весь мир. Да научимся все мы так познавать Бога и усердно исследовать собственные сердца с Божией помощью. Аминь.

Наставление 3

[1] Третье наставление показывает человеку, как он должен брать себе в образец особые свойства и имена, приписываемые Богу и Его Божественному Бытию; как, с другой стороны, он должен переносить собственное ничтожество, а затем в тихом уединении созерцать неведомые пустоши и пустыни Божественных свойств.

[2] Бог есть чистое Бытие и пустыня тихого уединения, как сказал Моисей: «Слушай, Израиль: Господь Бог наш есть Господь единый», — да, единый Бог, один только Бог. И всё же некоторые особые свойства и различные имена, которые мы Ему усвояем, могут служить нам примером, когда мы сопоставляем с Ним своё ничтожество. Ибо, как я часто говорил, человек склонен мыслить обо всём по-земному: о рождении нашего дорогого Господа, о Его жизни, делах и путях. Потому мы должны возносить свой ум и учиться парить далеко над временем, в вечных деяниях Божественного Бытия. Человек может весьма действительно размышлять в уме об этих свойствах, так что увидит: Бог есть чистое Бытие, все существа едины, и всё же Он — ни одна из этих вещей. Во всём существующем, во всём, что есть и имеет какое-либо бытие, присутствует Бог. Святой Августин говорит: «Если видишь доброго человека, доброго ангела, доброе небо — отними человека, отними ангела, отними небо; и то, что останется, есть сущность благости, то есть Бог, ибо Он во всём и вместе с тем превыше всего». Все создания, конечно, обладают некоторой благостью и любовью, но сами не являются ни благостью, ни любовью; один Бог есть сущность благости, любви и всего, что можно назвать. Человек должен сопоставить себя с Богом, а

затем погрузиться всеми своими силами, с напряжённым и усердным взором, чтобы принять и вновь осознать собственное ничтожество и соединиться с Божественным Бытием, Которое одно есть жизнь, душа и сущность всего. [140]

3 Человек должен рассматривать свойства этого единства бытия, ибо Бог — предел всякого единства; в Нём все различия соединяются и становятся одним в единственном Бытии. Его бытие есть Его действие, Его знание, Его любовь, Его награда, Его милость и Его праведность: всё это одно. Поэтому иди и принеси туда всё своё многообразие, столь великое и непостижимое, чтобы всё стало единым в единстве Его Бытия.

4 Человек должен также рассматривать Бога как Скрывающегося, ибо Он познаётся во всех вещах, как говорит Исаия: «Воистину Ты Бог сокровенный». В глубинах сердца Он гораздо ближе, чем что-либо близко самому себе; Он сокрыт от всех наших чувств и неведом в том сердце, куда Он влечёт все твои внешние помыслы, столь же далёкие от самих себя и от твоей внутренней жизни, как животное, которое живёт по своей природе, ничего не зная, не вкушая и не испытывая. Укройся в этом тайном месте от всех созданий и от всего, что чуждо этому Бытию и непохоже на него. Это должно совершаться не образно и не в воображении, но на самом деле, всей нашей силой и желанием, способом, которого мы не можем понять своими природными чувствами. [141]

5 Затем человек должен созерцать стремление Божественных свойств в тихом уединении, где действительно не произносится ни слова. Там всё так тихо, таинственно и пустынно: ведь там нет ничего, кроме одного Бога, и ничего чуждого. Ни создание, ни образ, ни

воображение никогда туда не проникали. Об этой пустыне говорил наш Господь через пророка Иоиля (Осию): «Я привлеку её и приведу в пустыню, и буду говорить к сердцу её». Эта пустыня — тихая пустыня Божества, куда Он ведёт всех, кому предстоит принять это Божие вдохновение, ныне или в вечности. Принеси своё неразумное и бесплодное сердце в пустыню тихого и живого Божества — сердце, столь заросшее сорняками, лишённое всякого добра и полное диких зверей твоей животной природы. Затем воззри на Божественный мрак, тёмный для разумения людей и ангелов от преизбыточествующей яркости, как сияние солнца на его пути бывает мраком для слабых глаз. Ибо все сотворённые умы по сравнению с сиянием природы подобны глазам соловьёв или ласточек при ярком солнечном свете. Люди должны опустить глаза в своём неведении и слепоте, потому что они — сотворённые существа. Принеси туда собственную глубокую тьму, лишённую всякого истинного света, и пусть будет признана лишь бездна Божественного мрака, тогда как всё прочее останется неведомым. Эта бездна, неведомая и безымянная, есть спасение; её любят больше, и она привлекает больше душ, чем всё, что они могут знать о вечном спасении в Божественном Бытии. Да приведёт нас всех Бог к этому спасению! Аминь. [142]

[6] ТЁРНБУЛЛ И СПИРС, ТИПОГРАФЫ, ЭДИНБУРГ

Примечания

1. «История и жизнь достопочтенного доктора Иоанна Таулера Страсбургского; с двадцатью пятью его проповедями (около 1340 года), переведёнными с немецкого, и дополнительными сведениями о жизни и времени Таулера, Сусанны Уинкворт». Лондон, 1857. ↑

2. «Благочестивейшие проповеди достославного мужа и возвышенного богослова доктора Иоанна Таулера как на дни церковного года, так и на праздники святых… и все прочие сочинения… ныне впервые переложенные с немецкого языка на латинский Лаврентием Сурием из Любека, насельником кёльнской картезианской обители». Кёльн, 1548. ↑

3. Похвала Лютера такова: «Если тебе приятно читать на немецком языке чистое, основательное богословие, весьма близкое к древнему, можешь приобрести проповеди Иоанна Таулера из ордена проповедников; вот я посылаю тебе как бы краткое изложение всего его учения. Ибо ни на латинском, ни на нашем языке я не видел богословия более спасительного и более согласного с Евангелием». Вейс в «Biographie universelle», издание 1826 года, замечает об этом: «Похвалы его, то есть Таулера, сочинениям со стороны Лютера, Меланхтона и большинства вождей религиозной реформы вызывали подозрения в чистоте воззрений Таулера; однако выдающиеся католические писатели позаботились об оправдании его памяти. Боссюэ в “Наставлении о состояниях молитвы” говорит, что считает его одним из самых основательных и безупречных мистиков». ↑

4. В связи с необычайно подробным рассказом о том, как Пресвятая Дева проводила своё время, который Таулер приводит в проповеди VII настоящего тома, преподобный Эндрю Бёрн, настоятель в Киннерсли, Шропшир, обратил моё внимание на сходные выражения в гномах Никейского собора, цитируемых профессором Ахелисом («Journal of Theological Studies», II, 128). Это несомненно позволяет предположить общий источник обоих текстов в преданиях какого-либо ныне утраченного апокрифического Евангелия. В настоящее время гномы доступны лишь в двух коптских рукописях; предполагаемая дата трактата — около 400 года. ↑

5. Том I, с. 677. Париж, 1719. ↑

6. См. его статью в «Hist. Pol. Blätter», LXXV, с. 18 и далее (1875), а также «Критическое исследование обращения Таулера», составляющее выпуск 36 серии «Источники и исследования по истории языка и культуры германских народов» (Страсбург, 1879). ↑

7. Маргарета Эбнер верила, что во время экстатических состояний получала особые откровения о жизни нашего Господа, особенно о Его детстве. Она с глубочайшим вниманием следила за борьбой папы с императором Людовиком, питая великую преданность и любовь к последнему как к своему соотечественнику. В 1346 году Климент VI возобновил отлучение Людовика — «да воспылает против него гнев Божий в сем и будущем веке», — а в следующем году император внезапно умер на охоте. Тем не менее Маргарета, умершая в 1351 году в возрасте шестидесяти лет, верила, что в одном из её видений Младенец Иисус заверил её в его предопределении к вечной жизни. Её дневник и переписка с Генрихом Нёрдлингенским были изданы Штраухом в 1882 году. ↑

8. См. примечание об этом слове Grund на с. 94. ↑

9. Рецензия была перепечатана в первом томе «Miscellanies» Кингсли. Вместе с нею следует прочитать его предисловия к изданию «Theologia Germanica», подготовленному мисс Уинкворт (1854; теперь переиздано в серии «Golden Treasury»), и к её изданию Таулера (1857). ↑

10. «Unity in Diversity» («Единство в многообразии»), с. 93. ↑

11. Интересующимся этой темой можно рекомендовать книгу Бигга «Христианские платоники Александрии» (1886), Бэмптонские лекции Инджа «Христианский мистицизм» (1899), а также Гиффордские лекции профессора Ройса «Мир и индивид», откуда заимствованы некоторые мысли и выражения следующих абзацев. ↑

12. Иер. XIV, 13. ↑

13. Иов IV, 15. ↑

14. Флп. II, 7–8. ↑

15. Лк. XI, 28. ↑

16. Лк. I, 28. ↑

17. Лк. I, 38. ↑

18. Песн. II, 7. ↑

19. Мф. XI, 11. ↑

20. Мф. III, 3. ↑

21. Иов IV, 14–16. ↑

22. Еф. VI, 14. ↑

23. Иов VII, 15. ↑

24. Лк. X, 42. ↑

25. Еккл. IV, 10. ↑

26. Лк. XII, 35–36. ↑

27. Ин. XII, 32. ↑

28. Это, по-видимому, указание на интердикт, под которым Страсбург находился во времена Таулера, и свидетельство того, что проповедь была произнесена там. ↑

29. Эти изображения едва ли могли быть взяты из какого-либо иного кодекса, кроме меньшего из двух, ныне находящегося в герцогской библиотеке Висбадена. Он был привезён из монастыря в Эйбингене, где жила святая Гильдегарда. ↑

30. Следующим объяснением я обязан преподобному Ч. Биггу, доктору богословия из колледжа Крайст-Чёрч в Оксфорде: «Где бы ни встречалось Grund, мы должны переводить его словом “ground” — “основание”. Другого выбора, в сущности, нет. “Ground” стало признанным термином у мистиков, державшихся немецкой школы. Оно встречается, насколько помню, у Бёме, у Джорджа Фокса и у Юлианы Нориджской. Разумеется, оно означает сущность души или её единство. Я полагаю, что Grund призвано передавать “ипостась”, но кто впервые употребил его в этом смысле, мне неизвестно. Эта мысль пришла от Плотина через Ареопагита». ↑

31. В некоторых изданиях эта проповедь приводится как первая проповедь на день Всех святых. ↑

32. В некоторых изданиях эта проповедь приводится как вторая проповедь на день Всех святых. ↑

33. Ин. i. 38, 39. [В печатном издании: с. 1, примечание 1.] ↑

34. Песн. ii. 10. [В печатном издании: с. 11, примечание 1.] ↑

35. Сир. xxiv. 26, 27. [В печатном издании: с. 17, примечание 1.] ↑

36. Ин. xii. 24. [В печатном издании: с. 26, примечание 1.] ↑

37. Ин. xxi. 20. [В печатном издании: с. 42, примечание 1.] ↑

38. 1 Кор. vii. 34. [В печатном издании: с. 49, примечание 1.] ↑

39. Мал. iii. 1. [В печатном издании: с. 57, примечание 1.] ↑

40. Респонсорий третьего ноктурна общей службы не-девам (Commune non virginum). [В печатном издании: с. 67, примечание 1.] ↑

41. Лк. i. 28. [В печатном издании: с. 73, примечание 1.] ↑

42. Лк. i. 63. [В печатном издании: с. 82, примечание 1.] ↑

43. Зах. ii. 8. [В печатном издании: с. 93, примечание 1.] ↑

44. Ин. i. 7. [В печатном издании: с. 93, примечание 2.] ↑

45. Ин. i. 11. [В печатном издании: с. 95, примечание 1.] ↑

46. Мф. iii. 7. [В печатном издании: с. 95, примечание 2.] ↑

47. Пс. xxxv. 10. [В печатном издании: с. 95, примечание 3.] ↑

48. Ин. i. 3. [В печатном издании: с. 99, примечание 1.] ↑

49. Пс. xxxvi. 9. [В печатном издании: с. 100, примечание 1.] ↑

50. Ин. v. 35. [В печатном издании: с. 101, примечание 1.] ↑

51. Ин. xvii. 21. [В печатном издании: с. 103, примечание 1.] ↑

52. Мф. iii. 3. [В печатном издании: с. 103, примечание 2.] ↑

53. 2 Тим. iv. 2. [В печатном издании: с. 106, примечание 1.] ↑

54. Гал. ii. 20. [В печатном издании: с. 112, примечание 1.] ↑

55. Сир. xxiv. 26. [В печатном издании: с. 118, примечание 1.] ↑

56. Лк. x. 41, 42. [В печатном издании: с. 128, примечание 1.] ↑

57. Ин. xvi. 7. [В печатном издании: с. 132, примечание 1.] ↑

58. Мк. x. 29, 30. [В печатном издании: с. 132, примечание 2.] ↑

59. Лк. xiv. 26. [В печатном издании: с. 132, примечание 3.] ↑

60. Ин. xii. 26. [В печатном издании: с. 141, примечание 1.] ↑

61. Ин. xiv. 6. [В печатном издании: с. 147, примечание 1.] ↑

62. Мф. xxv. 12. [В печатном издании: с. 148, примечание 1.] ↑

63. Сир. xxiv. 11. [В печатном издании: с. 151, примечание 1.] ↑

64. Иез. xliv. 28. [В печатном издании: с. 155, примечание 1.] ↑

65. Иов xvii. 26. [В печатном издании: с. 156, примечание 1.] ↑

66. Мф. xxiv. 42. [В печатном издании: с. 159, примечание 1.] ↑

67. 1 Пет. iv. 18. [В печатном издании: с. 161, примечание 1.] ↑

68. Иов vii. 19, 20. [В печатном издании: с. 161, примечание 2.] ↑

69. Лк. xii. 37. [В печатном издании: с. 162, примечание 1.] ↑

70. Пс. liv. 8. [В печатном издании: с. 163, примечание 1.] ↑

71. Иер. xv. 17. [В печатном издании: с. 164, примечание 1.] ↑

72. Сир. xxiv. 26. [В печатном издании: с. 167, примечание 1.] ↑

73. Сир. xxiv. 26. [В печатном издании: с. 168, примечание 1.] ↑

74. Лк. xiv. 33. [В печатном издании: с. 170, примечание 1.] ↑

75. Мф. vii. 21. [В печатном издании: с. 171, примечание 1.] ↑

76. Иов iv. 13–15. [В печатном издании: с. 172, примечание 1.] ↑

77. Ин. xii. 32. [В печатном издании: с. 175, примечание 1.] ↑

78. Мф. vi. 24. [В печатном издании: с. 177, примечание 1.] ↑

79. Мф. xviii. 9. [В печатном издании: с. 177, примечание 2.] ↑

80. Мф. vi. 21. [В печатном издании: с. 177, примечание 3.] ↑

81. 1 Кор. xiii. [В печатном издании: с. 177, примечание 4.] ↑

82. Мф. ix. 12. [В печатном издании: с. 178, примечание 1.] ↑

83. Мф. xxvii. 46. [В печатном издании: с. 180, примечание 1.] ↑

84. Мф. xxvii. 39. [В печатном издании: с. 180, примечание 2.] ↑

85. Мф. xvi. 24. [В печатном издании: с. 180, примечание 3.] ↑

86. Гал. iv. 24. [В печатном издании: с. 180, примечание 4.] ↑

87. Ин. xii. 32. [В печатном издании: с. 181, примечание 1.] ↑

88. Лк. i. 46, 47. [В печатном издании: с. 185, примечание 1.] ↑

89. Мф. xvi. 24. [В печатном издании: с. 185, примечание 2.] ↑

90. Рим. viii. 28. [В печатном издании: с. 186, примечание 1.] ↑

91. Мф. xvi. 24. [В печатном издании: с. 187, примечание 1.] ↑

92. 2 Кор. ix. 6. [В печатном издании: с. 187, примечание 2.] ↑

93. Мф. vii. 2. [В печатном издании: с. 187, примечание 3.] ↑

94. Пс. xxx. 21. [В печатном издании: с. 189, примечание 1.] ↑

95. Пс. xxx. 21. [В печатном издании: с. 190, примечание 1.] ↑

96. Сир. xxiv. 14. [В печатном издании: с. 190, примечание 2.] ↑

97. Ин. xii. 32. [В печатном издании: с. 192, примечание 1.] ↑

98. Мф. xvi. 24. [В печатном издании: с. 192, примечание 2.] ↑

99. Мф. xix. 21. [В печатном издании: с. 192, примечание 3.] ↑

100. Мф. xxvii. 46. [В печатном издании: с. 196, примечание 1.] ↑

101. Мф. ix. 9. [В печатном издании: с. 199, примечание 1.] ↑

102. Иов iii. 23. [В печатном издании: с. 204, примечание 1.] ↑

103. Мф. xviii. 10. [В печатном издании: с. 207, примечание 1.] ↑

104. Рим. viii. 38. [В печатном издании: с. 213, примечание 1.] ↑

105. Мф. xviii. 10. [В печатном издании: с. 215, примечание 1.] ↑

106. Мф. v. 1, и далее [В печатном издании: с. 215, примечание 2.] ↑

107. 2 Кор. vi. 10. [В печатном издании: с. 220, примечание 1.] ↑

108. Тит. i. 15. [В печатном издании: с. 220, примечание 2.] ↑

109. Мф. vii. 2. [В печатном издании: с. 223, примечание 1.] ↑

110. Мф. v. 3. [В печатном издании: с. 227, примечание 2.] ↑

111. Ин. i. 27. [В печатном издании: с. 235, примечание 1.] ↑

112. Мф. iii. 14. [В печатном издании: с. 235, примечание 2.] ↑

113. Мф. xi. 18. [В печатном издании: с. 235, примечание 3.] ↑

114. Мф. v. 8. [В печатном издании: с. 236, примечание 2.] ↑

115. Мф. xiii. 46. [В печатном издании: с. 241, примечание 1.] ↑

116. Ин. xiv. 15. [В печатном издании: с. 247, примечание 1.] ↑

117. Лк. xxii. 42. [В печатном издании: с. 248, примечание 1.] ↑

118. Лк. xxiii. 46. [В печатном издании: с. 252, примечание 1.] ↑

119. Респонсорий третьего ноктурна. Общая служба апостолам (Commune Apostolorum). [В печатном издании: с. 254, примечание 1.] ↑

120. Гал. v. 24. [В печатном издании: с. 255, примечание 1.] ↑

121. Иак. i. 12. [В печатном издании: с. 263, примечание 1.] ↑

122. Пс. lxxxviii. 25. [В печатном издании: с. 275, примечание 1.] ↑

123. Пс. lxxv. 12. [В печатном издании: с. 276, примечание 1.] ↑

124. Пс. lxxxviii. 25. [В печатном издании: с. 276, примечание 2.] ↑

125. Пс. cxlviii. 13. [В печатном издании: с. 276, примечание 3.] ↑

126. Пс. xviii. 13. [В печатном издании: с. 276, примечание 4.] ↑

127. Пс. xxxv. 12, 13. [В печатном издании: с. 276, примечание 5.] ↑

128. Мф. vi. 2. [В печатном издании: с. 282, примечание 1.] ↑

129. Лк. xi. 34. [В печатном издании: с. 287, примечание 1.] ↑

130. Мф. xxv. 2. [В печатном издании: с. 293, примечание 1.] ↑

131. Лк. xix. 5. [В печатном издании: с. 301, примечание 1.] ↑

132. 2 Кор. ii. 15. [В печатном издании: с. 302, примечание 1.] ↑

133. Пс. ciii. 3. [В печатном издании: с. 303, примечание 1.] ↑

134. Мф. xi. 25. [В печатном издании: с. 305, примечание 1.] ↑

135. Мф. xvi. 13. [В печатном издании: с. 308, примечание 1.] ↑

136. 2 Тим. ii. 5. [В печатном издании: с. 311, примечание 1.] ↑

137. Лк. xvii. 21. [В печатном издании: с. 315, примечание 1.] ↑

138. Ин. xvii. 3. [В печатном издании: с. 316, примечание 1.] ↑

139. 1 Кор. v. 17. [В печатном издании: с. 318, примечание 1.] ↑

140. Втор. vi. 4. [В печатном издании: с. 321, примечание 1.] ↑

141. Ис. xiv. 15. [В печатном издании: с. 323, примечание 1.] ↑

142. Ос. ii. 14. [В печатном издании: с. 323, примечание 2.] ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн